

Яна Ясная

ОСТОРОЖНО: ЗЛАЯ ИНКВИЗИЦИЯ!

Глава 1

Ксения

В магазин я ввалилась в состоянии повышенной раздражительности. Люди — идиоты и не лечатся, это не секрет, одна я тут красивая в белом пальто стою, но что-то сегодняшний уровень моей злобности удивлял даже меня.

Хотя меня мои таланты обычно не удивляют, я в свои силы верю.

Приятный полумрак, витрины, заполненные загадочными и чудодейственными предметами, и витающая в воздухе смесь множества ароматов — запах, характерный для мест, где торгуют благовониями. Интерьер, может быть, на любителя, но мне нравится.

Он стоял в торговом зале к витринам передом, к лесу, то есть ко мне, задом.

И каким!

Да там весь арьергард заслуживал доброго слова и вдумчивого женского взгляда: шикарная выправка, великолепный разворот широких плеч, узкая талия (мамка-ведьма, роди меня обратно!) и ноги. Ноги! Длина и двуглавые мышцы бедра (с прокачанной ягодичной мышцей, опять же) радовали сердце и улаживали взор.

Высокий. Темные волосы облагорожены короткой стрижкой.

И затянуто все это великолепие в деловой костюм.

Вид — аж сердечко прихватывает. Хватать и трахать.

Потому что аура вокруг него такая, что продавщица Леночка, краснея, и бледнея, и трепеща ресницами, будто сейчас взлетит, старательно расписывает ему разницу между одной неработающей фигней и другой неработающей фигней, а тот внимает. И девичье сердце млеет, и флюиды любви затопили все на свете, хоть прямо из воздуха черпай и в банки для приворота закатывай. И зачерпнула бы, да приворот — это незаконно, и при инквизиторе, пожалуй, этим заниматься не стоит.

— Добрый день! — с садистским удовольствием прервала я щебет наемной работницы (не для того я ее нанимала, чтобы ее потом всякие-якие окучивали!).

Развернулись оба. Леночка предъявила начальствующему взору порозовевшие щеки и блестящие глазки (от трудового энтузиазма, да-да!), а гость...

— Ксения Егоровна? Уделите мне несколько минут.

Он показал вынутое из нагрудного кармана удостоверение, на которое я даже не взглянула, потому что одновременно с этим движением морок на его груди поплыл и открыл взгляду бляху инквизиторского медальона.

Зря старался, кстати. Нормальная ведьма инквизитора чует ж... жизненным опытом.

Стоящая рядом Леночка, кстати, даже ухом не моргнула на возникшую из ниоткуда здоровенную золотую блямбу. Вот что значит — качественный, многослойный морок.

Не говоря ни слова, я развернулась к неприметной двери из торгового зала в мой кабинет, ничуть не сомневаясь, что гость от инквизиции последует за мной.

И правда — последовал.

— Брат Максим, — представился он, когда дверь закрылась.

Пф-ф-ф, милый, если бы у меня были такие братья, я бы в дурку уехала! Это ж натуральное «видит око — зуб неймет»!»

— Я к вам по делу.

— Приворотами не занимаюсь! — отрезала я, все еще пребывая в глубоких сожалениях о напрасно распыленном в воздух материале.

— С инспекцией.

— При инспекции тем более не занимаюсь!

— Что, совсем? — иронично уточнил он, чуть ощутимо дрогнув углом рта в улыбке, и у меня натурально ослабели колени.

Исключительно от беспокойства, само собой: заметил, с-с-скотина, мой взгляд тогда на входе. Эти все замечают.

— Дались вам эти привороты, многоуважаемый Максим... Как вас по батюшке? — мурлыкнула я нахально. — Зачем они такому привлекательному мужчине? Но так уж и быть, для вас любой каприз в обмен на индульгенцию!

Вопрос об отчестве он пропустил мимо ушей столь же непринужденно, сколь я предложение обращаться к нему «брат».

Вы посмотрите на них! Братья, ну надо же!

Двадцать первый век на дворе, свободное общество и светское государство! И я готова признать за инквизицией определенные права — ровно те же, что за полицией и другими органами государственной власти. Но признать инквизицию выше себя — нет.

Сегодня они хотят, чтобы я с почтительным «брат» склоняла голову перед заезжим инспекторишкой, а завтра что?

На колени потребуют встать?

Нет уж! Я готова звать инквизитора по имени-отчеству, уважаемым и с любой другой принятой в обществе формулировкой. Но никаких братьев. Никаких отцов.

Я прошла за стол на свое рабочее место, ткнула в кнопку запуска на системнике, выдернула с полки бухгалтерский скоросшиватель с накладными и демонстративно шлепнула его на стол перед Максимом Батковичем.

Системный блок мерно шуршал вентиляторами и хрен его знает чем еще, пробуждая рабочий компьютер.

Инквизитор задумчиво листал документы, не изучая, а так, ознакомливаясь: накладная на индийские благовония соседствовала с накладной на китайские амулеты, а им обоим компанию составляла накладная на славянскую ведическую литературу.

Ничего из этого к собственно магии отношения не имело.

Наконец компьютер загрузил торговую программу, я распечатала ведомость по остаткам и громко хлопнула ею перед инспектором:

— Прошу! Вперед!

Он только бровь приподнял: мол, что это вы, Ксения Егоровна, себе позволяете?

А я мгновенно разозлилась: я, мил мой человек, еще ничего себе не позволяла, но непременно позволю все! Однако тормоза пока еще держались, и потому, вместо того чтобы наорать на инквизитора (плохая идея!), я насколько могла любезно фыркнула:

— Все ваши предшественники начинали плясать от печки — с инвентаризации. Где желаете устроить пляски в первую очередь — в торговом зале или на складе?

— Ксения Егоровна, — вздохнул Максим без отчества (не брат ты мне!). — Я не по этой части. Меня не волнует ваше уклонение от налога на оккультную деятельность.

Я моментально подняла перья: да достали вы меня уже со своим мифическим уклонением! Но не успела обрушить на голову инквизитора гневное: «Нет, не было и докажите, перед тем как бросаться обвинениями!», потому что он продолжил:

— Я приехал расследовать серию ритуальных убийств в вашем городе. Что вы можете сказать об этом как местная Хозяйка?

Обычно такие заявления вызывали во мне острое желание орать на убогих, топтать ногами и швыряться тяжелыми предметами, и я даже окинула гостьюшку дорогого взглядом, примеряясь: инквизитора было много, целиться — сплошное удовольствие. Именно это я и могла бы сказать.

Кое-как разогнав мечтания, я в сотый, тысячный, миллионный раз озвучила наиболее дипломатичную из мыслей:

— Скажите, вы ваш инквизиторский медальон в киндер-сюрпризе нашли? Когда экзальтированные

тетки и эксцентричные подростки вещают о Кругах, шабашах и их Хозяйках, это я еще могу понять. Но когда эту чушь вслух повторяют грамотные люди, мне становится неловко за отечественную инквизицию. Я этому городу не Хозяйка. У этого города нет Хозяйки.

Спич, полный сарказма и капающего с клыков яда, не произвел должного впечатления на инквизитора. Он разглядывал меня с интересом, как энтомолог-исследователь — любопытное насекомое, но не более, и тем самым будил дикое желание доказать мерзавцу, что я не насекомое, а вовсе даже млекопитающее. Например, скунс.

— Отчего же нет? — вкрадчиво, благожелательно поинтересовался инквизитор. — Вы отпрыск древнего ведьмовского рода. В этом городе семьи старше не найдется. Инквизиция вашу кандидатуру одобряет. И вряд ли в городе или в его окрестностях найдется ведьма, готовая бросить вам вызов за главенство.

— Сказать вам, куда инквизиция может засунуть свое одобрение? — я внезапно успокоилась и попросила. — Выньте, пожалуйста, затычки из ушей и услышите меня уже. У этого города нет Хозяйки. И у соседнего нет. И у Великого Новгорода. И у Москвы. И у столицы всего ведьмовства, Киева, — тоже нет. Возможно, есть женщины, называющие себя таковыми. Но Хозяек — нет. Точка. Времена шабашей прошли. Хозяйки остались в прошлом. Вместе с шабашами.

Теперь-то он выглядел не на шутку заинтересованным, этот Максим, зовущий себя моим братом: нос с горбинкой, глаза с прищуром, локти на столе, пальцы переплетены, на мизинце взблескивает перстень-печатка, и сам он чудо как хорош... Вот только разговор наш смысла не имел.

— Почему? Почему вы так упорно отказываетесь от этой должности? Ведь она многое вам дает. Власть. Статус. Право! — голос инквизитора звучал вкрадчиво, обволакивая меня.

Но я девушка не мелкая — меня попробуй обволоки.

— Обязанности, — подсказала я. — Мне понятны мотивы вашей богоспасаемой организации, многоуважаемый Максим. Вашим иерархам за каждой ведьмой в захолустном городишке вроде нашего учет и контроль вести не с руки. А поставил жупел в виде дутой Хозяйки — и вроде как порядок. А ею одной вертеть куда как легче. Но вот только Хозяйкой невозможно назначить, дружочек мой, многоуважаемый Максим. Это уникальная совокупность личных качеств, сил и — я сделала глумливую паузу — пройденных обрядов. О которых ныне и представления не имеют. Вот то Хозяйка, правильная, настоящая. Она из шабаша выходит, от шабаша силу берет — шабашу и служит. Ее своя земля питает. А те дурилки картонные, которых ваши отцы по местам распахали, — так, административные единицы, не более. И подчиняться им или нет — дело для каждой ведьмы сугубо добровольное. И дуры те, кто этого не знает.

— Да вы, Ксения Егоровна, анархистка! — снисходительно восхитился собеседник.

— Тревожно. Тревожно становится за судьбы родной инквизиции при виде лучших ее представителей, — вернула любезность я и растянула губы, изображая вежливую улыбку (или мерзкую гримасу, это уж кто как назовет).

— И все это было — во-первых. Во-вторых — что еще за чушь про ритуальные убийства в моем городе? И не надо корчить рожи, «Мой город» означает, что я тут живу. Я тут родилась.

Скорчить рожу, правда, инквизитор Максим не успел, а может, вовсе не планировал, но предоставлять ему такого шанса я и не собиралась, нанесла удар на упреждение. Упредила так упредила — тот даже не попытался изобразить улыбку.

Ну и правильно. Терпеть не могу конкуренции.

Несколько секунд смотрел на меня, то ли изучая, то ли давая понять, что я зарвалась.

— Ксения Егоровна, что вы знаете о серии убийств в вашем городе? — задал он наконец вопрос по итогам внутрицерепной конференции с самим собой.

Я призадумалась — а сыр во рту держала. Вернее — но ненадолго. Надолго задуматься у меня бы и не получилось, без опыта-то.

Крапивин — город маленький, всего-то двести пятьдесят тысяч душ населения. Жаркий юг нашей необъятной Родины в той ее части, где она еще не курорты, но уже и не средняя полоса. Так, серединка на половинку, триста с лишним лет истории.

С одной стороны, убийств тут, конечно, все равно хватает.

С другой стороны — это все больше банальная поножовщина да бытовуха, а вот чтобы сериями, это нет, этим у нас не балуются.

Так что долго «призадумываться» тут было не о чем... И я честно ответила на заданный вопрос:

— Ни-че-го.

И, поразмыслив еще немного, прибавила:

— Я о ней вообще впервые слышу. А не путаете ли вы чего, многоуважаемый Максим? Не подумайте, что я сомневаюсь в компетентности ваших источников — хотя я-таки сомневаюсь, но не будем об этом, — но наши масс-медиа информационными поводами не избалованы. Если бы в городе завелся серийный убийца, СМИ вопили бы на эту тему из каждого утюга.

— И тем не менее с сентября прошлого года в вашем городе были зарезаны три молодых женщины, — инквизитор упорно хранил каменную физиономию, хотя я на пену изошла в попытках его зацепить и вывести из себя. — Все убитые были разного возраста, типа внешности и социального положения. Тела обнаружили в разных местах и при разных обстоятельствах. Орудие убийства ярко выраженных особенностей не имеет. Способ убийства тоже сложно назвать уникальным. У следствия не было никаких причин объединять эти случаи в серию — как и у журналистов.

— А у вас есть, — уныло поняла я, ж... жизненным опытом чувствуя, что сейчас инквизитор скажет мне феерическую гадость и разом переплюнет все мои старания по выведению его из себя.

— А у нас есть, — согласился инквизитор.

Как пить дать, какой-нибудь долбоклюй надумал поиграть во Властелина Тьмы, Отворяющего Врата Отцу Страданий. Раз традиционное следствие не сделало стойку на следы ритуалов вокруг убийств, а нетрадиционное, как раз наоборот, возбудилось, то отметился в этом не просто долбоклюй, а из наших. Ну что за поганое утро, а? Ну просто хуже быть не может!

— Эти убитые женщины были магически одаренными.

Опа.

Может.

Да ну, чушь какая-то!

— Это невозможно, многоуважаемый Максим! Чтобы одна за другой были убиты три ведьмы, а сообщество ни сном, ни духом? Да у нас на весь город, может, десяток колдовских семей наберется, а вы мне хотите сказать, что такая убыль могла пройти бесследно?

Гнев мой рухнул на инквизиторскую голову штормом. Я в одно мгновение забыла про опасливую сдержанность и здравую осторожность, показанную ведьмам в общении с инквизицией.

— Вы что, думаете, мы тут позволим резать себя, как кур? — я все повышала голос, хлестала его словами. — Вы думаете, вы там одни умные, а мы тут идиоты? За кого вы меня принимаете? Что за идиотскую сказочку вы мне рассказали? Это попросту невозможно!

Сила бушевала вокруг меня, невидимая, но достаточно ощутимая, чтобы любой здравомыслящий человек остерегся связываться с истерящей ведьмой.

— Итак, Ксения Егоровна, что вам известно об этих женщинах? — голос инквизитора, по сравнению с моим ором, казался особенно спокойным.

ТЬфу, напасть! Да что ж ты такой непробиваемый?!

Я с трудом сдержала досаду и сгребла со стола фотографии, которые этот пень стоеросовый неторопливо выложил в ряд.

Три женщины, ни с кем из них я знакома не была. Снимки явно посмертные.

Личности жертв что, не установили?

Этот вопрос я задала вслух.

— Ну почему же, установили. Но вам, Ксения Егоровна, придется поднять также свои источники и выяснить, кто же на самом деле были эти девушки и почему их могли убить.

Мне?! Да с какой это стати?

Я надменно выгнула бровь, без слов уточняя: а не отправиться ли тебе в пешее эротическое, многоуважаемый Максим, возглавив при этом всю вашу бравую инквизиторскую братию?

— Вы ведь здесь сильнейшая ведьма, — вкрадчиво намекнула мне эта харя, вместо того чтобы пойти, куда послали. — Разве не ваш долг — защищать сестер?

— С чего бы это? Разве это не ваша обязанность? — неподдельно изумилась я, аккуратно собрала фотографии в стопочку, обстукала ее, выравнивая края, и демонстративно положила перед инквизитором.

Скандал заходил на новый виток. А фраза «Я не обязана!» звучит куда выигрышней позорного признания «Да нет у меня никаких источников!».

— Мне их, конечно, жалко, — со сдержанным достоинством продолжила я, — но расследованием должны заниматься профессионалы. И я крайне возмущена: куда смотрит инквизиция?! За что мы платим налоги?

— Вы — не платите, — парировал визави.

— Плачу! — мигом подняла я иголки, потому что это была старая кость, которую мы не первый год грызли с Орденом.

— Не платите, — видя, что я собираюсь отстаивать свою финансовую порядочность, он неприятно улыбнулся. — То, что вас до сих пор не прижали с вашим уклонением, означает только то, что за вас еще толком не брались!

Ха! Хах! Да как же — не брались! Да у меня этих ваших инквизиторских инспекций было больше, чем налоговых! Да я! Да вы! Да у меня!..

Меня до белого каления доводило то обстоятельство, что единственный аспект, в котором я была чиста, как слеза младенца, подвергался неустанным нападкам.

Времена нынче настали просвещенные: инквизиция не жжет ведьм на кострах, она облагает их налогом. Называется он «налог на оккультную деятельность», и платят его все, кто использует ведьмовской дар для получения прибыли, в размере десяти процентов от оной. (Сколько просвещенных названий не придумывай, а десятина была — десятиной и осталась.)

Те же члены ведьмовского сообщества, что не практикуют за плату (исчезающе малая часть из них и правда не практикует), платят символический «ведьмин взнос» в одну золотую монету в год. Плата скорее ритуальная, чем обременительная, — лично я ежегодно покупаю самую дешевую в ближайшем отделении зеленого банка и торжественно вручаю явившемуся за мздой инквизитору.

Мне не раз и не два намекали с кислым видом, что я вполне могла бы воспользоваться безналичным расчетом, но, начав соблюдать традиции, трудно остановиться.

К тому же всегда приятно взглянуть в глаза человеку, который пил из прекрасного далека в наши не избалованные приличным асфальтом края ради моего взноса, и прочитать во взгляде все, что он обо мне думает.

Остальные плательщики, не выпендриваясь, переводили денежный эквивалент по курсу и тихо радовались, что не надо иметь дела с представителями Ордена лично.

Но тут есть одна маленькая деталь: я на самом деле не торговала своим даром. Принципиально. Никогда. Соответственно, любые попытки меня на этом подловить были обречены на провал, а значит, я могла позволить себе выкобениваться сколько душевника желает.

Многоуважаемый Максим смотрел на меня таким серьезным, умным и укоряющим взглядом, что я тут же поняла, насколько плохо поступаю, заставляя хорошего и занятого человека попусту тратить время, и угрызлась совестью.

Угрызлась бы — если бы не выдрессировала ее давным-давно, на заре розовой юности.

Поэтому вместо совести все эти увещевания и взывания к лучшим чувствам разбудили во мне здоровый цинизм.

Будем честны: инквизиция всегда была не прочь въехать на чужом горбу в рай. Вот и сейчас с прекрасной в своей наглости непринужденностью пытается свалить на меня свою работу.

— У вас ко мне есть еще вопросы? — светски поинтересовалась я. — Может быть, все же инвентаризацию?

— Ну что вы, как можно! — оскорбился мой гость, шевельнув пальцами, и на мизинце снова блеснул перстень с рельефным узором. — У меня ни предписания для подобной работы нет, ни разрешения!

— Тогда будьте любезны, — я недвусмысленно указала ему на выход.

Ибо нечего тут!

У меня и без всяких залетных дел по горло!

Уносите прочь, многоуважаемый Максим, свой нос, взгляд и подтянутую задницу, не отвлекайте занятую женщину!

И демонстративно уставилась в монитор компьютера: электронный магазин сам себя не обслужит, знаете ли.

— Ксения Егоровна, хорошо, вам не жаль сестер по ремеслу, — проигнорировал мой послыл этот небрат Максим, разглядывая меня со все тем же естествоиспытательским интересом, — Но вы не боитесь, что убийца может и к вам прийти?

Пф-ф-ф, не мытьем так катаньем, да, дорогой? Не вышло на чувство долга поймать — будешь на страх за свою шкуру ловить? Нет уж! Тем более что мне было что на это ответить:

— Пусть приходит, — со все той же безупречной любезностью отозвалась я, стремительно стуча пальцами по клавиатуре. — У меня как раз интересная индульгенция завалилась...

Я на секунду замерла, внимательно перечитывая текст сообщения.

И только потом договорила:

— На снятие живой человеческой кожи!

И резко поставила точку в разговоре — и в реале, и в сети, одним звонким нажатием клавиши «энтер».

Инквизитор стиснул зубы, перекатил желваки. Встал, поправил пиджак.

— До свидания, Ксения Егоровна.

«Пропади ты, стерва, пропадом!» — безошибочно прочитала я в этих словах.

Дверь, выходя, он, впрочем, прикрыл чертовски аккуратно — отравив мне тем самым миг сладкого торжества от того, что я его все ж-таки пробила.

Ну что за люди в этой инквизиции, а?! Непременно им надо испортить чужой триумф!

В Средние века, в темные-темные времена, в которые инквизиция отчаянно пыталась внести хоть малую толику света и для того густо-густо устала кострами Европу и чуть пореже — Русь-матушку, практиковал сей славный Орден выдачу индульгенций. В том числе — и ведьмам. Им, правда, не за плату, а лишь за весомую помощь в деле поимки своих совсем уж зарвавшихся сестер по ремеслу.

К слову сказать, иных из «сестер» вовсе не грех было сдать святым отцам.

Ну да речь не о том.

То противостояние, длившееся не одно столетие, закончилось в итоге — даже не позорным поражением одной из сторон, а вроде как перемирием.

Инквизиторы и маги более-менее пришли к согласию, обязались обоюдно хранить тайну существования магии, ведьмы и колдуны очертили границы, за которые они более не переходят, инквизиция приняла свод правил, по коему обязывалась не тянуть их в пыточные и на костер по собственному произволу...

Паритет.

Правда, инквизиция в итоге все равно оказалась сверху. И лишь одно отравляло им осознание победы.

Индульгенции. Те самые, раздаваемые когда-то во множестве.

Беда в том, что они, большей частью, не имели срока давности, как и имени предъявителя, и наши, кто поумнее, не спешили пускать их в дело, и так они хранились веками, передаваясь от родителей к детям.

Прошло полтысячелетия с тех пор, как полыхали костры испанской инквизиции, мир безвозвратно переменялся, сама инквизиция из религиозного ордена стала светской организацией,

разветвленной структурой, в которой обращения «брат» и «отец» остались лишь данью традиции...

А нет-нет да и всплывают до сих пор документы, дарующие предъявительнице право на то, что и в Средние века было деянием сомнительным с точки зрения морали и нравственности, а уж в наше время и вовсе... Дичь, от которой шевелились волосы. Вроде права взять «живую» человеческую кожу и применить ее в дело — а «живой» кожу называли, если что, за то, что снимали ее отнюдь не с трупа. Очень, очень сильные артефакты можно на основе такого материала сотворить.

Очень, очень грязная магия.

И именно на нее одна из моих «пра-» (и еще много раз «пра-») бабок когда-то получила дозволение от тех, чьи права и обязанности унаследовал мой сегодняшний гость.

Мой удар был ниже пояса: инквизиция ненавидела эти проклятые бумажки, ее представители шли на многое, лишь бы их как можно меньше осталось на руках, готовы были их выкупать и обменивать на льготы...

Вот только, пусть многие из индульгенций и содержали в себе разрешения на такие вещи, которые ни один нормальный человек не станет делать, вне зависимости от наличия либо отсутствия позволения, пусть инквизиция и предлагала действительно весьма привлекательные условия, выпускать из рук эти средневековые писульки колдовские семьи не спешили.

Индульгенции, несмотря на всю свою бесполезность с точки зрения магической практики, хранились бережно, трепетно, давно превратившись в весомый козырь на случай неприятностей с Орденом.

Мало ли что в жизни случится.

И в моей семье тоже хранили.

Но все же, до чего хорош, подлец!

Сытый, уверенный в себе. Олицетворенное самообладание как оно есть — и огонь, тлеющий под гнетом самоконтроля.

Что скрывать — нравились мне такие, как этот многоуважаемый Максим.

Подбери слюни, подруга, тебе до такого мужика еще килограмм пять-десять лишних нужно сбросить!

...а если ради мужика нужно что-то сбрасывать — то в топку такого мужика, потому сбрасывать что угодно нужно только ради себя!

Придя к такому выводу, я решительно свернула рабочие окна и направила стопы свои (а с ними все прочее тело свое) в торговый зал.

Надо бы Ленке мозги вправить на тему инквизитора. А то уж больно она млела.

Своего продавца я застала созерцающей сквозь витрину мини-парковку перед магазином — ту самую, с которой только что отбыл инквизитор.

И только я открыла рот, чтобы сделать сотруднице внушение на тему «Любезничать — любезничай, а откровенничать — ни-ни!», как она выдала:

— Козел. Из налоговой, что ли?

Я закрыла рот с той стороны — как говаривали в одном сериале.

— С чего ты взяла? — осторожно уточнила, опомнившись.

— Чую! — мрачно отрезала Леночка.

Да не-е-е, быть того не может!

На всякий случай перепроверила: точно, не ведьма!

Спокойно, мать, не только ведьмы имеют право на наблюдательность и жизненный опыт!

— Не важно, — отрезала я и перешла ко вкрадчивому тону, который, как правило, не сулил ничего хорошего. — Лена... Почему у нас витрины не протерты?

Текучка кадров у меня огромная: четыре-пять месяцев, и продавец сбегает, не выдержав постоянных придирок, скандалов и нападков на ровном месте. Ленке еще месяца два нужно, не меньше.

Дольше всех продержалась Ленкина предшественница, Марина, — десять месяцев, почти год.

Маринка, правда, как только поняла, что с ней случилось долгожданное чудо и она забеременела, порывалась уволиться, не дожидаясь декрета, и свалить подальше от меня — и подальше от нервотрепок, соответственно.

Но я ее вялые попытки к бегству, не церемонясь, задавила авторитетом: тащить на себе чужую беременность и так занятие очень на любителя, я для того, что ли, ее силой по макушку накачивала, чтобы она потом не доносила? Врачи и так смотрели как на чудо и дышать боялись.

И ничего, доработала Мариночка как миленькая, через день да каждый день умываясь соплями, и, хоть дважды пыталась подsunуть мне липовую справку из женской консультации, в декрет ушла строго после тридцати недель... И так и не поняла, отчего в домашней тишине и покое ее самочувствие резко ухудшилось, а всего через неделю умчалась в роддом на скорой и явила миру хотя и недоношенного, но вполне жизнеспособного мальчишку.

От меня же до сих пор шарахалась как черт от ладана, вызывая тем самым в моей черной душе приступы легкого самодовольства: ну вот умею я людям нравиться!

Вот и сейчас, устраивая Ленке обидный и несправедливый разнос, я словно бы располовинила свое сознание на две части: одна увлеченно орала, плевалась ядовитыми словами в молодую женщину, которой некуда было от этого деваться, а вторая отстраненно и хладнокровно нагнетала в реципиента энергию, параллельно пресекая попытки собственного организма обернуть процесс вспять и откусить немного от чужих жизненных сил.

Честно говоря, как лекарь я ниже плintyса: все мои умения исчерпываются целебным приемом «накачай пациента по уши, чтоб аж булькало, а там, глядишь, организм и сам выкарабкается».

Методика паршивая, потери при передаче просто гигантские — а что делать? Мне же надо стравливать куда-то излишек силы, раз уж уродилась ведьмой!

Быть стервой удобно. Это от многого защищает.

Давным-давно, когда наши предки заключали мировое соглашение с инквизиторами, они проиграли, позволив навязать себе условие, по которому обязывались хранить тайну о существовании магии.

И поклялись.

И такие силы были тогда призваны в обеспечение клятвам, что и по сей день находится не много желающих нарушить те давние договоренности ни по эту сторону, ни по ту — недаром Орден всего лишь старается выманить индульгенции где добром, где интригами, но никогда не пытается нарушить договоренностей.

Разве могли они, тогдашние, принося клятвы за себя и своих потомков, предположить, как изменится мир?

Что его насквозь пронзят дороги и провода, оцепят спутники, прострелят камеры и видеорегиcтpаторы и заполонят телефоны.

В этих условиях «сохранить магию в тайне» равняется «не использовать магию».

А характер ведьмовской силы таков, что не использовать ее нельзя. Не находя применения, она давит носителям на мозги, портит и без того мало у кого идеальные характеры, подталкивает к опрометчивым решениям и поступкам.

Хорошо тем, чьи таланты лежат в созидательной области: прогулялась какая-нибудь целительница в лесок поглубже, размяла ноги, и пусть в том, что растительность прет как сумасшедшая, радиационные дожди обвиняют.

Всевозможным ясновидящим и гадалкам и вовсе почти в открытую практиковать позволяют, лишь бы не нагнали и не забывались. У тех и вовсе из опасностей — как бы серьезные люди не поверили в их силы настолько, чтобы пожелать себе предсказательницу в частную собственность, да и не уволокли в какой-нибудь тихий угол, дабы подвесить на крюк за ребро для обеспечения лояльности, ну так это привычный профессиональный риск, издержки специальности.

А что делать тем, чьи склонности далеки от созидания, а имеют прямо-таки противоположный

уклон? Куда стравливать излишек — так, чтобы за это к инквизиции в застенки не угодить да и самой себе не опротиветь?

Я вот все больше в порчах и проклятиях сильна.

Так уж вышло, что сила, доставшаяся мне в семейное наследство, в реалиях современного мира совершенно не практична. В прямом смысле слова: ей трудно найти практическое применение.

Лезть в большой бизнес, где всегда найдется кого проклясть, мне мешал характер: я мизантроп и интроверт, я не люблю общаться, а весь бизнес больших мальчиков и девочек построен на личных связях и на том, что между грызней и попытками друг друга утопить требуется вести диалог.

Продавать свои услуги мне претило: мешала семейная гордыня. Дочь древнего ведьмовского рода приравнять к безмозглому оружию?! Нет уж! Я, конечно, могу проклясть кого угодно, но и приговор я вынесу сама!

Вот и приходилось мне, сидя фактически на потенциальной власти и богатстве, крутиться, чтобы на что-то прожить. А важнее того — изворачиваться, чтобы придумать, куда стравить излишек магии.

Ибо избыток нашей семейной силы, да вкупе с нашим же семейным характером...

Решение проблемы я отыскала случайно. Я тогда только-только расширила дело и искала продавца в магазин: не царское это дело, сапоги тачать — уж больно хреновая обувь получается.

Помню, найденная через биржу труда ледащая девица ужасно меня раздражала. Взяла-то я ее потому, что мне все равно было, кто за прилавком встанет, лишь бы не я. Но она всего боялась, вечно дрожала и от страха разогнуться не могла. Так и хотелось встряхнуть ее хорошенько, чтобы расправилась.

Ну я и не удержалась, рыкнула. Еще и силы в нее подала — чтобы перестала меня бесить, как сдутый шарик. Просто силой, чистой, не оформленной, без посылки разрушительного или созидательного (что в моем корявом исполнении привело бы к еще более негативным последствиям, потому что зло свое я четко держу под контролем, а вот добро причиняю неконтролируемо).

Природная энергетическая защита Ирины Карпенко была подавлена моей агрессией, да и сама по себе была слабой — жиденький поток ее жизненных сил хлынул ко мне через пробой и тут же отшатнулся, сметенный напором моей силы, повинующейся идиотскому желанию «накачать шарик».

Но, когда моя сила попала в замордованную и зашуганную женщину, я отчетливо увидела внутри нее тень. Густое чернильное пятно в тонком теле. Что это, я разобрать не сумела, установила только, что происхождения оно стопроцентно не магического (еще не хватало конкурентку на своей территории терпеть!), мысленно отметила, что диагнозом мне не быть (плюс один антиалант), но Ирину заполнила, как флакон — под крышечку.

Распирать меня стало меньше.

Ирина вроде бы даже слегка распрямилась. Едва-едва. Самую чуточку. Чернильное пятно в районе ее половых органов на следующий день стало самую малость светлее. Самую малость — почти не ощутимо.

«Хм!» — сказала я и как следует это обдумала.

В окружающую-то среду силу бесконтрольно сливать нельзя, это как утечку радиоактивных отходов рядом с собой организовать: во-первых, фонит-с, а во-вторых, никогда не знаешь, в какой момент тебя похлопает по плечу разумная форма жизни в виде сиреновой слизи со щупальцами. Сила меняет.

А если вливать силу в человеческий организм — такой, которому будет на что потратить этот внезапно свалившийся ресурс?

Результатом раздумий стала лично мной разработанная методика передачи сил, и я ей заслуженно гордилась: до меня таких извращений никто не делал. А если кто и делал, с широкой общественностью не поделился, чтобы не позориться, вот и я буду молчать в тряпочку.

Ирина проработала у меня четыре месяца в совокупности и в один прекрасный день хлопнула дверью после очередного скандала: наконец-то нашелся врач, который счел ее опухоль операбельной, а стерва-хозяйка отказалась дать ей больничный, и даже отпуск, и даже за свой счет! И она решила, что шанс на жизнь — дороже. И ухватила за него зубами. Но главное — она распрямилась. Вера в то, что ее жизнь, возможно, еще не окончена, подтолкнуло ее к пониманию, что незачем растрачивать эту жизнь на работу в третьесортной лавочке за гроши и унижения.

Мне тоже хватило ума не пытаться доводить дело до полного выздоровления: как только клякса перестала откликаться на мое вмешательство — выпнула больную в объятия традиционной медицины. Пусть лечат быстрее надежными средствами без моего шаманства из говна и палок, пока ситуация обратно не качнулась!

Я к тому времени уже успела продумать обрядик — небольшой, накроет только Крапивин, — который сам будет приводить ко мне в магазин болезных из числа тех, кто подходит под нужные условия, и собрала для него все необходимое, а как Карпенко покинула мою черную обитель — так в ту же ночь и провела.

Задумку свою доработала напильником и осталась удовлетворена.

Метод требовал виртуозного владения собственной энергией, потому что вся логика ситуации диктовала обратную схему поведения и сила так и норовила взбрыкнуть и потечь от пациента обратно к донору в тот момент, когда внимание приходилось удерживать не внутри себя, а вовне: скандал сам себя не поскандалит.

А заодно отвлечет внимание реципиента, объяснит повышенную бодрость после каждой процедуры всплеском адреналина, отобьет решимость задержаться у меня в подчинении дольше, чем это необходимо (а сколько необходимо, я и так прекрасно удержу).

И самое главное — избавит от желания приписывать мне что-то хорошее.

Если кто-то заметит чудо, он не свяжет его с настолько неприятной теткой, а быстро подгонит под ситуацию другого чудотворца.

То, что доктор прописал.

Я не хочу проблем ни с толпами страждущих исцеления, даровать которое все равно не в силах, ни с инквизицией, которая в этих толпах может углядеть нарушение мною клятвы сохранять магию в тайне.

Именно на этой глубокой мысли я и обнаружила, что положительная динамика у Ленки поменялась, — и если раньше я прогнозировала месяц-другой воздействия, то теперь... Не знаю, надо смотреть, какой отклик будет завтра, но по ощущениям месяца три. А там как бы и не четыре.

— Лена, у тебя что-то случилось? — оборвала я скандал.

— Не ваше дело, Ксения Егоровна! — рявкнула Леночка. — Помою я ваши витрины! И возьмите уже уборщицу в штат!

Тёминой, кстати, хватает твердости духа давать мне отпор. Она огрызается на несправедливые придирки, отказывается выполнять неуместные поручения и по складу натуры воин и боец. Не то чтобы это что-то меняло, но так интереснее.

— Не мое — так не мое, — согласилась я.

Если завтра ситуация не изменится — сама гляну.

На этом я развернулась и покинула торговый зал.

У меня здесь и помимо Леночки дел полно.

Вон, свежий товар приехал. Надо накладные оприходовать, обновление на сайте сделать.

А еще — по группам пройтись, сформировать заказы, ответить покупателям, съездить на почту.

Я достала телефон и набрала номер.

Глава 2

Максим

Выдавая мне задание, отец Игнатий предупреждал: крапивинская Хозяйка с прилажью. Я отнесся к его словам скептически: отец Игнатий, на моей памяти, ни одной представительницы прекрасного пола не одарил добрым словом, вне зависимости от того, сражалась она за нас, за противника или жила мирной жизнью обычной женщины.

Но Ксения Егоровна действительно оказалась с левой резьбой по всей кукушечке. Определение «с прилажью» ей отлично подходило, емко характеризую объект по всем параметрам.

На физиономию Свердлова Ксения Егоровна, числившаяся в реестрах Ордена Хозяйкой города Крапивина, оказалась так себе, ничего особенного, но фигуристая: сиськи выпирают из делового пиджака, задница такая, что... Не будем о заднице, я при исполнении.

Этим достоинства и исчерпывались.

Продавщица, которая все то время, что я ждал госпожу Свердлову, старательно отработывала свою зарплату, заливаясь соловьем о чудодейственном ассортименте их прекрасного магазина магических товаров (я еще при входе проверил: ничего из магических товаров в их магазине не было), при виде хозяйки притихла, прижалась к стеночке и старательно не отсвечивала, пока мы не ушли. Явно крови работодателяница попортила ей немало.

На меня же Ксения Егоровна смотрела так, что я было решил: слаба на передок. Потом, правда, дошло: это ж она сколько немотаных нервов перед собой увидела!

Характер у Свердловой был препаскуднейший.

В итоге, из моего жеста доброй воли получился цирк с конями: Ксения Егоровна показательно била копытами, я изображал что-то среднее между укротителем и клоуном.

А всего-то, что попытался проявить вежливость и не работать на чужой территории за спиной местной власти. Чин чином пришел, изложил дело, попросил содействия... И получил ведро помоев на голову.

Ладно, хватит. Лучше думать о деле, чем об этой жопастой с-с-с...

Удивительно правдива все же истина, дошедшая до наших дней еще со Средневековья: ведьму делает не сила, ведьму делает характер!

Навигатор вел меня по летнему городу, а я пытался взять себя в руки, абстрагироваться от раздражения и направить мысли в рабочее русло.

К черту ущемленное самолюбие, потом финансовый отдел Ордена вздрючу за попустительство.

— Не будь она одаренной, я бы и внимания не обратил на этот труп. Ничего примечательного в целом. Если бы полгода назад я не вскрывал такую же барышню. — Кирилл Андреевич Левашов, судмедэксперт крапивинского бюро судмедэкспертизы, методично уничтожал свой обед, попутно объясняя мне, что именно побудило его вызвать инквизицию. — Такую же — я имею в виду, слабую и неиницированную.

Мы сидели в кафе неподалеку от крапивинского морга и с толком распоряжались Левашовским обеденным перерывом.

— Вот и зацепился вниманием. — Кирилл Андреевич отрешенно покрутил вилок в воздухе, подбирая слова. — Обе женщины были убиты ножом в сердце, но одну ударили со спины в положении стоя, и она, скорее всего, не ожидала нападения: следов сопротивления не было. Вторую — в грудь, между третьим и четвертым ребром, удар был направлен вертикально вниз, и жертва, скорее всего, была без сознания в результате удара по голове. Жертвы были разного возраста, найдены в разных районах города... Впрочем, вы знаете, я отослал вам отчеты. Больше различий, чем сходств. Но обе были неиницированными одаренными, и обе были убиты одним ударом в сердце.

Левашов, сам одаренный, очень слабый, но все же инициированный, за что и был в свое время завербован инквизицией в качестве агента на месте, задумчиво подбирая слова, пытаясь найти логическое обоснование тому, что было нашептано ему интуицией.

— И нож вполне мог быть один и тот же: длина клинка не более двадцати сантиметров, ширина у

основания, входная рана, характерное осаднение совпадало... Вы ешьте, Максим Владимирович, уверяю, вы такой крошки нигде больше не попробуете! — спохватился Кирилл Андреевич и продолжил излагать сведения о деле. — Это, конечно, не основание утверждать, что нож был действительно один, полно кухонных ножей с такими характеристиками. Словом, сам не знаю, что меня дернуло — поднял записи и нашел сентябрьскую жертву. Эту нашли в промзоне, на железнодорожной насыпи. С ней, к сожалению, работал мой коллега, поэтому я не могу стопроцентно утверждать, что она тоже была слабой неиницированной одаренной, но описание раневого канала совпадало, в возрастной интервал она укладывалась, и нашли ее, как и первых двух, без денег и документов... В общем, дальше тянуть не стал, связался с вашими — я судмедэксперт, а не следователь, — развел он руками. — Пусть специалисты решают, совпадения это или статистика.

Я согласно кивнул: разумно.

— Я могу взглянуть на тело последней жертвы?

— Да, конечно. Я постарался затянуть судмедэкспертизу, так что... Выписать вам пропуск?

— Не надо. — Корочки, дающие право интересоваться ходом следствия, у меня были, но хотелось бы пока обойтись без интереса со стороны официальных лиц. — Так пройду.

— Возьмите, — Левашов протянул мне флешку. — Я постарался собрать здесь всю информацию по этим трем делам, к которой у меня есть доступ. Только сами знаете — у меня нет никаких контактов с магическим сообществом города, и тут уж я вам быть ничем полезен не могу, — слегка смутился мой собеседник.

— Спасибо, Кирилл Андреевич, — вполне искренне поблагодарил я его.

К счастью, у инквизиции хватает информаторов, чтобы не переживать о подобных вещах.

Левашов пообещал написать, когда в морге будет удобный момент для визита с минимумом свидетелей, и попрощался: обеденное время закончилось.

А я остался и все же отдал должное крошке: и впрямь, весьма недурно!

Уже в машине вставил флешку в ноутбук, пробежался взглядом по документам, сделал несколько звонков.

Инквизиция щедра и предусмотрительна, и источников информации у нее больше одного в каждом городе и населенном пункте.

Окрестности я успел изучить накануне, забросив вещи в гостиницу и как следует поколесив по городу, а теперь пора приниматься за работу.

Саврасова Марина Федоровна, погибшая в сентябре прошлого года, проживала с мужем и двумя детьми на улице Ершова, 105, ее отец с матерью жили в частном секторе по адресу Осипенко, 36, а захоронена была на Северном кладбище, номер и схема участка прилагаются.

Навигатор добросовестно отчитался, что ближайшей ко мне точкой является дом, и построил маршрут.

В первую очередь следовало установить, являлась ли она одаренной.

Официально дело об убийстве Саврасовой было закрыто по горячим следам: ранее судимый за убийство с целью ограбления Юрков В.С. дал признательные показания о том, что напал на Саврасову М.Ф., рассчитывая добыть денег на дозу, нанес один удар ножом в сердце сбоку, орудие убийства выбросил в мусорный контейнер, в содеянном раскаивается и на данный момент отбывает срок в теплых объятиях ФСИН.

Возможно, Юрков В.С действительно убил Марину Саврасову. Возможно, проверка выявит, что одаренной Марина Федоровна не была, и я с чистой совестью перемещу ее вниз в списке вероятных жертв серийного убийцы.

Но пока что это означало только то, что проводить проверку будет сложнее: не стоит зря тревожить чужое горе.

Частный сектор Крапивина встретил узкими улочками, деревьями вдоль тротуаров и беспородной собакой, нахально развалившейся на проезжей части и уступившей дорогу моему автомобилю с видом величайшего одолжения. Сонная благодетельность и лавочки под окнами, как в деревне, — так и не скажешь, что в какой-то паре-тройке сотен метров черепашьим шагом ползет в пробке транспорт по загруженному шоссе.

Поводил взглядом, разыскивая нужный номер дома. Остановил машину, прошел к окрашенным в зеленый цвет воротам и придавил звонок.

— Здравствуйте, я по объявлению о продаже дома, — сообщил я подошедшей на зов хозяйке.

В принципе, можно было ничего не говорить, а молча уезжать: от пожилой женщины, скрытой от меня слоем листового железа, еле ощутимо тянуло силой.

— Мы ничего не продаем, — вежливо отозвалась она, не торопясь открывать калитку, но мне это было и не нужно, все, что мне требовалось, я видел не глазами.

Так же вежливо, как и собеседница, уточнил:

— Ваш адрес — Лосевой, 36?

— Нет, молодой человек, — судя по голосу, дама сочувственно мне улыбнулась и принялась объяснять. — Вы проехали нужный переулок, вам сейчас вернуться до перекрестка, повернуть направо...

— Большое спасибо! — от души поблагодарил я мать покойной Саврасовой, не слушая объяснений, которые мне все равно не понадобятся.

Мне сейчас все равно на Ершова, 105 — караулить детей Марины Федоровны.

Девятиэтажки на Ершова собрались в коробку, и внутри коробки мерно булькала дворовая жизнь: старики на скамейках, подростки на детской площадке.

Я обвел двор глазами, выбирая, к кому обратиться, потянул на себя силу из медальона, сплетая потоки: симпатия, чуточку доверия, рассеянное внимание — заключительным штрихом.

— Добрый день, дамы! Не подскажете, где я могу найти Анну и Евгения Саврасовых? Наш фонд «Добро — детям» в рамках программы поддержки детей-сирот проводит опрос с целью уточнения, не нуждаются ли они в материальной помощи, — бодрой скороговоркой выдал я, демонстрируя жизнерадостную улыбку.

— Да кто ж в ней нынче не нуждается? — рассудительно отозвались стражи подъезда, оттаивая от сочетания инквизиторского воздействия и удачной легенды. — Вон он, Женечка-то. На площадке, в синенькой футболке. А Анька только-только из школы пришла, это вам на четвертый этаж надо, молодой человек, в сто пятую!

Рассыпавшись в благодарностях, я, уже не опасаясь, что бдительные дамы вызовут наряд полиции, увидев незнакомого взрослого рядом с двенадцатилетками, направился к объекту.

— Евгений Андреевич Саврасов?

Мимо. Ни следа дара.

— Вы не могли бы проводить меня к вашей сестре? Мне необходимо задать ей несколько вопросов, — я мягко усилил нажим, и вихрастый русоволосый мальчишка без возражений встал и повел меня домой.

А через десять минут я уже спускался вниз.

Анна Саврасова, как и ее брат, не имела никаких следов магического дара.

Меня ждало кладбище.

Если повезет, там я получу окончательный ответ, была ли Марина Саврасова ведьмой.

Если да, Саврасовы получают свою материальную поддержку: фонд «Добро — детям» действительно существует, а инквизиция не обеднеет от разовой выплаты, хоть их мать и не платила налог Ордену.

Если нет — все равно получают, по праву родства с бабкой.

Кладбище, где похоронили Саврасову, было в меру ухоженным и тихим. Потрескавшийся асфальт въезда и умеренные заросли в старой части.

— Доброго дня. Вам чем-то помочь? — вежливый мужской голос отвлек меня от изучения схемы.

Что спрашивающий — одаренный, я понял еще до того, как оглянулся, специфика профессии, но кроме этого в мужчине ничего примечательного не было: добродушное лицо, средний рост,

полноватая комплекция. Слегка потрепанный мужик чуть за сорок.

— Так вам подсказать чего? — повторил он свой вопрос. — Я администратор, если участок нужный найти или еще что-то...

Логика, в принципе, ясна: те, кто знают, куда идти, схемы не рассматривают. А если не знаешь — то куда проще обратиться к любезному проводнику за скромную благодарность, чем плутать в хитросплетении кладбищенских аллей.

— Спасибо, я уже все нашел, — с вежливой улыбкой отказался я от услуг и под разочарованное «Ну как знаете! Обращайтесь, если чего» в спину углубился в ряды надгробий.

Могила Саврасовой находилась в новой части кладбища, среди таких же свежих захоронений, которым еще и памятники сделать не успели.

Осевший за девять месяцев холм, крест с табличкой. Имя-фамилия-отчество, даты жизни через тире. Я присел, опуская на землю заранее приобретенный букет, на случай если столкнусь здесь с родственниками Саврасовой, да и вообще, человек, пришедший на кладбище без цветов, сразу же возбуждает подозрение — а не по делу ли он тут?

Выпрямился. Постоял, склонив голову и убрав руки за спину. Обошел могилу, провел ладонью по кресту — несколько секунд задержки не критичны, а со стороны похоже, что я для этого и тронулся с места, — и завершил круг, вернувшись на место, с которого начал.

Нити силы, переплетенные с шагами и словами, развеялись, оставив мне ответ.

Я медленно побрел от последнего пристанища Саврасовой Марины Федоровны, прикидывая, как буду искать серийного убийцу, на счету у которого как минимум три не инициированные ведьмы.

Старая часть кладбища дышала покоем и умиротворением, здесь кое-где посадили деревья и куст шиповника, и на нем среди зеленых мелких плодов кое-где встречались нежные розовые цветы, здесь какой-то оригинал засадил цветник надгробия земляникой... Двигаясь меж рядов прогулочным шагом, я составлял то, что мой наставник именовал «планом розыскных мероприятий».

Рабочий день в крапивинском морге уже закончился, и в здании остались только дежурные, когда напряжение в сети внезапно скакнуло, выведя из строя видеокамеры. Охранник в будке на въезде ругнулся и принялся куда-то названивать по внутреннему телефону. Потом ругнулся снова и достал мобильник:

— Андреич, тебе тут пакет оставили, сказали, ты в курсе. Слушай, на будущее, ты предупреждай!

Левашов Кирилл Андреевич выскочил из невысокого белого здания буквально через считанные минуты.

— Спасибо, Леш!

— Да не за что, — ворчливо отозвался охранник. — Но ты реально, Андреич, предупреждай — я его за малым не послал!

Судмедэксперт клятвенно заверил и рысью поспешил на рабочее место, прижимая локтем злополучный пакет: с неба неспешно начинал накрапывать мелкий дождик, капли падали на разогретый асфальт и тут же высыхали, оставляя после себя только запах.

В кабинете Левашова пахло иначе: чаем, бутербродами и — самую малость — формалином.

Нашарив на столе нож, Кирилл Андреевич подцепил клапан толстого плотного бежевого конверта, взрезая жесткую хрустящую бумагу, и дернулся от внезапного звука: я стукнул о раму двери, предупреждая о себе:

— Добрый вечер, Кирилл Андреевич!

— Максим! — сердито рывкнул судмедэксперт, выдохнул, перевел дыхание и вежливо добавил. — Владимирович...

— Извините! — я примирительно улыбнулся и миролюбиво добавил. — Можно просто Максим.

Он посопел, сердито сверля меня взглядом, и вздохнул:

— Чай будешь?

— Буду! — согласился я.

Во-первых, мне было слегка неловко, что испугал человека, но что поделать, эти чары лучше ложатся, когда о присутствии колдующего не знают, а во-вторых, побегал я по городу сегодня изрядно.

Чай пах умопомрачительно, окрашивая кипяток в густой красновато-коричневый цвет.

— Камеры тоже ваша работа? Угощайся, — Левашов подвинул ко мне тарелку с бутербродами.

— Моя! — я вгрызся в сооружение из хлеба, колбасы и огурца, с наслаждением чувствуя, как проглоченный кусок рассасывается пищеводом, не успев добраться до желудка. — И давайте на ты!

— Ну, меня тогда Андреичем можешь звать, — согласился он, нарезая тонкими кружками помидоры и выкладывая их поверх брынзы, и, посмеиваясь, подвинул мне один. — Ешь-ешь, огурцы-помидоры свои, брынза домашняя!

Чай оказался крепким и сладким, брынза — в меру соленой, а помидор — мясистым и спелым.

Примерно так я и представлял себе гастрономическое счастье.

Я вдумчиво жевал, на практике убеждаясь в том, что уже отметил индикатор ядов в одном из колец. Тонкая полоска серого, словно припыленного металла, видимая только братьям по Орденому по умолчанию и в фоновом режиме проверяющая всю мою пищу, уверенно сигнализировала о высочайшей свежести продуктов и их отменном качестве.

Даже неловко сделалось: человек со мной от всей души ужином поделился, а я его — пугать. Но тут не в моем желании дело: невидимость — капризная штука, от внимания ее труднее удерживать. Поймав за хвост желание еще раз извиниться перед коллегой, убедился, что в кружке пусто, бутерброды съедены, и со вздохом резюмировал:

— Пора за работу. Где там ваши санитары?

— Отослал. Не помешают, — заверил Кирилл Андреевич. — Идем.

Судмедэксперт провел меня в прозекторскую, помог переложить тело на стол и по моей просьбе покинул помещение, запев дверь снаружи. Когда мне понадобится выйти — я его позову. Ну, или сам дверь открою, не велика проблема.

Старый, не единожды проверенный в деле диктофон повис на шее на заговоренном шнурке. Письменный отчет наберу потом, а пока — так.

Личность третьей жертвы до сих пор не была установлена, по крайней мере, ни у одного из моих источников таких сведений не было, вот и лежала сейчас потеряшка с биркой на ноге и на столе в прозекторской, под холодным и ровным светом, и не обивали пороги безутешные родственники в желании получить тело, чтобы предать его земле.

В отчете Левашова было сказано, что ее убили ударом в грудь, предварительно оглушив. Тело обнаружили в парке, там же, скорее всего, и убили. Полицию вызвали местные собачники, к моменту приезда следственно-розыскной бригады с момента смерти прошло не менее шести часов. Позднее экспертиза установила, что смерть наступила в районе полуночи. Денег, документов и иных ценностей при погибшей обнаружено не было.

Все эти сведения я вспоминал, методично выстраивая защитный контур для первичного изучения умерших, модификация Давыдова, для незащищенных помещений и приводя в рабочее состояние служебные артефакты.

А когда закончил — отмахнулся от всей информации, полученной ранее, забыл. Сознательно запер в памяти, чтобы не мешала работать.

Встал позади головы покойной, потянулся к медальону, а затем медленно пошел вокруг стола с телом молодой женщины, внимательно разглядывая ее, формируя впечатление.

Шаги были неспешными, и, впечатываясь в камень пола, они словно отматывали назад состояние этого тела — до тех пор, пока наконец сквозь смерть и трупные изменения не начала проступать та женщина, которой она была при жизни.

Красивая — раз. Не природной красотой, а, скорее, ровной уверенностью в себе и умением себя подать.

Спокойная — два. При жизни она была мощным якорем, источником покоя для своих близких.

Разумная — три. Рациональность была важной ее составляющей, и, следуя за ней, она не испытывала дискомфорта и внутреннего сопротивления.

Поняв, что еще на два витка моих сил не хватит, да и не дадут они ничего, пожалуй, я остановился в изголовье, пережал поток силы, и через несколько ударов сердца ощущение личности пропало, оставив тело, тронутое смертью, лишенное души.

Легкая дурнота и мельтешение цветных пятен перед глазами — как плата за использование заемной силы. Переждать.

Что ж, однозначно можно сказать, что это тело пусто: не задержалась обиженная душа, не подселился никто из тварей, питающихся эманациями смерти. Уже плюс — работать дальше можно, не опасаясь сюрпризов.

Щелкнул кнопкой записи на диктофоне:

— Пятнадцатое июня * года, город Крапивин, дознаватель первой степени Ордена инквизиции Максим Владимирович Соколов проводит посмертное изучение тела неизвестной с целью установления примененных к ней магических техник. Первичное исследование объекта показало: признаков фрагментации души не наблюдается, следов посмертного вторжения в виде нарушения посмертных контуров тела не выявлено. Перехожу ко второму этапу изучения.

Я привычно поддернул рукава, попутно активировав защитные и дезинфицирующие артефакты-запонки, и аккуратно положил пальцы на виски покойной, влажноватые и холодные — спасибо холодильникам морга, — и чистые — спасибо его же работникам.

Специфика моей работы такова, что перчатки тут неуместны: необходим контакт с кожей.

Потянулся волей к орденскому медальону, втянул в себя толику содержащейся в нем магии и мягко отпустил ее сканирующей волной. Сила прошла сквозь тело под моими руками и развеялась, подсветив все магические следы, имеющиеся на теле. Я обошел стол, внимательно вглядываясь в свечение и выискивая малейшие изменения индикации.

Диктофон, запись.

— В результате сканирования по методу Ивиной установлено...

Мягкое жемчужное сияние, охватившее жертву с ног до головы, без оттенков цвета и признаков каналов — это отпечаток магической силы самой жертвы.

— Погибшая была слабой одаренной, на единицу по стандартной шкале, следов выраженных склонностей в посмертном слежке не выявлено, следов инициации не выявлено. Имеются следы магического воздействия трехсуточной давности...

Судя по характерным следам ауры — это Левашов пытался что-то магичить. Заклинания грубые, громоздкие — явно самостоятельной разработки. И, совершенно очевидно, осуществлялись уже в морге, над мертвым телом и не имели никакого отношения к удару ножом. Это обстоятельство мешало мне с блеском раскрыть дело за неполные сутки и отбыть восвояси. Увы и ах! А ведь как было бы удобно, хоть и немного неловко перед человеком, разделившим со мной свой ужин. Ладно, во имя брынзы с помидорами не буду его жечь, ограничусь допросом. Сыщик, блин!

— В районе раны, ставшей причиной смерти, имеется выраженный магический отпечаток, повторяющий форму раневого канала, сила воздействия по шкале от одного до десяти на... — на смертный приговор: след артефакта, которым исследуемой пробили сердце, за это время успел выцвести едва-едва до фиолетового, а значит, исходно был однозначно черным. Создание, владение и применение такого артефакта карается смертью вне зависимости от последовавших за этим последствий. — По шкале от одного до десяти на шесть единиц. Иных следов воздействия при первом сканировании на теле покойной не обнаружено.

Что удалось выяснить: искать надо артефакт (возможно — артефактора).

Чего выяснить не получилось: что убийца пытался сделать и получилось ли у него в итоге?

Убийство (как минимум, это одно, но, скорее всего, все три) было явно ритуальным, но ритуала как такового не было. Артефактный нож выступал аккумулятором, сохранившим в себе «заряд» силы, выброс которой произошел в момент смерти.

Хреново сохранившим — по самым оптимистичным подсчетам, не более десяти процентов от выброса. Потери можно было бы существенно уменьшить — но для этого как раз требовались бы

ритуалы.

Которых убийца благоразумно не проводил.

Я мрачно затер следы своей работы, свернул охранки и, убедившись, что коридор пуст, вскрыл замок и пошел под протокол выяснять у Левашова, зачем он колдовал над покойной.

— Понимаешь, Макс, — смутился Кирилл Андреевич, старательно протирая очки, — я частенько себе силой в работе помогаю... Нет, ну а что мне с ней еще делать? А так и не во вред, и делу польза! — неизвестно зачем оправдывался Левашов. — Привык с молодости.

Логично, в принципе: что еще делать молодому слабому колдуну, толком не обученному с силой обращаться, если любопытство свербит и приложить куда-то дар хочется? А потом вошло в привычку.

Я, заполняя официальный протокол допроса, вздохнул и покачал головой: ну вот что стоило сразу предупредить? В идеале — в том же донесении, которое отправлял инквизиции, об обнаруженных подозрительных трупах.

— Где вы находились ночью одиннадцатого июня примерно с двадцати трех до часу ночи?

Покончив с формальностями, я убрал документы и, спохватившись, предупредил:

— Андреич, я там от жертвы волосы взял. Если что, не паникуй, это не у вас в морге фетишисты завелись, а мне для дела.

— Хорошо, Макс, — вздохнул Левашов.

Ему явно до сих пор было стыдно из-за идиотского, практически школьного косяка.

— Давай я помогу девушку обратно переложить и побегу уже.

— Давай, — с прежней ноткой меланхолии согласился доктор. — А то еще нам камеры починят — объясняй потом, чего ты здесь делаешь, такой красивый...

Тут несколько смутился уже я. Потому что правильно говорить не «починят», а «заменят».

Третью жертву обнаружили в парке, недалеко от дорожки. В материалах дела было четко указано место и даже приложены фотографии, так что пусть и с трудом, но я его нашел.

Светлый летний вечер еще не успел переродиться в ночь, так что время у меня еще было, и, сжав в кулаке прядку волос девушки, я потянулся к служебному медальону.

Сила медленно, очень медленно сплеталась в поисковое заклинание: пять дней — большой срок. Но сплеталась. Нить соткалась из закатного света, и гула машин за деревьями, и запаха вечерней росы, соткалась — и вытянулась, уводя за собой. И я пошел. Неспешным прогулочным шагом человека, которому некуда торопиться.

Заклинание вывело меня из парка, перевело через дорогу, нырнуло во дворы и просочилось в подъезд.

Я на глазок прикинул: третий этаж, дверь справа — но за путеводной нитью не пошел, обратился к лавочным сиделицам:

— Добрый вечер, дамы! А вы не подскажете, где Наташа живет? — заклинание разворачивалось кольцами, оплетая женщин, вызывая безотчетные доверие и симпатию ко мне. И заодно обещало, что о моем появлении и вопросе они забудут через десять минут после того, как я уйду.

— Наташа? — растерялись дамы.

— Ну да. Красивая, в этом подъезде живет, — я старательно описывал третью жертву такой, какой ее увидел во время работы с памятью тела.

— И-и-и! — понимающе протянула самая бойкая из бабушек. — Не Наташка она, а Лилька! — а ее соседки дружно закивали.

— Лилька, из десятой квартиры, только ее что-то давно не видно, сынок!

— С неделю уже!

— А тебе чего от нее надо-то? — добродушно уточнила первая из бабушек.

Я смутился:

— Ну... красивая. Встретились случайно, я ей сумки помог донести... Сказала — Наташа.

И бабушки, поохав на тему «Вот, Лилька, вот вертихвостка!», поведали мне, что живет она здесь недолго, квартиру снимает, сама она из деревни, но иногда ездит туда навещать мать, деревня называется Григорьевка, и больше они ничего не знают, разве что...

Одна из старушек замялась в тот момент, когда уже решил, что придется ехать в Григорьевку и проводить поиск по родству: кто-то должен опознать тело. Поэтому я чуть усилил нажим, и пожилая соседка Лилии решилась. Рассказала мне, что у нее есть номер телефона Лилькиной матери.

По добытому номеру я позвоню утром. Представлюсь коллегой, скажу, что Лилия пять дней не появлялась на работе... Выясню, почему ее не объявили в розыск, и, если что, осторожно наведу на мысли, где искать. Но не сейчас. В девять вечера в неведомой деревне Григорьевке все равно предпринять вряд ли что-то удастся. Ни к чему ее родным лишняя бессонная ночь.

Глава 3

Ксения

Окей, гугл, как прогнуться перед инквизитором таким образом, чтобы он сразу понял, что они мне теперь всем Орденом по гроб жизни обязаны?

Денис Колесников со школы относился ко мне с легким суеверным пиететом — и не сказать, чтобы это чувство у него возникло само собой. Ввиду очевидной полезности я это отношение всячески культивировала и возвращала — и уже не раз собирала урожай с этой деляночки.

Вот, к примеру, кого другого после просьбы показать все неопознанные женские трупы по нашему городу за год, включая те, кого потом опознали, майор Колесников бы послал — в лучшем случае, а в худшем пригласил бы к себе в кабинет объяснять, чем вызваны такие странные желания.

Мне же — пожалуйста, Ксения Егоровна, в течение дня сделаю.

Сделал.

Лично привез распечатки в конце рабочего дня к моему магазину и, пока я, сидя в его машине, просматривала фотографии, постарался-таки расспросить, осторожно уточняя, кого я разыскиваю.

Я ломаться не стала, «честно» созналась:

— Ко мне сегодня детектив приходил. Частный, чтоб его, сыщик. Фотографии показывал, спрашивал, не знаю ли я кого из этих женщин...

Мне-то что?

Мне инквизиция велела связи напрячь? Велела.

Я напрягла? Напрягла. Содействие оказала? Оказала.

Кто законопослушная ведьма? Я законопослушная ведьма!

А если у инквизиции от моего содействия вдруг какие сложности сложатся — так инструктировать тщательнее нужно было, вместо того чтобы запугивать слабую женщину.

Но речь не о том.

От пулеметной очереди вопросов «А ты их знаешь? А почему приходил к тебе? А что тебя может с ними связывать? А как он выглядел? На чем приехал, описать можешь? Номера запомнила? Почему именно эти трое? Что между ними общего?» — так вот, от этих вопросов я отбилась, удерживая выражение легкого недоумения и выдавая честные (по возможности) ответы.

И даже с более-менее небрежным видом, свернув листы формата А4 в трубку и похлопывая ими по ладони, попросила разрешения оставить себе распечатки — майор поморщился, но разрешил, мол, все равно их для меня и делал, а информация эта не так чтоб секретная.

Я поблагодарила, отказалась от предложения подвезти, куда нужно, выбралась из машины, поправила юбку-карандаш (буквально чуя, куда прикипел майорский взгляд) и уцокала каблуками в направлении своего авто.

Покер-фейс с меня сполз, как только его не перед кем стало держать.

Возвращаться в «Ведмину шкатулку» пока не хотелось: нужно было привести мысли в порядок

Итак, как мне дать понять инквизитору, что я в деле, но сверху?

Ладно, как с ним хотя бы связаться?

Потому что одна особо самостоятельная ведьма, вышвыривая прочь не-брата Максима, не озаботилась тем, чтобы обзавестись его контактами, на случай если придется приглашать его обратно. Чем она при этом думала — уточнять не будем, во имя сохранения ведьминского самолюбия.

Истерично взвизгнув шинами, перед магазином остановилась смутно знакомая машина — хамская манера вождения намекала, что знакомство одностороннее, иначе подъезжали бы куда вежливее. Почти сразу надрывно завопил клаксон и завибрировал телефон у меня на соседнем сидении.

Леночка.

— Ксения Егоровна, — мой продавец явно нервничал, и у меня зародились нехорошие подозрения. — Где вы? Мне записать магазин?

У Леночки закончился рабочий день часа два назад, она хотела уйти домой, но не знала, где шляется хозяйка и не собирается ли она задержаться на рабочем месте и еще потрудиться? За мной водилось.

Собственно, именно так я и собиралась поступить, но только после того, как увижу, подтвердятся ли мои подозрения.

— Запирай, — разрешила я. — У меня сейчас дела, потом сама открою.

Хам снова нажал на гудок, не предполагая, куда именно я подумываю ему запихнуть его вопилку.

В магазине мигнул и погас верхний свет, оставив лишь загадочную подсветку оконных витрин, через несколько секунд стукнула дверь, субтильная фигура повозилась с замками и поспешила к машине, за малым не срываясь на бег.

Оставляя за собой шлейф из вины, подавленности и тревоги.

Так. Та-а-ак.

Хлопнула дверца машины, отсекая пассажиров от улицы, но я успела ухватить мужской голос, обвиняющий и недовольный, и женский, оправдывающийся.

Твою мать.

Ну что за вечер такой?!

Номер инквизитора найти удалось легко. Всего-то пара часов грызни по телефону с представителями Ордена, и нужными контактами в меня буквально плюнули — не сомневаюсь, предварительно предупредив своего сотрудника о повышенном к нему интересе, но я, если честно, чхать на это хотела. Поважнее дела есть.

Набрала добытый с боем номер, дождалась спокойного и уверенного «Алло» низким голосом...

Свет включать я не стала, наоборот, в приступе черной меланхолии вырубил витрины, набулькала коньяка в кофе в пропорции один к одному в честь малой победы над Орденом и предавалась ненависти к человечеству.

Не-брат Максим явился красиво: окутанный щитами, втек в помещение магазина, похожий на тень, и сила заклинаний, сконцентрированных на мужских пальцах, отозвалась ломотой в зубах.

И куда быстрее, чем ожидалось: я и кофе допить не успела.

— Ксения Егоровна! — мое имя прозвучало у него бранно и с оттенком облегчения.

— Добрый вечер! — отсалютовала я ему кружкой.

А те времена, когда я пила кофе из «правильных» чашек размером с наперсток, давно прошли, и ароматы натурального кофе и доброго алкоголя, перебивающие даже привычный запах благовоний, вокруг себя распространяла кружка чуть меньше полулитра.

В свете уличных фонарей, падающем сквозь витрину, дознаватель проявлялся ме-е-едленно. Тень стекала с него, открывая взору тускло светящийся орденский медальон на ах-какой-груди, фоныи силой кольца и безупречный (у меня, по крайней мере, ни единого упрека не нашлось!) костюм.

— Ксения Егоровна! — повторил он.

В этот раз облегчения в голосе было меньше, а раздражения больше.

Ну, извините!

Когда я закончила лаяться с вашей (и нашей!) дивной инквизицией, я была зла и уже не уверена, что хочу с ней сотрудничать.

Дело к ночи, день был мерзкий, я устала... а тут еще он со своим бархатным «Алло!».

Ну и кто меня после этого осудит за то, что я просто рывкнула «Срочно приезжай в магазин!» и бросила трубку?

— Я ожидал, что вас здесь захватили в заложники, как минимум, — многоуважаемый Максим, похоже, был готов осудить.

Пф. Пекли мы таких в печке, едали таких с хлебушком!

На мое «Пф!», он ничего не ответил, молча изучая темноту торгового зала.

Он что, видит, что ли? Я аккуратно убрала ноги со стола и села пристойнее. Пиджак так и остался валяться на стойке, а туфли — где-то на полу, надеюсь, хоть их не видно.

И вообще, я здесь хозяйка, как хочу, так и сижу!

— Ксения Егоровна.

В этот раз получилось устало, и я дернула плечом:

— На стойке, верхний лист.

Он пробежался взглядом по листку быстро.

— Вы считаете, что она может быть четвертой погибшей.

Я кивнула, хоть вопроса его интонации и не содержали.

— Она была одаренной?

Новый вопрос логически вытекал из предыдущего. Я кивнула.

— Инициированной?

Снова кивок.

— Вы были знакомы?

— Я бы не назвала это знакомством. Но да, мы друг друга знали. Картовская Наталья, жила здесь недалеко, на Торцевого, у нее было что-то вроде магического салона на дому, «Снимаю сглаз, вешаю на уши».

— Ксения Егоровна, — серьезное, сосредоточенное лицо не-брата Максима мне категорически не нравилось.

То есть само-то лицо мне нравилось, а магазинный сумрак и коньяк сразу накидывали ему плюс десять к привлекательности, но вот то, что он собирался с этим выражением лица мне сказать, мне заранее не нравилось.

— Ксения Егоровна, почему вы считаете, что смерть вашей знакомой может иметь отношение к серии?

Ну вот, я так и знала! В то время как бедная женщина старается, пашет на ниве следствия, не жалея себя, инквизиции лишь бы только обесценить ее усилия, приплетя смехотворное обвинение в личной предвзятости!

Но драмы и надрыва этому заявлению не доставало, так что и озвучивать я его не стала. Другое что-нибудь придумаю.

Но смотрел дознаватель мрачно: чем-то ему этот труп определенно не нравился.

Вы посмотрите: ты тут стараешься, в зубах на блюдечке ему тащишь, а ему цвет каемочки не тот!

— Многоуважаемый Максим, куда интереснее, почему вы считаете иначе? — вкрадчиво поинтересовалась я. — Одаренная молодая женщина подходящего возраста, убита ножом. Все сходится.

Я сделала глоток своей ядерной кофейно-коньячной смеси, с интересом наблюдая за инквизиторским лицом.

На самом деле настоять на своем мне было вовсе не принципиально: ну не больная же я на голову, мне самой спокойнее будет спать, если окажется, что Наташка пала жертвой банального гоп-стопа. Хотя тоже, если вдуматься, не фунт изюму.

Но в данной ситуации меня интересовала аргументация не-брата Максима.

Из чисто исследовательского любопытства, признаюсь честно.

— У меня три причины, по которым мне ваша версия не нравится, — криво усмехнулся собеседник. — Первая: различный характер ран. Женщине, которую вы опознали как Картовскую Наталью, было нанесено три ножевых ранения, тогда как три другие жертвы были убиты четко одним ударом. Вторая: Наталья Картовская была инициирована как ведьма, в то время как остальные погибшие — нет.

— Это, кстати, может прекрасно объяснять, почему убийце не удалось справиться с ней с одного удара! — тут же вынырнула я из своей кружки. — Хотя и слабенькая, а все же ведьма. Какая-никакая. Могла почуять, начать сопротивляться...

— И третья причина, — проигнорировал мое сверхценное мнение инквизитор. — Сроки. Первая жертва, о которой нам известно, датируется сентябрем. Вторая — концом января, третья — началом июня. Разрыв между убийствами — четыре-пять месяцев. Если вставить в эту схему вашу Картовскую, которую убили в ноябре...

Оу... Тогда получается промежуток в пару месяцев, и значит, где-то может быть еще одна жертва?

Не-не-не, нет. Мне эта идея не нравится.

— Многоуважаемый Максим, я согласна отозвать свое предложение, — проявила я редкую для меня договороспособность.

Где-то в глубине души понимая, что отзывай не отзывай, а проверять этот вариант инквизитору все равно придется.

— Кстати, Ксения Егоровна!

И если внутри меня жили чахлые зачатки угрызений совести, то от этого вкрадчивого тона они тут же издохли.

— Ксения Егоровна, а откуда у вас эти ориентировки?

Мне захотелось немедленно снова закинуть ноги на стол.

— У старого друга попросила, — вдарила я по его вкрадчивому тону своим гнусным. — Кстати, многоуважаемый Максим, имейте в виду, вас теперь один майор считает частным детективом и заранее недолюбливает!

— Спасибо за помощь, Ксения Егоровна.

И я бы живо встопырила иголки, но вот черт: кажется, инквизитор был зверски серьезен.

Ксюша, ты допилась.

Ксюша, это был некачественный коньяк!

Я даже села ровнее и недоверчиво уточнила:

— Подождите-подождите-подождите! А эпизод с моральной поркой бабы-дуры, сразу не проникшейся важностью задачи, мы что, пропускаем?

То есть скандала не будет, да? Примерно так, наверное, чувствует себя ребенок, который нацелился на баталию с корабликами в ручье, а какая-то сволочь пришла и затопила их все грязными сапогами.

— Ксения Егоровна, уверяю вас, порка — это не моя тема.

Мамадарагая, он улыбался! Клянусь, я видела: у него углы губ подрагивали!

— Если уж вы меня доведете, я вас просто в окно выброшу, — с легкой мечтательностью в голосе объявил этот хам и подлец.

— Первый этаж, — я указала на окно, намекая, сколь нелепы и жалки его угрозы.

— Так потому и не, — с улыбкой обаятельной сволочи выдал инквизитор, а ведь казался приличным человеком!

И как ни в чем не бывало поинтересовался:

— Вас отвезти домой?

— Подите вон! — я с королевским достоинством указала хаму на дверь.

Не терплю конкурентов.

И кстати!

— Раз уж вы признали, что мое содействие было вам полезно, то в качестве ответного жеста, будьте любезны, выясните подноготную гражданского мужа моей сотрудницы Елены Тёминой. Вы ее видели.

Инквизитор, уже нацелившийся на выход, от столь феерической наглости аж остановился и снова развернулся к лесу передом, а я поспешила развить успешный наскок, самым стержовым своим тоном завершив:

— Нет, вы, конечно, можете ничего не делать! Но тогда не удивляйтесь, если вдруг он на своем ведре с болтами на скорости впишется в отбойник. Возможно, я там буду ни при чем. Но вам-то все равно придется это расследовать!

— Ксения Егоровна, — многоуважаемый вагоноуважатель всем своим видом давал мне понять, как я не права, но мне многие давали понять, что я не права, а потом давали то, что я хочу.

Чей-то там брат Максим понял, что увещеваниями меня не проймешь, и сменил тон:

— Что он вам такого сделал, что вы на него так взъелись?

— Просто конкуренции не люблю, — улыбнулась я наиобаятельнейше. — Если это мой продавец — значит, мой, и нечего пристраиваться к его мозгам со своей чайной ложечкой!

Инквизитор сунул руки в карманы. Пару раз качнулся с пятки на носок..

— Ксения Егоровна, — мягко выдал он, — Угрожать жизни и здоровью человека в присутствии дознавателя инквизиции — не слишком светлая идея. Вы не боитесь, что инквизиция воспользуется этим? Пожалуй, прекрасная мысль! Думаю, вам удастся откупиться от этих законных, обоснованных обвинений индульгенцией, которой ваше семейство так любит трясти перед носом у Ордена...

Я в ответ тепло рассмеялась, вставая.

— Это вам, многоуважаемый Максим, следует бояться, — с оскорбительной снисходительностью заявила я, чувствуя, как сама собой выпрямляется спина и вздергивается подбородок, — того, что я отбуду отмеренное мне наказание и освобожусь, — мой голос уплыл вниз, в холодную ярость. — И когда освобожусь — воспользуюсь разрешением, дарованным мне вашей продажной, насквозь лицемерной организацией! Знаете, Орден стремится присутствовать при реализации столь... неоднозначных индульгенций. Так что, пожалуйста, я пойду ему навстречу и любезно позову вас присутствовать, когда буду заживо снимать кожу с обреченного, и вы сможете стоять рядом, смотреть и знать, что это вы дали мне такое право!

Возможно, я слегка перегибала с нагнетанием обстановки, но гордыня несла меня на своих крыльях, лишила страха, обвила, укутала, нашептывая на ухо, что я сильна, что я в пыль разотру всех, кто встанет на моем пути, и Орден пожалеет, что пытался мне угрожать!..

Ну, или это коньяк.

Я не очень их различаю.

Он рассматривал меня с нечитаемым выражением лица.

— Н-да. В таком состоянии вам за руль точно нельзя. Собирайтесь, отвезу вас домой.

Тьфу, гад — такой пафос испортил!

— Многоуважаемый Максим, а существование такси для вас секрет? — вполне кротко поинтересовалась я, будто не у меня только что от ярости дым из ушей валил.

Про конфликт и его причину мы оба демонстративно не вспоминали, будто ничего и не было. У нас один — один, понимаешь ли.

— Ксения Егоровна, ведь вы же точно, в отличие от многих других женщин вашего города, знаете, что где-то здесь по улицам разгуливает убийца. И вам, в отличие от многих, хорошо известно, что сами идеально вписываетесь в группу риска. И тем не менее собираетесь сесть в машину к постороннему мужчине в состоянии опьянения, с притупленными реакциями...

Дивной сюрреалистичности картина: инквизитор в пижонском костюмчике выговаривает босой и пьяной ведьме за пренебрежение мерами личной безопасности.

Эта реальность сломалась, несите следующую!

Но вообще, отеческий (хе-хе, братский!) укор в мягком голосе мог бы кого угодно пронять — а я ничего, держусь.

Правда, пока терзалась муками выбора, какой аргумент эффективней — «откуда маньяк узнает, что именно сегодня я вызову такси и какое именно» или «какая чушь, я от алкоголя только лучше колдую, вбитые обществом ограничения ослабевают», — не-брат Максим поднял руки:

— Ксения Егоровна, давайте помиримся? — он подтянул к себе высокий и узкий стул, которым мы с Леночкой пользовались, чтобы доставать товар с верхних полок, и оседлал его.

Теперь он был ниже меня, вставшей на ноги, и, полагаю, это был прием, призванный унять мою агрессию.

— Признаю, мы не очень удачно начали, и это отчасти моя вина: я не ожидал, что вы так резко отрицательно среагируете на статус Хозяйки, а вы сочли это манипуляциями Ордена и попыткой вас использовать...

Пф, а вот это и впрямь помогло унять мою агрессию: ничто не действует на меня благотворнее, чем признание моей правоты.

— Но мне действительно нужно содействие человека, знающего местную кухню, — без обиняков признал он, кивнув на стойку, где все еще лежала та самая распечатка. — Ксения Егоровна, пожалуйста, помогите мне. Без политических интриг. Только расследование. Вам ведь самой не все равно, не притворяйтесь, — он глядел прямо, словно предлагая открыть карты.

От этого взгляда, а еще от обаятельной улыбки, которой как бы нет, но она есть, внутри что-то екнуло.

И не надо поминать всуе коньяк на голодный желудок, Ксюша. Не ври себе: не так уж ты и пьяна.

— Давайте я отвезу вас домой, — он улыбнулся чуть более явно, я вздернула нос, готовая отстаивать свою вменяемость, но многоуважаемый Максим меня опередил. — В знак добрых намерений! А на мое предложение ответите завтра, когда обдумаете.

«Господи, что тут обдумывать», — могла бы ответить я, поскольку как раз перед его приездом прикидывала, как напроситься на отвергнутое мной предложение с наименьшей потерей лица.

— Подите вон, — вместо этого царственно сказала я. — Мне нужно запереть магазин!

Инквизитор встал и послушно прошел к двери, провожаемый моим надменным взглядом.

Нет, может, я, конечно, и перегнула — но пусть подождет снаружи, пока я ползаю на коленях, пытаясь отыскать невесть куда задевавшуюся туфлю.

Половину проникновенной инквизиторской речи эту дрянь нащупать пыталась.

Ага, нашлась, мерзавка!

Я обулась, притопнула, удобно распределяя ногу внутри обуви, и с некоторой грустью вздохнула: через витрину виднелся силуэт инквизитора и мерное движение огонька.

Вот так живешь, считаешь себя сильной и независимой, и тут является... какой-то, и у тебя от него внутри екает. И ладно бы ниже пояса. А то — в груди.

Из магазина я выплыла во всем своем великолепии.

Инквизитор мерно дымил сигаретой и не выглядел задетым очередным моим хамским вывертом.

— Ксения Егоровна, а вы действительно предпочли бы сесть в тюрьму, но не отдавать индульгенцию? — с легким любопытством поинтересовался он, с интересом наблюдая, как я склонилась к замку и пытаюсь в темноте нащупать ключом скважину.

— Пф! — пренебрежительно выдохнула я. — Как-то примерно три столетия назад ваш Орден уже пытался провернуть нечто подобное с ведьмой из моего рода: тогда ее намеренно подтолкнули к совершению преступления, а потом предложили обменять индульгенцию на помилование...

Закончить предложение я не успела, прожитая от макушки до копчика острым чувством опасности, а потом тьму и тишину ночи прорезала вспышка и грохот.

Это лопнуло мое самомнение.

Потому что за то время, пока я пыталась сообразить, что происходит, инквизитор успел обнаружить источник опасности, шагнуть, заслонив меня собой, и выставить защиту в дополнение к той, что раскрылась сама от орденского медальона. И все это одновременно.

Потом он повалился, а я завизжала.

Крик прошил город от крыш до подвалов.

Испуганные птицы поднялись с ветвей, а летучие мыши завопили, меняя курс.

Завыли в квартирах собаки, выгнув спины, зашипели кошки.

А тени, устремившиеся на мой призыв отовсюду, молча и без сомнений хлынули в неприметную подворотню, затопили ее... А пока там кого-то с рычанием, с чавканьем жрали, я подхватила подмышки обмякшего инквизитора и поволокла его туда, где стояла на стоянке моя машина: показалось, что это разумнее и безопаснее, чем снова открывать дверь в магазин. Не уверена, что мне хватило бы хладнокровия возиться с ключами, в то время как вся моя сущность требовала убраться, убраться скорее с этого места.

«Как по городу ночному шла Ксюшенька» — взрослого мужика на руки не подхватишь, и инквизитора приходится неудобно тащить за собой волоком, семена на каблуках.

«Заплетала за собой тропы каменны» — не-брат Максим тяжел, и мышцы пресса подводит от непривычной нагрузки, а скользкая ткань пиджака выворачивается из пальцев.

«Запирала за собой на замки пути» — если просунуть руки подмышки и сцепить пальцы в замок на груди, неудобное бессознательное тело перестает выворачиваться из рук, но семенить становится еще неудобнее, и чем же таким, гады, запустили, что он до сих пор не пришел в себя?

«Отводила ворога в сторону» — укрывшись за без малого тонной заговоренного металла под синей полировкой, можно вздохнуть с облегчением, а чтобы почувствовать себя в безопасности, нужно совсем немного — просто забраться внутрь, и уж оттуда, из безопасности, я объясню людям в подворотне, если, конечно, их к тому моменту не сожрет рать бессловесная, в чем именно они не правы, нужно только найти ключи!

Опустив на едва теплый асфальт инквизитора, я шарила в сумке, настороженно зыря по сторонам, по-звериному контролируя пространство вокруг себя всеми чувствами, и потому четко уловила момент, когда лопнула невидимая струна.

Заклинание призыва рати бессловесной хорошо тем, что это никакое не заклинание — это приказ, оформленная в крик воля ведьмы, дезориентирующая разумных и жестким рывком принуждающая любого зверя и птицу, попавших в зону приказа, явиться и служить своей госпоже, — оттого и бесновались в квартирах домашние питомцы, разве что аквариумные рыбки избежали призыва «в армию».

Оттого и сходили с ума проснувшиеся хозяева, не понимая, что происходит с их любимцами.

Оттого и налетали на людей в подворотне в едином порыве стая бродячих псов, подвальные кошки и крысы — и рвали, пока было кого рвать, и стягивались к месту боя новые «солдаты», чтобы стать на место выбывших.

А раз заклинание распалось, значит, приказ исполнен. Не с кем больше воевать: враг либо уничтожен, либо сбежал из зоны действия моей воли.

Меня сейчас, если честно, устроил бы и тот, другой, вариант. Но первый — немножечко больше.

Я с облегчением откинулась на дверцу машины за спиной, стукнулась затылком и от обиженного мявка сигнализации с легким смешком пришла в себя.

Не-брат Максим очнулся, когда я уже втянула его на пассажирское сиденье, и теперь возилась с ремнями безопасности.

— Н-да, Ксения Егоровна, — прокомментировал он, и я дернулась, выпустила из рук металлическую скобку, и инерционный ремень с тихим шелестом всосался под обшивку. — Серьезные у вас в городе люди...

Отлично, раз пришел в себя — пристегнется сам, и я демонстративно выпрямилась на водительском месте.

— Что это было?

Делать вид, что мне в целом безразличен его ответ, а спрашиваю лишь из вежливости, было глупо,

но необходимо: делая вид, я успокаивалась, собиралась и не поддавалась искушению проклясть весь город.

Идея казалась привлекательной с точки зрения личной безопасности, но что-то мне подсказывало, что это будет немного не этично.

— Боевой артефакт, что-то похожее на «Звезду вечности», но не она, — хрипловато пояснил инквизитор и потряс головой, словно вытряхивая из нее песок. — Сколько времени прошло?

Я не ответила, выезжая со стоянки.

— Стойте! — дознаватель дернулся в кресле и зашипел, видимо, чувствуя себя не очень хорошо.

Ну, извините, ваше инквизиторство, я по части лечения очень не очень, чем могла — помогла.

— Да стойте же вы! — рыкнул он. — Нужно осмотреть местность...

— Ну, нужно, — я упрямо сжала губы, но притормозила. Все равно пришлось пропустить проезжающую машину. — Завтра я приеду с семейной книгой и изведу всех причастных надежно, качественно, с гарантией...

— Ксения Егоровна, — мой сосед, откинувшись на спинку кресла, рассмеялся и тут же закашлялся, — Я должен бы вам сказать, что проклятия, в особенности смертельные, запрещены законом...

— Отлично, посадите меня в тюрьму! — расфыркалась я.

— Но скажу другое, — не обратил внимания на мой протест пассажир. — Не капризничайте!

Надо было проклясть его, как только он появился.

Вот сразу, как увидела, так и проклясть! Ленке глаза отвести, прах на совочек — и в мусорный бак.

Машины городской службы очищают наши баки каждый понедельник, сейчас не-брат Максим как раз среди других отходов на переработку бы ехал!

В общем, не знаю я, как так вышло, что спустя несколько минут инквизитор тщательно исследовал подворотню, чуть ли не носом ее перепахивая вдоль и поперек, а я семенила за ним как пришитая, мрачно кутаясь в пиджачок, сбивая туфли о неровности асфальта и удерживая над этим хамлом защиту.

— Судя по всему, покушались именно на ведьму. Я там под дверью магазина минут пять в одиночестве курил, пока Свердлова внутри была, — не-брат Максим сидел в моем кресле, устроив ноутбук на моем журнальном столике, и отчитывался орденскому начальству по видеосвязи.

Так вышло: очень трудно отказывать человеку, спасшему тебе жизнь, когда подозреваешь, что это может понадобиться сделать еще разок.

И вот теперь инквизитор, оккупировав кусок моей гостиной — парадокс парадоксов, — работал.

Я, смешно сказать, радовалась.

Нет, я не дала бы это понять многоуважаемому Максиму, но события сегодняшнего вечера пробили широкую брешь в моей системе убеждений. Я привыкла верить, что от всего могу себя защитить.

И верила — до того момента, как чертов инквизиторский выскочка шагнул влево, закрывая меня собой. Шагнул бы вправо — и на том крыльце валялся бы не он, а я. И не без сил, как он, а без признаков жизни.

Это стало для меня откровением, которое я и переживала, забившись в уголок дивана под торшером.

И хотя я понимала, что у не-брата Максима были свои резоны меня защитить, начиная с того, что это его служебный долг, и заканчивая тем, что с меня он планировал поиметь содействие в текущем деле, я испытывала к нему благодарность. И в приступе признательности не мешала одной части доблестной инквизиции отчитываться другой ее части о чудовищном преступлении против всего магического сообщества в целом и против его цвета в моем лице в частности:

— Судя по оставшимся на месте преступления следам, преступник был один, — деловито, с очень уместной озабоченностью на высоком челе, шпарил не-брат Максим как по писаному. — К

сожалению, задержать его не удалось: он был хорошо экипирован и для нападения использовал мощный артефакт неизвестного происхождения, который пробил стандартную орденскую защиту и почти полностью исчерпал мои личные щиты. Пока я был в бессознательном состоянии, нас могли бы добить, но, к счастью, Свердлов героизировать не стала, применила ведьмино повеление и вынудила преступника сперва отбиваться от смешанной стаи животных, а потом сбежать с места преступления, а сама в этот момент отступила к автомобилю. Осмотр места происшествия произвел по горячим следам, отчет напишу позднее, если вы не возражаете.

— Сын мой, ты уверен, что мишенью преступника была именно она? — кротко поинтересовался невидимый мне собеседник дознавателя.

Мне был слышен лишь его голос, одновременно глубокий и смиренный, он выдавал мужчину в возрасте, и я почему-то нарисовала себе образ, схожий с ватиканскими священниками.

Максим потер лицо, и жест получился усталым:

— Нет, отец Власий. Расследование не проведено со всей тщательностью, и еще рано делать окончательные выводы. Но, во-первых, у меня нет сейчас таких врагов: в нынешнем деле я еще ничего найти не успел, да я его толком и расследовать еще не начал. А старые дела все закрыты, да и ловить меня по старым делам логичнее не здесь. А во-вторых, преступник не только упустил шикарный момент уничтожить меня без свидетелей, но и, когда Свердлов появилась в поле зрения, атаковал не сразу. Он дождался, пока она запрет двери, лишая ее возможности укрыться в защищенном помещении магазина.

Я незаметно выдохнула: ответ на этот вопрос был весьма важен. Сочти неизвестный мне иерарх, что покушались на члена его Ордена, и город затопили бы инквизиторы. В Крапивин нагнали бы орденцев с недвусмысленным приказом залить город кровью по ноздри, но добыть голову того, кто дерзнул напасть на представителя этой дивной организации.

— Кроме того, сегодня я осмотрел тело третьей жертвы, установил, что ее убили ножом, след которого на пятый день держится в уверенной фиолетовой зоне, — продолжил упомянутый представитель, — Это явный запрещенный артефакт из черного списка. На основании этих фактов считаю необходимым предоставить Свердловой Ксении Егоровне защиту.

— Полагаешь, это один и тот же артефактор? — задумчиво поинтересовались в ноутбуке.

У меня перед глазами отчетливо встали шапочка, сутана, четки... Кинематографический образ священника как он есть.

— Полагаю, надо тщательно расследовать это, — непреклонно отозвался мой, с позволения сказать, гость. — И предоставить ведьме защиту.

Его собеседник помолчал, не иначе как взвешивая резоны (в моей груди тотчас же взметнулся пожар: скоты, я вам зачем налоги плачу?!), и задумчиво уточнил:

— Ты сейчас у нее?

— У Свердловой, — подтвердил Максим, — Но я установил защиту, она нас не слышит.

— Брат мой, — перебил его визави, — ведьма, которая в критических ситуациях бросает повеление, отлично обучена и является жуткой традиционалистской. Ты в ее квартире, на ее территории... Поверь: она слышит.

Непродолжительное молчание.

— Я решу этот вопрос.

И затем:

— Ксения Егоровна, вы не могли бы нас не подслушивать?

Инквизиторский гад слегка повернул голову в мою сторону и терпеливо ждал ответа. Я кожей чувствовала его внимательный взгляд, пока изучала маникюр.

Он, кстати, перипетии сегодняшнего дня перенес вполне достойно.

Пожалуй, игнорировать вопрос и притворяться, что мерзкий старикашка выжил из ума, бесполезно.

— Ну, — уронила я в итоге неопределенно.

— Ксения Егоровна, — кажется, многонеуважаемый Максим правильно трактовал мое «ну». — Не подслушивайте нас, пожалуйста.

Я молчала, отказываясь давать ответ.

Что само по себе и было ответом.

— Ксения Егоровна, — улыбнулся дознаватель, сверкая ямкой на щеке и чертиками в глазах, — давайте я вам взятку дам!

Взятка?

Сомневаюсь, что на глазах у своего начальства мне предложат что-нибудь ценное.

С другой стороны — не сомневаюсь, что подслушивать мне в любом случае больше не дадут: либо усилят защиту, либо будут вести разговоры вне зоны моего влияния.

— И что вы можете мне предложить? — столько царственной надменности в моем голосе было, что римские цезари рядом со мной — дешевая китайская подделка.

— Партнерство, — он снова применил удар ниже пояса, «улыбку-которой-нет».

«Ниже пояса» отозвалось тягучим, тянущим чувством, я отозвалась взглядом, исполненным жалости: он что, правда думает, что я, такая дурочка с переулочка, все брошу и в партнерство поверю?

Многоуважаемый Максим, не обращая внимания на выраженное мной недоверие, продолжил:

— Я предлагаю партнерские отношения до конца следствия, без попыток обмануть, исказить или утаить любые сведения, имеющие отношение к следствию. Вы взамен дадите слово, что не будете пытаться подслушать мои переговоры с начальством, не станете «случайно» проверять мои вещи либо выяснять подробности моей деятельности любым иным способом, кроме прямого вопроса.

Внизу живота заныло требовательно, предвкушающе.

Ксюша, приди в себя! Ну нельзя так млеть от мужика только потому, что он осторожный, умный гад!

Можно! Можно, я же млею!

Ну и дура. Подумаешь, попытался обойти в формулировках: партнерские обязательства распространяются на обе стороны, а не лезть куда не следует должна только я. Что ж теперь, оргазмировать, глядя на него?

Многоуважаемый Максим ждал.

Отец Власий в ноутбуке то ли был отключен, то ли не считал нужным вмешиваться.

Я плавно, вальяжно приблизилась к инквизитору, оперлась руками на журнальный столик (декольте, выноси, родимое!) и, оказавшись с собеседником нос к носу, со стервозной улыбкой потребовала:

— Оба!

Он вздернул бровь непонимающе.

Да-да. Я с детства такая наивная, всякой обаятельной брови верю.

— Слово о невмешательстве дадут оба партнера, — прояснила я свою позицию.

Знай наших!

Я кремень!

...а не сиропная лужа.

Не сказала бы, что мое декольте его прямо уж вынесло, но поправку принял.

— Я согласен, — он поднял руку, на кончиках пальцев разлилось голубоватое сияние. — Слово!

Я, ответно вскинув руку, твердо и напористо ответила:

— Слово! — и снова оперлась на столик.

У инквизитора дрогнул угол рта в улыбке:

Я, замерев, лежала на боку, не смея шевельнуться, не чувствуя прикосновения позади, но всей спиной ощущая присутствие.

Когда на голую кожу легла инквизиторская рука, это было как удар молнии.

Он сжал бедро, огладил круговым движением. Снова сжал.

Я закусила губу, чтобы не закричать: темнота моей комнаты, жар летней ночи, с которой больше не справлялся кондиционер, его молчание, мое согласие — вся эта ситуация обострила до предела ощущения. Я вся стала — единый нерв, и этот нерв дрожал от нетерпения.

Он просто гладил меня по бедру, а у меня плавилась кость и готово было выпрыгнуть из груди сердце.

Рука скользнула ниже, пальцы погладили живот, очертили вокруг пупка — мой пульс стек поближе к этим пальцам, предатель, и толкался в них, напрашиваясь на ласку.

Пальцы невесомо погладили гладкий лобок — пульс следовал за его пальцами, я забыла, как дышать.

Ниже, ниже... Туда, где сходятся половые губы. Провели по ним — легко, почти неощутимо, но меня жидким огнем окатило от этого «почти».

Скользнули меж сжатых ног. Я не могла пошевелиться, хотя единственным моим желанием было выгнуться, развернуться, открыться навстречу...

Он раздвинул складки, погладил чувствительную плоть.

Пальцем — поверх входа, раз, другой, третий. Без нажима, но уверенно. Еще раз. Снова. И, надавив, скользнул внутрь.

Замер. Я зажмурилась так, что звезды посыпались под закрытыми веками.

А палец скользнул внутрь — и назад. Туда-сюда. Еще раз.

Я молчала, сцепила зубы и молчала. Хотя единственное, чего мне хотелось, заорать: «Да, да, да! Возьми меня! Просто сделай это! Ты же видишь, что я согласна! Что я хочу!»

Глава 4

Проснулась я от сокрушительного оргазма.

Да, мать, ну ты дала!

То есть дала бы, если бы брать пришли.

Но с этим, к сожалению, полное отсутствие всякого присутствия.

То есть — к счастью, конечно!

Не хватает еще, чтобы меня без спросу тут того-этого!

Ну, судя по сновидениям, и правда, не хватает.

Ой, все!

Я перевернулась на живот, перевернула подушку, укуталась в простыню, как в кокон, и отрубилась.

Проснулась непривычно рано: серый котик-рассвет еще только трогал заинтересованно лапой город.

Из-за двери в гостиную доносились звуки: равномерные сильные выдохи. Потом пауза — и снова ритмичное дыхание, но уже в другом темпе. Кажется, кто-то делает зарядку.

И можно бы выползти из постели и попыриться на инквизитора одним глазком, но, кхм... Кое-кто здесь, можно сказать, полночи на него пырился, и глаза не понадобились, прямо внутри черепа такие картинки транслировались — м-м-м, закачаешься!

А какой эффект присутствия!

Так что теперь сделаем выбор в пользу эффекта отсутствия.

Нет, я не испытываю никакой неловкости!

Просто... спать хочется! Во-о-от.

Второе пробуждение было уже ближе к делу: свет за окном и будильник в телефоне давали привычную информацию. На всю квартиру пахло жареным мясом.

Натянув на себя какую-никакую одежду (а без дознавателя в доме хватило бы бельишка!), я исполняла утренние ритуалы, детально прорабатывая План. План, как я приду на кухню и отожду у не-брата Максима завтрак, потому что это моя кухня, моя плита и, что самое главное, мой холодильник.

Я даже оставлю ему половину — не совсем же я зверь! Он же все же готовил.

Отличный план.

На случай если инквизитор с ним не согласится, у меня был план Б: сожрать йогурт из холодильника, в процессе делать вид, что не очень-то и хотелось.

Но сначала все же попробовать отжать мясо.

П — провал.

Когда я выплыла на кухню целеустремленной муреной (нет, мурены некрасивые, я буду целеустремленной косаткой), не-брат Максим без лишних слов сунул мне под нос тарелку с овсянкой и здоровенным куском мяса.

Ели молча.

Ведущая местного новостного ТВ-канала в ноутбуке инквизитора бубнила:

— Странное происшествие случилось этой ночью в Крапивине с братьями нашими меньшими. Жители Центрального района города, а также отчасти Нового вокзала и ПМК массово жалуются на необъяснимое поведение питомцев. Приступ агрессии, длившийся от десяти до двадцати минут, отметили абсолютно все хозяева домашних животных. К счастью, он не был направлен на владельцев и быстро исчерпал себя, сменившись паникой либо апатией. Пострадавших нет, но вал обращений к ветеринарам в этих районах начался ночью и не утих до сих пор. Несмотря на множество версий, высказанных жителями микрорайонов, внятных объяснений случившемуся нет.

Среди наиболее популярных предположений лидирует гипотеза об испытаниях некоего загадочного прибора на территории военной части. И к другим новостям: вспыхнувший пожар на треть уничтожил гаражный кооператив в районе Станкостроительного завода...

Поняв, что касающийся меня сюжет закончился, я отключилась, пытаюсь прикинуть — это какую же я зону накрыла, и сама не заметила, как закончила завтрак.

Не-брат Максим тоже разделался со своей порцией и объявил:

— Готовим по очереди, посуду моет тот, кто не готовил.

Передо мной стукнула о стол чашка с чаем. Ну да, поллитровая, других не держим.

Я закрыла рот, через который как раз собиралась словами донести до инквизитора свое сверхценное.

Ладно, окей, от плана завести инквизитора-домохозяйку придется отказаться. Вычеркиваем.

Интересно, его удастся на йогурты посадить?

Смерила взглядом жилистую фигуру: без шансов. Ладно, тоже вычеркиваем.

Смирившись с распределением труда и на меня тоже, со вздохом, но вполне миролюбиво уточнила:

— Ты плов будешь? А суп-харчо?

Недоверчивый взгляд не-брата стал мне ответом. А я что? Я ничего!

— Я в детстве составляла список того, что за меня будут делать мои дети! — в неожиданном порыве откровенности заявила я, шуруя мочалкой по тарелкам под струей воды.

Настроение было сытым и благодушным. Я мыла посуду, инквизитор курил и паялся мне в спину.

Честно, в спину. Я же чувствую!

— А подробнее? — ухмыльнулся дознаватель, и я охотно отозвалась, потому что ради этого, собственно, реплику и подавала.

— Ну, во-первых, они должны гладить! С пеленок! И стирать мои кашемировые кофты руками — потому что я это терпеть не могу... И гладить, и стирать руками. Далее... а, вот! Мытье окон — явно детское занятие! Общение с теоретическими родственниками мужа — то же самое. У меня с общением вообще плохо выходит. Стирать пыль! Тоже не люблю. А дети полюбят, — я с воодушевлением и некоторой даже мечтательностью припоминала подзабытые пункты.

— Чудесный план, — не скрываясь, веселился не-брат Максим. — И что в нем пошло не так?

— Выросла, — с сожалением признала я. — И осознала, что сначала это мне придется делать за них кучу всего...

— Отчет, — положил флешку на стол инквизитор, когда я помыла посуду, стол, раковину, руки — надо было действительно детей заводить еще лет десять назад, и пусть бы это было их проблемой!

— И давайте подумаем, как нам согласовать вопросы безопасности.

— Да что тут думать, — я поморщилась. — Когда я в квартире или в магазине — я в безопасности. Вряд ли мой недоброжелатель готов сбросить на меня авиационную бомбу.

Судя по лицу многоуважаемого Максима, я себя недооцениваю: он бы сбросил.

Я провокацию проигнорировала и продолжила:

— Сегодня проведу черту у порога, и ни туда, ни сюда с недобрыми намерениями не войдут — семейные места. Автомобиль я бы тоже причислила к безопасным, если сомневаетесь, можете осмотреть мою машину сами. Но в целом единственную сложность я вижу в перемещении между этими тремя точками.

— Действительно, какой пустяк, — пробормотал он. — Предлагаю следующее...

Боже мой, ну и скучная же это штука, безопасность!

Ну и зануда же этот инквизитор!

Пятнадцать минут отчаянной грызни, и мы пришли к компромиссу. Компромисс был моего

любимого типа: «Поступаем, как я сказала, но все несогласные могут делать в процессе недовольное лицо».

К сожалению, сегодня я оказалась по другую его сторону, и знаете что? Не такая уж и классная штука этот вид компромисса!

В магазин я явилась раньше Леночки — что случается нечасто, ибо слаб человек и любит поспать.

Орденский дознаватель к самому порогу привез, дверь мне открыл и, пока я возилась с замком, загораживал широкой спиной от гипотетической угрозы.

Я вошла, пристроила объемную сумку на прилавок, отключила сигнализацию, развернулась лицом к инквизитору, еще и руки под грудью сложила: стой, мол. Ты не пройдешь!

Победа в безмолвном противостоянии осталась за мной, и многоуважаемый Максим отбыл, а я...

Я еще вчера упомянула, что вернусь сюда с книгой, и утром сказала, что собираюсь колдовать, потому дознаватель от инквизиции и упирался, уходить не желал. Не думаю, конечно, что он имел какие-то дурные намерения с возражениями — если бы были, он бы их до меня донес. Но профессиональный интерес имел.

Не так часто в деле увидишь книгу такой древности и силы, на хранение и применение которой давала мне право еще одна хранящаяся в семье индульгенция.

Я встала на пороге. Солнце всходило где-то правее, невидимое с моего места, а перед моим магазином царило утро, прохладное и умытое, чистое, свежее.

Я собралась и протянула руки вперед и ладонями вверх, так, будто готовилась на них что-то принять. Или как будто на них что-то уже лежало.

Тяжелое, твердое. С шероховатой кожей переплета, с окованными металлом углами.

Знакомый вес оттянул руки, металлическая окантовка переплета привычно врезалась в сгибы локтей, ладоней коснулось тиснение и выдавленные на обложке буквы — и меня снова в который раз пробрало до костей морозом, ужасом, восторгом и возбуждением сродни сексуальному, в который раз — и снова как в первый.

В мозг хлынули слова, и, прикрыв веки, я зашептала то тайное, сокровенное, что полыхало огненными письменами у меня в голове, и шепот полился в мир.

Она приходила всегда раскрытой, и всегда на тех страницах, что нужно, подчиняясь воле и желаниям.

Нечаянный прохожий, случись он вдруг неподалеку в это время, или сотрудник, пришедший открывать соседний магазин раньше обычного, увидел бы женщину с распущенными волосами, которая шепчет что-то, закрыв глаза и держа на весу пустые руки.

Странная, конечно, баба, на всю голову — но хозяйке оккультного магазина можно.

К приезду Леночки я уже стояла у окна, смотрела сквозь витрину на парковку перед магазином, хлебала из эспажной кружечки в форме черепа обжигающе горячий кофе, чтобы избавиться от озноба, и пыталась вспомнить хоть слово из произнесенных только что заклинаний — и не могла. Бесполезно, никогда не получалось. Эти знания существовали лишь в книге, их невозможно было выучить и запомнить.

Это место мое, мое до последней крупинки земли под ним, и защищать свое — это мое святое право, так что наведение защиты от недоброго намерения не забрало много сил.

Леночку тоже привез мужик.

Светлый «Акцент» затормозил напротив магазина и рванул с места, едва она успела выйти, не дав пассажирке даже дверь толком закрыть.

Я меланхолично тянула кофе, любовалась утром. Настроение было философским.

— Доброе утро, Ксения Егоровна.

Шейный платок, светлая блузка, бежевая юбка-карандаш, туфли на низком каблуке. Мрачное лицо. Стальной характер: Леночке хватает воли и смелости, чтобы не смотреть в зубы ведьме с многолетним стажем. За два месяца я ее под себя не согнула. А какой-то мудила...

— Лен, зачем он тебе?

Надо бы затеять скандал, залить в Ленку сил по уши, и пусть булькает, думая о том, какая я сука, и усваивает энергию понемногу, но... Но озноб еще не прошел, утром меня дважды уложил на лопатки инквизитор, а пятно в Леночкином тонком теле опять увеличилось в размере.

Самое настроение для того, чтобы беседовать с подчиненной на умозрительные темы!

Вопрос получился вполне миролюбивым — не то чтобы прям-прямо, но с утра я агрессию успела изрядно подрастратить.

Леночка, видимо, тоже, потому что вместо посылы в заоблачные дали, который я от нее, если честно, и ожидала, только огрызнулась:

— А вам какое дело?!

— Да никакого, — фыркнула я. — Просто видно же, что он тебе нервы треплет!

Леночка явно была невысокого мнения о моей экспертности в области отношений, потому что она с вызовом поинтересовалась:

— Ксения Егоровна, вы когда в последний раз занимались любовью?

Давненько.

Я прям взгрустнула, вспоминая: в свете недавних сновидений тема была как нельзя более актуальна.

— А ты, Лен?

— А я — в отношениях! — подняла шерсть Леночка. — Я — регулярно!

Мне даже не пришлось притворяться, отвечая на ее вопрос, мне действительно стало грустно:

— Ты ведь меня про любовь спросила, не про секс. Вот и я тебя — не про занятия сексом спрашиваю.

— Ага, а вы прям такая принципиальная и правильная, да?! «Умри, но не дари поцелуя без любви» — вот это вот все, да?! — огрызнулась Ленка, но я видела, что угадала, попала в цель.

— Нет, Лен. В моем возрасте уже как-то и глупо так за принципы держаться. Но занятия сексом и занятия любовью я различаю.

Я допила кофе и ушла свой кабинет без окон. За высоким окошком солнечное утро превращалось в знойный день, а меня ждала тьма работы.

Начала со звонка в курьерскую фирму — договариваться, чтобы ко мне прислали человека на два часа дня. Многоуважаемый Максим выбил из меня обещание не покидать магазин без него, и теперь мне понадобится кто-то, кто вместо меня отвезет сформированные заказы на почту.

Настроение было минорным, и мысли крутились роем от товаров и соцсетей к инквизитору, от инквизитора к моей вчерашней неспособности защитить себя, перескакивали на Ленку, которая знать не знает о своей болезни — и потому я не могу ей прямо сказать, что ее козел усугубляет течение этой болезни, а отправлять ее в больницу на обследование еще рано: по моим ощущениям, то, что ей там наобследуют, будет очень сложно потом объяснить, когда оно «рассосется».

И инквизитор еще, с которым, чуется мое сердце, сложно будет уживаться в одном доме. Мне там моего скверного характера достаточно с головой, двум точно тесно будет...

Утренний инквизитор — взъерошенный и еще не запакованный в деловой костюм — снова встал перед глазами. Сердце екнуло: хорош он был просто парализующе.

Прислали же на мою голову!

Но каков, а?

Максим

В чем разница между стервой и стервозной? Первая вынесет мозг и ни хрена не сделает, вторая — мозг вынесет, но дело сделает.

Работать что с одной, что с другой — удовольствие не для слабых нервом, но со второй, по крайней мере, в принципе имеет смысл работать. Есть уверенность, что будет хоть какой-то результат.

Свердлова, максимально набив себе цену, в расследование все же включилась.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что достоинств у нее больше одного: помимо сногшибательной задницы, еще и выдающийся бюст. И пока я достоинства рассматривал, свидетельницу чуть не грохнули у меня под носом.

Так что теперь я живу в квартире крапивинской Хозяйки. Там легкий бардак, но в целом вполне приятно. Правда, с сервисом не очень — суровое самообслуживание.

— Доброе утро, — я протянул девушке за стойкой ключ от номера. — Меня некоторое время не будет, но до конца срока оплаты номер я сохраняю за собой.

Администратор в гостинице смотрела на меня с удивлением: номер я снял на месяц, появился в нем вчера один раз и сегодня уходил с вещами.

— Вы уверены? В нашей сети гостиниц большое значение придается программе лояльности, вы могли бы получить возврат существенной части ваших средств... — добрая девушка то ли растерялась, то ли и впрямь переживала о потраченных мною напрасно деньгах.

Я был уверен: у Ксении Егоровны по пять раз на дню буря мглою небо кроет — кто знает, в какой момент «вихри снежные» вынесут меня за порог?

По крайней мере, оттого, что теперь она не может в любой момент отправиться куда пожелает, а должна сперва позвонить мне, договориться о встрече и дожидаться, пока я приеду, и уже потом вместе со мной ехать, куда ей нужно, ведьма впала в ярость. Не знаю, как Свердлова представляла себе процесс обеспечения ее безопасности инквизицией, но орала она как бензопила, хорошо хоть, надолго ее запала не хватило.

О том, что мне нужны ключи от ее квартиры, говорить не стал: лучше немного подождать, чем долго и нудно уговаривать. Эта квартира — семейное гнездо, и хранится там наверняка много такого, что ведьмы не готовы оставить без присмотра. Нетрудно предположить, что одна мысль о посещении ее жилища посторонними в ее отсутствие доведет темпераментную ведьму до искр из глаз секунд за пять.

Дерну ее пару раз посреди ее дел, когда мне понадобится вернуться на квартиру, — сама дойдет до мысли, что это не слишком удобно.

Поблагодарив девушку за стойкой, я подхватил чемодан и отправился к машине

В целом, свое мнение о Свердловой я все же пересмотрел, и боевое крещение сыграло в этом основную роль. Человека, который в критической ситуации прикрывает спину союзнику и тащит в укрытие, можно рассматривать как партнера.

Свердлова, конечно, следовала за своим настроением, как флюгер за ветром, а то менялось со скоростью цветов в стробоскопе, но вполне тянула на надежного напарника.

А найти алгоритм успешного взаимодействия с ней, в принципе, не трудно.

Достаточно дать ей то, что она хочет, до того, как она начнет это требовать, а потом успеть поймать промежуток, в котором она тебе еще благодарна и не успела дойти до мысли, что так и должно было быть, и выдвигать требования.

Главное — не упустить этого момента, потому что благодарность у Ксении Егоровны держится недолго, и не вступать в переговоры. Условия нужно сразу ставить приемлемые для обеих сторон, давая понять, что торгов не будет. Потому что как только она почует слабинку — начнется знаменитая ведьмовская забава «Мотаю нервы, сколько вам клубочков?».

Рассуждая на ходу, я закинул чемодан в багажник, рюкзак и сумку с ноутбуком — в салон, сел за руль и вывел машину со стоянки. Сегодня предстоял трудный день. Нужно где-то расположиться и начинать работу.

Круглосуточное кафе «Соловьиные родники» подошло идеально: удачное расположение в центре, откуда близко до большинства интересующих меня объектов, крытая веранда под раскидистыми

деревьями, а значит, днем здесь будет достаточно прохладно, но в тарелку ничего не насыпется, и довольно высокие для провинции цены, а значит, меньше посетителей.

Заказ. Ноутбук, телефон, документы.

— Здравствуйте, вы мама Лилии? Подскажите, как мне к вам обращаться. Я ее коллега, она почти неделю не появлялась на работе. Заранее никого не предупредила, и связаться с ней не удастся. Подскажите, у нее все в порядке?

Раиса Павловна не знала, все ли в порядке у ее дочери. И что делать, не знала тоже.

— Пожалуйста, не надо заранее нервничать и переживать. Трое суток с момента исчезновения — это миф, полиция обязана принять у вас заявление о пропаже вашей дочери в тот момент, когда вы решили его подать. Но для того чтобы оно было более убедительным, постарайтесь собрать всю возможную информацию: позвоните ей по всем номерам, которые у вас есть, обзвоните больницы, морги... Раиса Павловна, я уверен, все будет хорошо. Это нужно сделать хотя бы для успокоения, да. И чтобы исключить эти варианты. Подскажите, как ее полностью зовут? А то мы на работе «Лиля» да «Лиля»... Спасибо вам большое, Раиса Павловна! Держитесь!

Соединение разорвалось, а мерзкое послевкусие осталось.

С неохотой набрал другой номер.

— Ксения Егоровна... В смысле — я идиот? — неохота оправдалась, вопросом я поперхнулся, не успев его задать. — А. То есть запасные ключи мне дать забыли вы, а идиот я?

— Конечно, — с достоинством отозвалась Свердловва. — У меня ключи есть, у вас — нет. Кто идиот?

Ну, так-то да, при таком раскладе что-то в этой логике есть.

Не став заострять внимание на не слишком лестных для меня моментах, я вернулся в изначальное русло:

— Ксения Егоровна, мне нужно полное имя Картовской Натальи, домашний адрес и, по возможности, дата рождения.

Записав нужную информацию вместе с ценной рекомендацией искать не Картовскую Наталью Борисовну, а Стоглазую Натали, могущественную светлую ведунью, я положил трубку.

Вот же... ведьма!

Следующий звонок был человеку, с которым я лично не был знаком, но который давно и успешно работал на Орден, не имея магических способностей и не зная об их существовании.

— Здравствуйте. Мне нужна вся возможная информация о некоторых людях, имеющиеся у меня данные я отправлю вам на почту. Хорошо. Жду результатов в максимально сжатые сроки. Да, без ущерба качеству, разумеется.

Имена нужных мне женщин и даты рождения, точные или приблизительные, которые можно предположить по внешнему виду, улетели в электронный почтовый ящик моего собеседника. Взаимно попрощавшись, мы расстались, чтобы заняться каждый своим делом.

Отправив в Орден запрос на получение всех материалов по делу об убийстве неизвестной, которую Свердловва опознала как ведьму Картовскую Наталью, я загрузил материалы по делам первых трех жертв и погрузился в анализ и сопоставление.

Вторую из обнаруженных Левашовым жертв звали Ольга Сергеевна Волк. Ее убийство до сих пор расследовалось, но, на первый взгляд, общими с двумя другими жертвами у нее по-прежнему были только два обстоятельства: слабый, неинициированный дар и способ убийства.

Но это означало, что нужно просто посмотреть повторно.

«Следственное поручение номер *** по делу ***: отработать на причастность к убийству Саврасовой Марины Федоровны психически нездоровых лиц».

«Следственное поручение номер *** по делу ***: отработать на причастность к убийству Саврасовой Марины Федоровны лиц, освободившихся из психбольниц».

«Следственное поручение номер *** по делу ***: отработать на причастность к убийству Саврасовой Марины Федоровны психически нездоровых лиц, судимых ранее за аналогичные преступления».

Следовательские поручения, отчеты оперов по розыскным мероприятиям, протоколы допросов свидетелей.

Сбор и накопление статистической информации.

Звонок Свердловой раздался ближе к двум, когда я подумывал уже сделать перерыв и заказать себе обед. Окрошку, скорее всего: южное лето решило наглядно показать мне, что оно такое, засучило рукава и взялось за дело.

— Я думаю, наш убийца — мужчина, и он одаренный, — без обиняков объявила Ксения Егоровна в гарнитуру на ухе, когда я принял звонок.

— Обоснуйте, — я откинулся на спинку стула и закинул руки за голову.

В целом я тоже склонялся к этой мысли, но интересно было, каким образом к таким выводам пришла она.

— Я читаю материалы с вашей флешки и все пытаюсь понять — как он их находит? Эти девушки не могли входить ни в какие списки, нигде не фиксировались как одаренные — они же непроявленные, таких не фиксируем ни мы, ни вы. Он мог их дар только увидеть.

Пока все, что сказала Ксения Егоровна, звучало довольно логично.

— Но первое, чему учатся все одаренные, прошедшие инициацию, — скрывать дар. Следовательно, просто на улице увидеть Натку и понять, что перед ним ведьма, он не мог. [Э.Л.1] Он должен был об этом знать.

— Что вовсе не гарантирует знакомства, — спустил я новоявленного детектива с небес на землю. — Во-первых, вспомните, чем ваша знакомая зарабатывала на жизнь. Он мог прийти к ней на прием и попросту увидеть ее.

— А значит, он должен был быть у нее дома! — упорствовала Свердловая.

— А во-вторых, — невозмутимо продолжил я, — мы пока что в принципе не можем быть уверены, что Картовская входит в серию. Нужна эксгумация. А что с мужчиной?

— С каким мужчиной? — живо заинтересовалась Свердловая.

— Ксения Егоровна, — я вздохнул и попросил у небес терпения. — Вы предположили, что убийца — одаренный и что он мужчина. Сейчас мы с вами пытаемся выяснить, почему вы это предположили.

— А, с этим мужчиной! — разочарование Свердловой было бы забавным, если бы я не был уверен, что она придуривается. — Да тут совсем дурацкая причина...

Мне показалась, или она смутилась?

— Просто любая ведьма свято верит, что с любым мужиком совладает, а вот сестра-ведьма — это и соперница, и угроза. Я знаю, что у неодаренных наоборот! — предупредила она мои предполагаемые возражения. — Но, если хотите, давайте проверим: подошлем на улице к десяти любым крапивинским ведьмам одного парня и одну девку с просьбой о помощи и посмотрим на результат....

Я задумчиво рассматривал кроны деревьев рядом с навесом кафе.

Саврасову нашли на железнодорожной насыпи, а Ольгу Волк — в гаражном кооперативе. Общим там совершенно нечего было делать. Следов насилия, равно как и следов волочения, на теле не было. Значит, пошли они туда сами и при этом не ожидали никакого подвоха.

По статистике, женщины редко становятся серийными убийцами: им меньше, чем мужчинам, свойственны подобного рода психологические патологии. Но наш убийца, какого бы пола он ни был, запросто может оказаться психически вполне сохранен, просто ему что-то нужно, и он убивает как наемник на войне, как профессиональный киллер, когда убийство не цель, а способ ее достижения — так что в нашем случае статистика нам не подмога...

— Ксения Егоровна, вы уже обедали?

— Нет, а что?

— Я хочу пригласить вас в морг.

— Боже-боже, нормальные мужчины после такого вопроса приглашают в ресторан, — фыркнула Свердловая. — Что, инквизиция сама уже не справляется?

Действительно, как же не сплясать цыганочку с выходом.

— Ксения Егоровна, нас с вами учили по-разному и разным вещам. У нас даже источники силы — и те разные. Я просто надеюсь, что, возможно, вам повезет и вы увидите что-то, что ускользнуло от моего взгляда... Но если вы так возражаете — инквизиция справится и сама, — лениво отбил я выпад.

Пф! — очень информативно отозвалась Свердловка и уже без ехидства объявила: — Уговорили. Где вы? Сейчас приеду.

Я прикрыл глаза. Наглядная иллюстрация предписания «Крапивинская Хозяйка и повышенные меры безопасности».

— Ксения Егоровна, напоминаю: вчера вечером вас пытались убить, поэтому вы временно ограничены в свободе передвижений. Вы не выходите из магазина, пока я за вами не приеду, и уж тем более не едете куда бы то ни было сами!

Смачное, исполненное досады пожелание «Да чтоб вам!» стало мне ответом — и Свердловка бросила трубку.

вот здесь не очень понятно: они неинициированные — то есть инициацию не проходили, следовательно, и не учились скрывать дар. Значит, он не скрыт и его при соответствующих способностях можно спокойно увидеть...

Глава 5

Систему видеонаблюдения в морге со вчерашнего дня еще не починили, а охраннику на въезде Свердловла просто и незамысловато заморочила голову — похоже, без всякой магии, одним только колыханием волшебного бюста под носом.

В кабинете Левашова с моего прошлого визита ничего не поменялось.

— О, Максим! — обрадовался мне Кирилл Андреич.

Я поспешил представить их со Свердловой друг другу:

— Ксения Егоровна, это Кирилл Андреевич Левашов, судмедэксперт крапивинского бюро судмедэкспертизы, отличный специалист.

— Просто Ксения, — совершенно по-человечески предложила Свердловла, и мне захотелось ее пристукнуть: ну может же по-нормальному с людьми общаться! Чего ж так редко это делает?!

Недостойный порыв я мужественно поборол.

— Кирилл Андреевич, это Свердловла просто Ксения, крапивинская Хозяйка.

— В Крапивине нет Хозяек! — тут же влезла упомянутая Хозяйка, но инквизиция тоже умеет быть упертой.

Игнорирую.

— Андреич, мы осмотрим нашу барышню?

— Идемте, — Левашов запер кабинет и повел нас в секционную. — Вы удачно зашли, сейчас обед, так что на месте почти никого. А девушку нашу, кажется, скоро опознают. С утра звонили, описание совпало, так что, Макс, если она тебе больше не нужна...

Я покачал головой:

— Не нужна. Сейчас Ксения Егоровна еще посмотрит на всякий случай, и...

— Хорошо. Ксения Егоровна, вы не возражаете, если я поприсутствую? Я, знаете ли, в магии не особо, но интересно, как с ней другие работают. Да и мало ли, вдруг заглянет кто... Вам для работы что-нибудь нужно?

Все же Свердловла умеет быть обаятельной, когда хочет. Две минуты с Левашовым знакома, и он уже вокруг нее на цыпочках бегаёт!

— Нет, спасибо, у меня все с собой, — мурлыкнула она и уплыла вперед.

Тело с каталки перекладывать не понадобилось.

Свердловла вытянула над ним руку, поводила ото лба до живота. Замерла, удерживая раскрытую ладонь над раной, ставшей для Лилии Давиденко смертельной:

— Как по бережку гуляла девица, как бросала она в воду камешки, — полился едва слышный шепот. — Как от камня по воде круги бегут, так и мне от волшбы любой след видать!

Простые, не слишком складные слова — но силой сейчас от крапивинской Хозяйки шаршило так, что пробрало даже Левашова, в силу исключительной незначительности дара мало восприимчивого к колебаниям магического поля, а уж мне и вовсе поплохело: свело зубы, пробрало морозом, а потом резко бросило в жар. У чувствительности, обостренной до предела зельями, обрядами и тренировками, есть не только сплошные плюсы, но и порой — жирные минусы. Вот как сейчас.

Заодно стало до рези в глазах очевидно, почему Орден мирится с ее закидонами, почему терпит скандальные выходки и не поставит на ее место более договороспособную Хозяйку явочным порядком: носительница такой силы может себе позволить быть склочной и капризной. И инквизиция закроет глаза — в обмен на то, что она будет оставаться законопослушной.

Слова отзвучали и истаяли, а Свердловла хмурилась и еще несколько секунд держала над раной раскрытую ладонь.

Потом отряхнула руку, растерла ладони, как будто они замерзли, всплеснула кистями и, прикрыв глаза, принялась что-то выплетать над телом.

Я не видел, что именно она делает, но даже по движениям пальцев было понятно — что-то сложное.

И, когда ведьма расслабленно уронила руки и открыла глаза, я подался вперед: а вдруг?

Она обвела тяжелым взглядом тело на каталке. Медленно повернулась вокруг своей оси, внимательно осматривая все вокруг. Отрицательно покачала головой:

— Ничего. Ни на заговор, ни «ясным взором» — ничего не вижу. Зря приехали.

В машине Свердлова была тиха и задумчива — то ли от упадка сил, то ли от тяжелого зрелища. Но недолго. Минут через пять пришла в себя и потребовала, раз уж я, такой-сякой, бедную женщину свободы передвижения лишил, везти ее на почту — нет, в пункт самовывоза транспортной компании — нет, она передумала, «неси меня метла, откуда принесла»: на рабочее место, в магазин!

Могущественная ведьма исчезла и вернулась уже хорошо знакомая вздорная мадам.

Смирившись с тем, что без борений и преодолений крапивинской Хозяйке жизнь не в жизнь и ее нужно либо сразу вышвыривать из машины, либо терпеть, я три раза покорно переложил курс и не убил свою пассажирку, но проникся глубоким пониманием к тому, кто пытался это сделать накануне.

Надо будет повторно ее допросить — по горячим следам она не смогла предположить, что именно могло стать причиной покушения, но, может быть, что-то всплыло?

— И вообще, я передумала, мне нужно в банк!

Так. Все, с меня хватит.

Сколько можно?!

Доколе!

Резко дернув руль, я перестроился из ряда в ряд — ведьму мотнуло на пассажирском сиденье и, видно, взболтнуло весь мерзкий характер, потому что он тут же взбурлил:

Не слушая, что там вопит взъяренная Свердлова (хотя это было «Козел, права купил?!» и «Я же не сказала, в какой банк!»), я молча гнал машину, выискивая по сторонам то, что мне нужно.

А, вот!

Припарковался, выудил из машины чудесную женщину, с которой довела судьба познакомиться (Ксения Егоровна свирепо сверкала глазами, но молчала, видимо, что-то чувствуя), потащил ее за столик ближайшего кафе на открытом воздухе.

Усадил.

Сунул в руки меню.

— Ксения Егоровна, либо вы сейчас пообедаете, либо я за себя не ручаюсь. Потому что на голодный желудок вы невыносимы.

— Может, я на диете, — пробурчала она, но без особой убежденности.

— Упаси нас боже от вашей диеты! — с чувством отозвался я.

И уверенности в моих словах было гораздо, гораздо больше.

Ксения

Инквизитор оказался прав: от гаспачо и пирожного с чаем я подобрела. Тоска отступила, исчезло гнетущее чувство собственного бессилия и острой непоправимости всего случившегося.

Где-то к середине трапезы я вновь обрела способность говорить, а не гавкать на людей.

— Что с эксгумацией? — поинтересовалась я у инквизитора, воздающего должное окрошке.

— С эксгумацией... — не-брат Максим окинул меня взглядом и снова вернул внимание к тарелке. — С эксгумацией у нас два варианта: законный и нет.

— Не-не-не, незаконный сразу отставляем, — замотала я головой, потому что дура я, что ли, с незаконными вариантами при инквизиции связываться?

Инквизитор кивнул:

— Законных вариантов два. Первый — я иду в следственный комитет, сообщаю, что расследую серию убийств и официально требую эксгумации жертвы в связи со вновь открывшимися обстоятельствами для проверки на принадлежность к серии. Естественно, свечу документами — да, Ксения Егоровна, они у меня есть, зря вы на меня вашего майора натравливали, при случае отмашусь без проблем. Минусы: это не так просто. Орден, конечно, обеспечит мне легальное прикрытие и нужные данные следствию предоставит, но все эти процессуальные действия займут немало времени. А во времени мы ограничены. Если Картовская — из нашей серии, то до следующего убийства полтора-два месяца, и неделя из них уже прошла.

Спасибо, но нет. Это предложение мне не понравилось — я бы, конечно, тоже поднапряглась, чтобы ускорить, но победить бюрократическую машину не дано ни одной магии. Со вздохом отодвинув тарелку и придвинув к себе блюдо с десертом, я взглядом поинтересовалась — а второй?

— Второй вариант — мы связываемся с родственниками Картовской, и они от своего имени подают прошение об эксгумации с целью перезахоронения останков. В этом случае вполне реально ускорить процедуру до полной молниеносности — за пропорциональное, само собой, вознаграждение. Минусы — по городу поползут слухи, это может насторожить

Я дернула бровями: это он очень деликатно сформулировал. Об эксгумации и интересе к ней инквизиции будет знать весь магический Крапивин, каждая собака, еще до того, как она произойдет. У убийцы нет шансов остаться непроинформированным!

Задумчиво размазав языком по небу шелковистость чизкейка, я запила его чаем и объявила:

— Я знаю пару надежных ребят. Предлагаю сегодня ночью идти на дело. Молчание гарантирую — они меня тоже знают.

В конце концов, совершать преступления при инквизиции — это совсем не тоже самое, что вместе с ней!

— Сегодня не получится — нужно дождаться кое-каких данных по этому делу, но завтра — вполне можно.

— Хорошо, — я одним глотком допила чай. — Итак, кого вы подозреваете?

От изумления инквизитор оторвался от собственного десерта:

— Я?! Ксения Егоровна, ау! Я второй день в вашем городе. Мне еще даже не все материалы по делу получить удалось!

— То есть никого, — разочарованно резюмировала я. — А на меня кто покушался?

— А по этому делу я вообще работаю меньше одного рабочего дня.

— Н-да, многоуважаемый Максим, — я осмотрела инквизитора с головы до гипотетических, закрытых столом, ног критическим взглядом. — Бракованный мне достался дознаватель...

— Ксения Егоровна, — с ласковой усталостью отозвался оный. — Я вас удушю!

— Эй! — всеми фибрами души возмутилась я. — Ты должен был бороться с моими убийцами, а не примкнуть к ним!

И растерялась, когда отсмеявшийся дознаватель внезапно предложил:

— Действительно, давайте и правда уже на ты!

Ну уж нет!

Я категорически не желаю, чтобы всякие приезжие орденцы мне тут тыкали!

Я не согласна!

Но инквизитор улыбался так легко, так понимающе-насмешливо, что у меня просто захватило дух, и я на мгновение отвлеклась, только на то, чтобы привести пульс в порядок...

— Давайте, — воспользовался моей секундной заминкой кто-то внутри меня. — Давай, Максим.

Он задумчиво разглядывал меня, а я...

Ну ведь не восемнадцать мне (и уже давно).

И не дура вроде бы — уж точно не дурнее многих.

Ну что ж меня от него так развозит-то?

Я уже забыла, когда в последний раз со мной такое было, чтобы от одного взгляда постороннего, в сущности, мужика по телу разливалось томное тепло и хотелось выпятить грудь, похудеть в талии, бежать на кухню стряпать пирожки и отдаться ему на месте прям сразу.

Я уже забыла, как это приятно — вот так млеть и плыть сквозь розовую одурь в голове.

И какая, в сущности, разница, есть у этого чувства шансы или нет, если от него у меня убавляется десяток лет как минимум, отлетает налипшая на душу шелуха и оказывается, что там, под ороговевшей чешуей жизненного опыта, она, душа, все еще есть и трепещет радужными крыльями?

Когда бабочка влюбленности садится на ладонь циничной взрослой ведьме, вместо того чтобы препарировать ее здравым смыслом и анализом, нужно просто постараться не дышать на нее — чтобы не спугнуть.

А всякие там глупости вроде взаимности и прочей блажи... Ксюша, тебе за тридцать, ты твердо стоишь на ногах и, даже витая в облаках, вряд ли сумеешь забыть, что единственная любовь, в которой взаимность гарантирована, — это любовь к себе.

С остальными — как получится.

Что ж теперь, обломать себе крылья и не лететь?!

А влюбленность — не любовь. Так, маленькое, быстро проходящее приключение.

И готовить я ему не буду — зря, что ли, заказала с утра харчо и плов с доставкой у знакомой, которая готовит на дому?!

Прекрасное томное настроение в хлам угробила Ленка.

Попытка поговорить с ней на тему «Бросай этого упыря, найдешь себе другого» закончилась посылом — причем, как несложно догадаться, послали отнюдь не упыря.

Ситуация осложнялась тем, что сказать ей что-то вроде: «Никто не имеет права так с тобой обращаться» я не могла — кто угодно, но не я. Предъявить же ему что-то, кроме свинского поведения, возможности у меня не было.

А делать что-то было нужно: мое «лечение» она стала воспринимать гораздо, гораздо хуже. Кажется, стрессы доконали Тёминой систему восстановления. Организм, задержанный с двух сторон, чужеродную энергию принимал неохотно, усваивать ее стал гораздо хуже и даже вливанию противился. Он хотел находиться в покое и беречь ресурсы, а не тратить сбереженные крохи сил на адаптацию постороннего энергопотока. Моя сила текла в Ленку туго, преодолевая сопротивление, которого раньше не было.

А я стала заложницей своей гениальной методики. С одной стороны, раскачивать пациента дальше скандалами явно чревато. С другой стороны, оставить ее сейчас без подкормки — все равно что убить. Уставший организм не сможет сдерживать агрессивную тень без поддержки.

«Казнить нельзя помиловать», чтоб его!

А еще самолюбие больно ущемляло, что какой-то абсолютно бездарный козел имел на мою сотрудницу влияния не меньше (если не больше!), чем я.

Допустим, он не мог заставить Ленку уволиться с работы. Но и я не могла вынудить ее бросить мужа!

И ведь был способ. Простой довольно-таки. Сделать одну ма-а-аленькую рассорку! И все. Упырь сгинет в пучине неизвестности, оставив поле боя за победительницей, я быстренько изничтожу тень до приемлемого традиционной медициной состояния, а Тёмина потом пустырьник проплет — и всем будет счастье.

Но этот чудесный, со всех сторон замечательный план наткнулся на препятствие в виде инквизитора у меня под боком.

Современное магическое судопроизводство признает три вида наказания: штраф, срок, казнь.

До второго и третьего рассорка, конечно, не дотягивает. Но штрафы для неудачников, не сумевших увернуться от правосудия инквизиции, предусмотрены драконовские. Даже вполне самостоятельным женщинам вроде меня становится неуютно от таких сумм.

Может, проще быть? Подмигну кому следует — и ее хахалю качественно и со всем старанием переломают ноги. Повисит полгодика на растяжке, отдохнут с Ленкой друг от друга... Есть, правда, риск усугубить ситуацию — например, если на растяжке он висеть будет не в больнице, а дома.

До самого вечера я пребывала в тягостной задумчивости — и когда инквизитор забрал меня из магазина, и когда накрывала стол к ужину, — вынырнула только тогда, когда Максим, явно отметивший мою непривычную молчаливость, заговорил сам.

— Начал работать со списком свидетелей, — объявил он буднично и вдруг, когда я уже разливала чай.

Чай я делала сама, правильный ведьминский чай, и правильный инквизитор сперва принялся к аромату (весьма недурственному, должна отметить!), затем провел над кружкой ладонью. Оценил показания колец-индикаторов, уважительно хмыкнул и лишь затем пригубил.

Я обоснованно возгордилась: фирма веников не вяжет, баба Ганна кровиночку учила на совесть!

Но эти мысли тут же вылетели из головы.

— Проблема в том, что у жертв почти не пересекаются круги общения... Ни общих недоброжелателей, ни даже общих знакомых толком. Так что пока действую методом исключения. Отодвинул на потом тех, у кого есть подтвержденное следствием алиби, и тех, кто не подходит по физическим параметрам. Левши и прочие неподходящие по росту на основании заключений экспертиз.

Я навестила уши.

— Одаренных в списке немало, но в большинстве своем это родственники жертв — что логично. Дело осложняется тем, что я ума не приложу, с каким ритуалом мы имеем дело. Честное слово, голову сломал — но там сотня вариантов, и это только навскидку!

— А если порыться, то и поболя будет, — мрачно поддакнула я. — Он же никаких ограничений ритуалом не задает, крути — не хочу.

— А ритуал идентифицировать — сейчас чуть ли не важнее всего, потому что это даст нам мотив.

Он взял чайник, вопросительно посмотрел на меня — я подставила кружку, и Максим налил в нее кипяток, не спрашивая, добавил заварку и сахар.

Получилось так, как я люблю.

Пока инквизитор делал чай себе и возвращал чайник на место, на кухне царила тишина.

— Словом, сейчас наиболее перспективным мне видятся два человека. Некто Миргун Дмитрий Валентинович, — он вопросительно взглянул на меня, и я отрицательно качнула головой, давая понять, что имя мне не знакомо. — Парень состоит на учете в психдиспансере, он уже проявлял агрессию к женщинам сходным образом, поэтому фигурирует во всех трех делах — правда, раньше до летальных исходов не доходило. Но таких персонажей по умолчанию проверяют на причастность в первую очередь. Завтра проверю его на одаренность, и если результат будет положительный, то он — первый кандидат в убийцы. А психологическая неуравновешенность нередко сопровождает неудачно раскрывшийся магический дар. Второй кандидат — из базы данных инквизиции. Лидия Марковна Шипурина. Знакома?

Я неопределенно повела плечом.

— У этой дамы были проблемы с магическим законом несколько лет назад, и она проживает неподалеку от первого места убийства. Пару лет назад она подавала прошение на проведение ритуала из серого списка, получила отказ, пыталась провести ритуал сама. Я отправил запрос, жду ответа. Если разработка этих фигурантов ничего не даст, буду копать дальше. Ты удовлетворена?

Я? Нет!

Засмотревшись на расслабленного вечернего инквизитора (зрелище ничем не хуже инквизитора утреннего!), я чуть не ляпнула это вслух. Потом собралась, сообразила, что он имеет в виду, удовлетворена ли я тем, как он выполняет клятву о партнерстве, и важно кивнула.

Хотя предпочла бы, чтобы одна бесстыжая морда удовлетворила меня иначе!

Звонок мобильного ввинтился в мой сон, как штопор — в мозг. Я дернулась, спросонок пытаюсь нашарить телефон и мысленно грозя звонившему всеми проклятиями мира, но пока нащупала искомое — вызов оборвался. Зато пикинуло входящее сообщение.

Половина четвертого утра! Ну, сейчас я посмотрю, кто это у нас тут страха не знает, и лично его с ним познакомлю!

«У меня есть информация о маньяке, который убивает девушек. Приходи через полчаса на угол Нахимова и Транспортной, я буду ждать».

Воинственный запал из меня выбило в одно мгновение.

Я вскочила, чудом не запутавшись в простыне и не переломав себе ноги, и вылетела из спальни.

Гостиная, диван, инквизитор.

— Максим! — в темноте говорить в полный голос было почему-то жутко, и я, тряся твердое плечо, звала его по имени страшным шепотом.

— Что случилось? — голос инквизитора был абсолютно бодрым, а в лице не было и следа той промежуточной фазы между сном и бодрствованием.

Я убрала руку, которой собиралась пихнуть спящего еще раз, и сунула ему под нос телефон — экран подсветил его лицо, мгновенно ставшее хищным.

Забрав телефон, я впилась внимательным взглядом в лицо Максима, ожидая, что он скажет.

— Постарайся оттянуть встречу, — тоже почему-то шепотом приказал он.

Я кивнула.

«Единственная девушка, чья жизнь меня действительно волнует, это я», — улетело в чат.

И следом за этим: «Давайте встретимся днем».

И еще: «И вообще, свяжитесь с инквизицией».

Максим одобрительно прикрыл глаза: все правильно. Разумная девушка, заботящаяся о себе, не побежит по первому звонку ночью к неизвестному. Она переложит это на тех, кто обязан делать такие вещи по долгу службы.

Несколько тягучих секунд, когда от напряжения подводит живот, и писк сообщения.

«С инквизицией говорить не буду».

«Днем не смогу. Я и так очень риску».

«Жду через полчаса, если не придете, уйду».

«Пусть их смерти будут на вашей совести».

Пока я вела активную светскую переписку с неизвестным, инквизитор стремительно одевался.

Я, швырнув телефон на диван, последовала его примеру, только сейчас сообразив, что выскочила из спальни в чем была — а была в легкомысленных кружевах поверх наиболее стратегически важных частей Ксюши.

Отметила — и отмахнулась. Вряд ли он что-то рассмотрел в потьмах и впопыхах. Потом поближе

покажу.

— Это может быть ловушкой, — отрывисто бросил дознаватель, нарисовавшись на пороге моей спальни.

— Может, — согласилась я, под слабым светом ночника стремительно натягивая джинсы.

Угол Нахимова и Транспортной — это строящийся ТЦ.

Не надевать же в столь сомнительное место юбку-карандаш.

— Ты можешь не идти.

Я смерила его взглядом, полным превосходства, и промолчала.

Мы оба понимали: если это настоящий информатор, то к кому-то другому без меня он может просто не выйти.

Защита. Еще защита. Еще защита.

От внезапного удара, от спутанных мыслей, от магической атаки, от физической, от ментальной. От чужого взгляда.

От сглаза, от порчи, от... Это уже перебор, это я от нервов.

Ехать решили на моей машине, на случай если написавший знает и ее, а не только мой номер телефона.

Время, время! До места встречи — минут пятнадцать езды, есть неплохой шанс опоздать!

— Я пойду первым, под отводом глаз. Все осмотрю, проверю на безопасность, если все будет в порядке — дам знак, — инструктировал меня Макс, деловито собираясь, и повел рукой, затейливо сложив пальцы.

Меня окатило теплой волной, впитавшейся в солнечное сплетение.

Я кивнула: условный знак поняла, не пропущу.

— Ты ждешь в машине, — продолжал Макс, — и выходишь только тогда, когда я разрешу!

Кивок.

— Ксения, ты поняла меня? Идешь строго по освещенному участку, я тебя страхую со стороны. Если тебя начнут куда-то звать — просто разворачиваешься и возвращаешься в машину. На контакт с информатором идешь, только если он выйдет к тебе, — сама за ним не идешь. Мы эту стройку не знаем, а у него было время подготовиться.

Все то время, пока инквизитор меня инструктировал по мерам безопасности, объясняя план действий, я приплясывала на месте от нетерпения.

— Ксюша! — рявкнул Макс, — Ты меня слушаешь?

— Да! — рявкнула я в ответ. — Время!

Времени оставалось все меньше.

Мандраж пробирал насквозь.

Согласовав детали, мы выскочили из квартиры: информация ждет!

Лифт я решила не вызывать, понеслась вниз по лестнице скачками. В подъезде воняло кошками так, что в глазах появилась резь и к горлу подкатила тошнота, и я, прижав к электронному замку таблетку ключа, поскорее толкнула дверь, желая выскочить на воздух, но ее заклинило. Я навалилась на дверь всем весом, скосила взгляд на датчик — зеленый, ну!

Толкнуть дверь бедром раз, другой.

Тошнота усиливалась.

Я еще успела понять, что это ловушка, но в голове уже поселилась вата, руки и ноги онемели и отнялись, и я плавно съехала по предавшей меня двери на бетонный пол.

Глава 6

Максим

Как оказалось, в мире было кое-что безупречнее декольте госпожи Свердловой в деловом костюме. Это декольте госпожи Свердловой в сорочке с кружевным, практически прозрачным верхом. К сожалению, к декольте прилагалось сообщение на мобильный — но я к этому уже почти привык. Так уж звезды над ней сошлись, что к госпоже Свердловой практически всегда прилагаются сожаления.

В этот раз вот — переписка.

А в переписке — людоед: заходи, говорит, на обед...

Я на девяносто девять процентов был уверен, что это ловушка, вот только не угадал с ее местоположением. Я даже не подумал окликнуть дуру-ведьму, ускокавшую вниз по лестнице, когда на секунду отвлекся запереть дверь ее собственной квартиры.

Не знаю, что меня насторожило еще до того, как она начала падать, — скорее всего, резкая кошачья вонь. Откуда бы? У Свердловой чистый подъезд, и еще вечером, когда мы возвращались домой, ничего подобного не было, а сейчас хоть противогаз доставай!

Я замер на секунду, озадаченный этим вопросом, увидел, как воевавшая с дверью Свердлова осела на пол, и пазл сложился: вонь, дверь, газ!

Адреналин хлестнул по нервам, и удар сорвался с пальцев до того, как я успел все обдумать. Примитивный посыл неоформленной силой аккуратно прошел над телом бессознательной ведьмы, и пришелся в дверь, и вывернул бы ее из рамы, если бы та не распахнулась.

Я прыжком метнулся к Ксении, надеясь, что свежий воздух выветрит эту дрянь быстрее, чем меня проберет, и выставляя все известные мне щиты.

Ведьму — на плечо.

Наверх! Быстрее, скачками, через несколько ступеней. Виски ломит, и в горле комом тошнота. Плевать! Терпеть! В квартиру, в укрытие, любой ценой!

Как открыл замок, не помню. Ввалился, запер замок и, лишь ощутив, как с оборотом ключа встает на место защита, понял: пронесло.

Переместил свою ношу из положения «мешок на плече» в положение «принцесса на руках», донес до дивана, уложил.

Проверил пульс — жива. Рывком — к чемодану, раскрыть, вывернуть вещи, выдрать подкладку, в потайном отделении — артефакты.

Лечебный — ведьме на грудь.

Кольца одно за другим скользили на пальцы, сменяя те, что оказались неподходящими к текущей ситуации.

Артефакты — кучей в чемодан, чемодан — закрыть, от греха подальше и от любопытной ведьмы, которая скоро придет в себя.

Обновить защиты.

Отвод глаз.

Вперед.

Заемная сила из орденового медальона наполнила тело, и я беззвучными скачками, невысказанными для человека, понесся вниз, ощущая, как во все стороны от меня распространяется сетка сторожевых чар.

Подъезд был пуст, мой молодецкий способ открывания двери еще не успел собрать аншлаг. В нем все еще воняло кошками, но уже не так плотно: запах выветрился.

Артефакт-газоанализатор показал, что дрянь, свалившая Ксению, выветрилась тоже.

Плетение слетело с пальцев, шлепнулось сияющей в истинном зрении кляксой на пол и начало расплзаться по подъезду, собирая и фиксируя данные, а я рванул дальше

Злоумышленник, кто бы это ни был, не мог далеко уйти: слишком мало времени прошло.

Не мог и спрятаться: я не чувствовал в окружающем эфире следов активной магии.

А значит, шанс еще есть, и если постараться, если повезет...

Я выскочил в распахнутую мной дверь, мельком отметив обрезок трубы рядом с нею.

Быстрый поиск на близкую магию ничего не дал, лишь подтвердил то, что и так было понятно: активно поблизости никто не колдовал. Поиск на артефакты. Поиск на агрессивные намерения.

Ничего.

Твою мать, не успел.

Ладно, раз с наскока не удалось — будем по старинке. Последовательно и кропотливо.

Отпустил призванную силу: врага поблизости все равно уже нет, а тонкие настройки поисковых заклинаний могут сбиться.

Вернулся к подъезду и хозяйственно подобрал обрезок трубы, которым дверь заблокировали снаружи, аккуратно обернув носовым платком, чтобы не допустить контакта с собственной рукой.

У меня тут в наличии пострадавшая ведьма имеется, думаю, она не откажется провести классический поиск по вещи!

Стыдливо отметил длинную царапину, которую труба оставила на двери — но уже с моей помощью, а не с помощью преступника, — и вошел в подъезд.

С момента, как на нас со Свердловой напали, прошло всего ничего, а по моим субъективным ощущениям — полночи, несколько часов. Из квартир на нижнем этаже выглянули хозяева и теперь сумрачно переругивались друг с другом: оказывается, мой удар повредил электронный замок, он отказывался запираť дверь, и жильцы хотели знать, кто виноват и что делать, и выясняли это друг у друга.

Отвод глаз все еще держался, и под его прикрытием я собрал паутину чар, расползшуюся по месту происшествия, прошел по его следу до второго этажа (здесь, к счастью, было пусто), выглянул из окна на козырек подъезда...

В целом все ясно.

Пора возвращаться в квартиру.

У меня там пострадавшая ведьма наверняка уже пришла в себя и тоже желает знать, кто виноват и что делать, и надо успеть вовремя направить эту стихию в нужное русло, пока причудливым вывертом женской логики виноватым не назначили меня.

Ксения

Ты не можешь умереть! У тебя незаконченное дело!

Дурацкая мысль долбилась в виски, как назойливая муха.

Ситуация усугублялась тем, что я не очень представляла, что за дело, где и, вообще, кто это — я?

Во рту было сухо, будто в него набили ватный ком. В черепную коробку, по ощущениям, набили его же. Руки-ноги не чувствовались, а все, что чувствовалось, — мерзло, в горле першило, а в голове упорно вертелось: «Не вздумай помирать! У тебя незаконченное дело!»

И это было важнее, чем вопросы «кто я?» и «где я?».

Незаконченное дело держит ведьму на земле надежнее привязанностей и жизнелюбия...

О! Я — ведьма!

Дальше пошло легче: я не просто ведьма, а еще и Ксения Егоровна Свердлова, я у себя — хоть и не в себе, но это скоро пройдет, а руки и ноги уже постепенно обретают чувствительность, и чем же это тебя приложили, Ксюша?!

Чем бы ни приложили, смертельным оно, к счастью, не было: самочувствие улучшалось на глазах. Озноб отступал, голова легчала, вот только сухость во рту...

Осторожно проверив члены на подвижность (вроде двигаются, вроде не болят), я попробовала сесть, почувствовала, что на груди что-то есть, ухватила за это рукой и... тут же забыла, что хотела пить.

Какая тварь положила мне на грудь крест?!

Тварь вошла почти сразу и деловито объявила:

— Сонный газ. Какой именно — неизвестно, зато понятно теперь, почему защита его пропустила: непосредственного вреда организму воздействие не несло.

Инквизитор невозмутимо присел передо мной на корточки, ухватив меня за запястье, проверил пульс, посмотрел на зрачки...

— Голова не кружится? Не болит? Попробуй встать.

— Да вроде бы нет, — проворчала я, вовремя сообразив, что крест на меня пристроили потому, что это лечебный артефакт, а не потому, что сочли покойницей, и скандал затевать причин нет.

Встала, прислушалась к своим ощущениям (ощущения были отличные, зрелище инквизитора, сидящего у моих ног, мне очень нравилось) и честно призналась:

— Все нормально, кажется. Чувствую себя в целом хорошо. Только слабость какая-то.

— Отлично.

Максим встал, аккуратно вынул из моей руки деревянный, почерневший от возраста крест и убрал его в чемодан. Чемодан чавкнул замками и мигнул защитными контурами.

Я задумчиво опустилась снова на диван, слушая, как инквизитор делится результатами проведенного исследования:

— Заклинание обнаружило следы присутствия нашего гостя в подъезде в углу, там, где его не видно от лестницы, и на втором этаже возле окна. Думаю, дело было так: преступник зашел в подъезд, поднялся на второй этаж, подготовил окно. Вернулся на улицу, подпер дверь обрезком трубы — я ее, кстати, с собой принес, попробуешь потом поиск навести, хорошо? Потом по козырьку подъезда добрался до открытого окна, влез, спустился вниз, пустил газ, написал тебе и устроил засаду.

Пот-ря-са-ю-ще!

— Преступник снова был один, но на этот раз обошелся без артефактов. Вообще без колдовства — следов магии я на месте происшествия не нашел вообще никаких. Видимо, опасался себя выдать, непонятно только, тебе или мне. Но раз собственная дрянь его не взяла — значит, имел при себе противогаз или респиратор.

Вы посмотрите на него! (Я как раз именно это и делала и, пока Максим аккуратно складывал свои вещи стопкой, всю таращилась на подтянутый зад в джинсах, шикарные плечи, обтянутые футболкой, и русский затылок.)

Все-то он выяснил, все-то он знает!

А как у него подотчетную ведьму чуть на глазах не убили — так это ничего и мелочи!

Возмутительно? Возмутительно.

Достойно скандала? Достойно. И еще какого! Шикарного!

Вот сейчас я выдохну немного и ка-а-ак закачу! Стены затрясутся. Двери задрожат. Окна вылетят.

Ой, нет, это мои окна. Этот пункт вычеркиваем.

— Давай, Ксюша. Вспоминай — что ты такого знаешь, за что имеет смысл убить? Видела? Слушала? Причем преступник твердо уверен: пока что ты со мной этим не поделилась — иначе не было бы смысла упорствовать. И это что-то настолько важное, что ради этого не боятся связаться с Орденом.

У меня свело зубы: да не знаю я! Не знаю! Какие у маньяка могут быть ко мне претензии? Что я могу ему сделать?

Нет, могу-то многое, но это все теоретически, а на практике мне для этого хоть за что-то зацепиться надо. А цепляться-то мне и не за что. Пока.

Кому и чем я могу быть опасна?

— Я бы предположила, что я его интересую как жертва, — я обняла себя за плечи и потерла озябшие руки. — Но это не подходит: жертв он убивает ножом в сердце, а первое покушение было вообще дистанционным. В этот раз у него были все шансы, конечно, подойти и пырнуть, но как быть с промежутками между убийствами? Это что за ритуал такой, в котором жертвы можно приносить в хаотичном порядке?

— Возможно, в прошлый раз он хотел тебя просто убить, — пробормотал Максим. — А в этот собирался утащить и хранить в прохладном месте полтора месяца. Как паука.

Спасибо, добрый инквизитор! От обрисованной картины мне живо подурнело.

Подумывая, а не хлопнуться ли мне в обморок, я слабым голосом уточнила:

— А зачем в прохладном месте?

— Чтобы не испортилась!

В обморок перехотелось. Интересно, если я его сейчас убью, это удастся свалить на маньяка?

— Понимаешь, чем больше он на меня нападает, тем выше шанс, что он оставит на месте происшествия что-то, через что я смогу его достать, — я устало повалилась на диван. — Ему бы еще после первого провала затаиться и замереть! А он... Это точно один убийца?

На душе было на диво мерзко. Предположить, что у меня в родном городе два смертельных врага, которые дружно устроили соревнование имени устранения меня?

— Может, и не один, — инквизитор смотрел на меня оценивающе.

Видимо, прикидывал, могла я нажать сразу двоих или не могла.

Я-то могла. Но не наживала: свою жизнь я перебрала в памяти чуть ли не на полгода назад и ничего, выбивающегося из канвы повседневности, не нашла.

— Давай я просто проклянущу то место, где он стоял, — в приступе вдохновения предложила я, — А потом просто в морге выберем нужного покойника: кого с моим проклятием привезут — тот и наш!

Максим сел на диван рядом со мной (Теплый! Пахнет приятно!), взлохматил волосы руками.

— Нельзя.

Мне показалось, или он произнес это с некоторым сожалением?

— Убивать людей в следственных целях запрещено законом.

— А убивать ведьм в неизвестных целях законом разрешено? — рыкнула я в инквизиторское ухо, расположенное в беспечной близости от моего негодования. — Вот что мне теперь делать? Что?!

— Прямо сейчас — идти досыпать, — невозмутимая сволочь поднялась с дивана и демонстративно почистила пострадавшее ухо. — В идеале — стоит взять отгул и не ходить на работу. Крест

нейтрализовал неизвестный газ, но все же лучше дать себе время восстановиться. Мне отгул не светит, а день обещает быть напряженным — так что я тоже лягу и постараюсь выспаться.

На этих словах инквизитор и впрямь начал раздеваться. Вернее — взялся за пряжку ремня, но потом смерил взглядом мою подозрительно невинную физиономию и спросил:

— Ксения Егоровна, не соблаговолите ли вы отбыть на ваше спальное место?

— Если вам это «благо», то вы и «валите», — проворчала я, понимая, что халявного стриптиза не обломится.

— Понятно, — вздохнул инквизитор и, внезапно наклонившись, подхватил меня на руки.

Поднес к спальне, пинком открыл в нее дверь (о-о-о-о!) и... опустил меня на постель. Одну.

Смерил критическим взглядом композицию, деловито уточнил:

— Раздеть-укрыть?

И был ознакомлен с творческой инсталляцией «подушка как форма негодования».

Поймал, поржал, бросил на постель.

Вышел из спальни и закрыл за собой дверь.

Убивать!

Но с «убивать» в эту ночь явно что-то не задалось у всех, в том числе и у меня. После того как омерзительная, гнусная, подлая инквизиторская сволочь вышла, вошло что-то другое.

Невроз.

Или психоз — не знаю, не сильна я в психических отклонениях.

Вот только что он был рядом, и я думала о том, как бы половчее доказать ему, что он козел, а ведьма — зайнышка, и о том, что бюст весьма выигрышно виднеется в вырезе футболки, а от инквизитора приятно пахнет чистой кожей и едва ощутимо — парфюмом, и еще вертелся в голове рой других весьма бодрых мыслей.

А стоило мне вытянуться на постели, стало... тревожно. Маятно. По телу волной пробежала дрожь запоздалого страха.

А если бы со мной не было инквизитора? Если бы преступник и правда меня похитил и держал бы в каком-нибудь подвале про запас, как живую консерву?

Ты, детка, второй раз не защитила себя.

Где-то ходит охотник на ведьм, от которого ты дважды не отбилась.

Зашебуршились в углах признаки старых неудач.

Выглянули из щелей страхи.

Пауки завозились где-то в своих паутинах, безмолвно суча лапами, плетя свои бесчисленные липкие нити, ожидая, когда в них влетит глупая ведьма...

И прабабка Ганна попеняла из глубин памяти: учиться надо было лучше, внученька!

Бабка Ганна бы на моем месте — да-а-а... Она бы этого ублюдка уже тоненьким слоем на хлебушек мазала и по кусочку жевала. Шутка ли — две войны, фашистская оккупация...

И баба Тоня. Да ее до сих пор весь город как вспомнит — так вздрогнет, оглянется и через плечо поплюет. Такая ведьма себя бы в обиду не дала. Не позволила бы загнать в квартиру, как испуганную зайчиху. Не сидела бы в своей спальне, трясясь от страха.

Поняв, что лежу, забившись под одеяло прямо в одежде, я волевым усилием взяла себя в руки.

Нет уж, так дело не пойдет.

Я, Ксения Егоровна Свердлова, ведьма. Первая в своем поколении. Тридцать третье колено в своем роду.

Футболка полетела в одну сторону, джинсы в другую, белье улетело следом за одеждой.

Я властна над своими кошмарами, а не они надо мной.

Безумный комплект, купленный по цене крыла от самолета в минуту душевной слабости и помрачения рассудка (черное кружево без косточек и стыда, бретели крест-накрест и та степень прозрачности, когда для воображения место еще есть, а для сомнений — нет).

И никаким страхам не свести меня с ума!

Диван прогнулся под весом хозяйки.

Я наклонилась к спящему инквизитору...

А в следующее мгновение меня молниеносно скрутили и подмяли под себя. Внизу живота сладко дернуло, но это не совсем то, что я имела в виду.

— Что ты тут делаешь?

Без малейших признаков осознания, на чистых, кажется, рефлексах Макс быстро и уверенно изучил мои руки — пустые, сюрприз! — пустил поисковый импульс по телу, проверяя на спрятанные заготовки волшбы...

И, кажется, очнулся, повторив уже осознанней:

— Что ты тут делаешь?

А меня отпустило. Вот в тот самый момент, как он спросонок и по вьезшейся инквизиторской привычке едва не свернул невинной ведьме шею, страхи мои рассосались.

— Ты знаешь, секса очень хочется, — абсолютно искренне призналась я, испытывая злорадное и почти эротическое удовольствие от его растерянности.

Несмотря на то, что с виду в инквизиторе — кожа, кости да пара километров жил, он был тяжел.

Вес, прижавший меня к пружинам родного дивана, был приятен.

Твердое, настороженное тело. Горячее. Напряженное. Жесткая рука на моем горле, готовая в любой момент...

Мое тело отзывалось на эту опасность и эту мысль сладкой дрожью.

Я прогнулась и потерлась животом о плоский мужской живот.

Качнула перед его носом грудью в бесстыдном черном и прозрачном.

— Ты бы определился, ты меня душишь или имеешь? — миролюбиво попросила я. — А то мне знать надо, я тебе отпор даю или просто даю...

Сверху затряслись от смеха.

Дожидаюсь, какое он примет решение — я к любому готова, если что, — я тайком потерлась своим коленом о его.

Внутри мартовской кошкой заурчала оголодавшая ведьма: хор-р-рошо-о-о!

А потом легкий укус в шею пустил предвкушающую дрожь по груди и ниже. Дал понять, какой он сделал выбор.

Когда он потерся лицом о грудь, царапнув нежную кожу утренней щетиной, я испугалась, что кончу только от этого — такой сладострастной молнией прошило меня от макушки до самого причинного места.

Вес сверху распределился по мне уже иначе: до этого господин Подозрительность пахом к моей промежности не прижимался.

Ну и зря, ну и дурак — сразу бы убедился, до чего же это приятно!

А еще приятно — когда руки скользят по груди, по плечам, и одна утекает на бедро, а вторая ложится на затылок...

Целоваться с ним — это когда наждак щетины и шелк языка нравятся одинаково. Когда хватаешь губами его губы, верхнюю, нижнюю, по очереди, и пьешь, пьешь ответный поцелуй, как воду, как

силу, как душу, — и отдаешь в ответ свое покорно.

Бери! Все отдаю, ничего не жалко!

И когда его пальцы проникают под белье, я только выгибаюсь в ответ, хотя внутри все вопит от ликования и восторга: вот оно!

Мама-мама-мама, как же хорошо!

Мужские пальцы исследуют, что нравится моему телу: гладят, перебирают, теребят — и каждое удачное движение я встречаю укусом в плечо, который сама же зализываю. Сладкие игры, игры-знакомство, в которых нет ничего правильнее, чем уступить, потому что проиграть — невозможно. Можно только сойти с ума от дразнящего чувства, что обещает разрядку, и обманывает, растягивая и усиливая удовольствие.

Нижнюю часть полностью окупившего себя комплекта с меня стаскивают при моем активном содействии, я извиваюсь и взбрыкиваю ногами, потому что — трусы в такой момент наш злейший враг! Бюстгальтер пока держится: Макса от этих кружев, очевидно, прет, что наполняет меня сладким женским самодовольством. Он его лижет и сосет с такой целеустремленностью, что, кажется, сожрал бы — вместе с содержимым.

И он кусается. Кусается! И на каждый укус я загоняю ногти ему в спину. Потому что — сам виноват и потому что — нравится.

И еще нравится обвиваться вокруг него вьюном, извиваться, прижиматься, слизывать с кожи нашу влагу и выкусывать из него хрипы. Нравится требовать от него немедленных действий всем телом — и нравится не получать требуемого и сходить с ума от прелюдии.

...но если я действительно сойду от нее с ума, пусть потом сам что хочет, то и делает с чокнутой ведьмой!

Кажется, я сказала это вслух — иначе откуда этот его полубезумный смешок?

Треснула разрываемая фольга. Недолгая заминка.

И головка члена коснулась входа, погнала волны дрожи по моей спине: да-а-а! Наконец-то!

Короткие пробные движения: заботливый мальчик размазывает выступившую влагу.

Давление — и член входит медленно, бережно. Ему, несмотря на смазку, тесно.

Мне тоже тесно — но мне головокружительно бездумно от этой тесноты хорошо!

Он делает обратное движение — и снова входит, так ме-е-едленно, так тягуче-плавно...

А когда застежка бюстгальтера разошлась под ловкими пальцами и несожранная грудь, тяжело качнувшись, освободилась от плена несожранного кружева, кое-кого сорвало с нарезки.

Ксюша-дурочка думала, что дразнит инквизитора, хладнокровного, как гранит?

Ксюша сорвала джек-пот: под гнетом сдержанности и самоконтроля жила лавина, пусть радуется, что ее этой лавиной раньше не снесло!

Толчки-атаки, толчки-удары, поцелуи на груди — как укусы, и укусы — как ожоги, пятерня вцепилась в волосы и тянет, заставляя запрокидывать голову, подставлять горло, и пальцы, впившиеся в ягодицу, ощущаются раскаленным клеймом, и я тону-путаюсь в своих столах-вскриках-мольбах: еще-еще-пожалуйста-да-а-а!

И предчувствие оргазма, выгибающее дугой и застилающее глаза...

И на короткий миг исчезает все, кроме точки, где моя плоть соединена с его телом.

И ослепительный спазм разрядки, выжигающий мозг, выжигающий белые пятна на моей карте мира.

Резкие, яростные толчки догоняющего меня Максима — и я оплетаю руками и ногами обессиленное тело поймавшего свое наслаждение мужчины.

Глава 7

«Зря, зря-а-а я с ним переспала!» — с этой мысли началось утро следующего дня.

Прозрение настигло меня не само по себе. Да и утро, собственно, началось не совсем с него — разбудило меня ритмичное дыхание делающего зарядку человека, и я перекатилась поудобнее, предвкушая зрелище.

— Присоединяйся.

Я только фыркнула, сибаритствуя в постели и наблюдая за чужой растяжкой: Максим только начал разминаться.

Вот еще! Делать мне больше нечего, что ли? Кому надо — тот пусть и...

Мысль закончить я не успела — инквизиторская сволочь сдернула с меня простынь, взвалила на плечо и понесла в спальню.

«Нет, ну не хочет, чтобы я смотрела, — сказал бы словами через рот, к чему такое хамство?!» — негодовала я, брыкаясь и колотя кулаками по широкой спине, пока меня не сбросили на кровать, впрочем, вполне аккуратно.

Негодовала я совершенно напрасно: хамство еще и не начиналось.

Только я свернулась уютным клубочком в милой кроватке, планируя сладко доспать недоспанное, как в меня прилетели шорты с майкой.

Этот... этот... запнувшись от невозможности подобрать всеобъемлющий эпитет, я повернулась, чтобы посмотреть: он действительно шарился в моей одежде.

— Хам! — рывкнула я, подскочив из положения лежа.

— Подъем! — рывкнул хам, нависая из положения стоя.

— Не буду!

— На допросы не возьму!

— Клятва!

— А клятва распространяется только на честный обмен информацией. Ну так информацией я поделюсь, — внезапно вышел из телеграфного стиля этот... с виду приличный человек. А затем сменил тон: — Давай, Ксюш. Твое тело скажет тебе спасибо...

— Это ты на что намекаешь? — смертельно опасным тоном поинтересовалась я, почуяв великолепный шанс не отрывать задницу от дивана и вцепившись в него сходу. — Ты хочешь сказать, что я толстая?!

Ведьмовская сила угрожающе сгустилась вокруг меня, со стены сорвалась нервная картина — золотая осень в рамочке.

Любой здоровый мужик, имеющий хоть что-то между ушами, уже упал бы на пол и ползком перемещался бы в сторону бомбоубежища. Этот же суицидник бесстрашно наклонился и чмокнул меня в губы:

— Ты охрененная!

Бубум-с! Прямое попадание, ваш противник контужен!

— ...Но зарядку делать все равно нужно. Для здоровья. Подумай о своем сердце!

И пока я приходила в себя, хлопая ушами, льстивый змей сменил аргументацию:

— Ксюша, нельзя быть такой доброй к врагам! Ты же не хочешь умереть лет через пятьдесят и осчастливить их всех своей столь ранней смертью?

Довод был настолько внезапным, что я хоть и буркнула «А тебе-то что за дело?», но с постели слезла и, прикрываясь простыней, направилась к гардеробу за комфортным нижним бельем. То ли этот умник о нем не подумал, то ли постеснялся в нем копаться. Во втором я, если честно, сомневаюсь: многоуважаемый Максим уже продемонстрировал полное отсутствие и стыда, и совести, и прочих признаков закомплексованности.

— Ну, мы же теперь партнеры, — с совершенно иезуитскими интонациями выдал инквизитор за спиной.

Вообще, если быть честной, я не обдумывала, как будут выглядеть наши теперешние отношения, но подспудно ожидала, что они будут протекать в формате «Постель не повод для знакомства» — с регулярными визитами в оную постель, разумеется. И для меня стало сюрпризом, насколько резко инквизитор перешагнул эту черту, форсированно вогнав их в формат «Ну раз уж мы с тобой партнеры...».

А еще я по утрам деревянная, негибкая — и это было еще одной причиной, помимо лени, почему я не хотела заниматься при подтянутом и спортивном дознавателе.

Обо всем этом я примерно и думала, расставив ноги на ширину плеч и выполняя поочередные наклоны к левой и к правой ноге вслед за Максом.

Бюст качался, инквизитор отвлекался.

Хм... А что-то в этой вашей зарядке определенно есть!

Максим

«Я три ночи не спал, я устал»...

Не то чтобы совсем не спал, но два-три часа, которые удавалось урвать на сон в последние дни, — это мало. Позавчера выехал в ночь, чтобы к утру быть в Крапивине, вчера пришлось всю ночь сводить отчет, чтобы утром поделиться сведениями со Свердловой, как обязывала клятва, а сегодня ночью — сообщение-приманка и ловушка в подъезде.

Насыщенной жизнью они тут живут: два покушения за два дня.

По-быстрому собрал, что мог, по горячим следам на месте происшествия, отпустил спать пострадавшую и свидетельницу в одном лице, отправил в Орден запрос по поводу номера, с которого Свердловой пришло сообщение, оформил еще пару срочных запросов — по способу нападения и подкреплению, в надежде, что, когда я проснусь, уже будут ответы и можно будет работать, с чувством выполненного долга упал на диван...

И понял, что уснуть не могу. Организм, получивший пинка магией и адреналином, взял разгон и не мог затормозить.

Пришлось закидываться спецсредствами.

Пробуждение было... Было. Чудо, что я этой удивительной женщине ничего не сломал.

Нет, я, знаю, что женщине в стрессе позволительно думать эмоциями, а мужчина и в критической ситуации должен сохранять хладнокровие и благородство и не пользоваться женской слабостью...

Но у нее грудь четвертого размера.

Мое благородство меньше.

Следует еще учитывать личность самой Свердловой. Воспользуюсь я ее слабостью или нет — все равно останусь виноват.

Так уж лучше быть виноватым в том, что сделал, чем в том, чего не делал.

К тому же — четвертый размер.

Натуральный.

Ластится, как ручной...

В любви Свердлова неожиданно оказалась открытой и податливой, доверчиво следуя за партнером туда, куда он ее ведет.

Был еще гнусный страх опозориться от усталости, но он отступил.

Потом отступил и разум, оставив тело на управлении спинным мозгом.

Потом я вырубился в обнимку с четвертым размером.

Уснул мгновенно — спецсредства не понадобились.

Завтракать чем бог пошлет я не могу: у меня утро — время самого зверского аппетита. Поэтому после войны за зарядку и самой зарядки пустил ведьму в душ первой и пошел готовить завтрак обоим, решив, что такое распределение обязанностей меня в принципе устраивает: я готовлю на двоих утром, Ксения заказывает вечером, в обед каждый кормится сам.

Сковородок на кухне имелся целый набор — я еще вчера оценил. Причем с выдавшим виды чугуном, явно доставшимся в наследство, соседствовала модная ярко-фиолетовая керамика вполне заслуженного вида, навскидку — около полугода эксплуатации. Значит, Свердлова, в принципе, все же готовит.

Разумно купленный заранее бекон лег на раскаленный металл и тут же съезжился.

Итак, что мы имеем?

На крапивинскую Хозяйку за двое суток покушались дважды. Способы различаются, но есть в них

нечто общее: каждый раз с ней старались справиться дистанционно.

Значит, кто бы это ни был, он убежден, что в прямом столкновении со Свердловой ему не справиться. Честно говоря, после сцены в морге я преступника понимаю и на его месте тоже постарался бы действовать исподтишка.

Нож в очередной раз расколол скорлупу, и последнее, четвертое яйцо вылилось на сковороду.

Соль, перец.

Причем мое присутствие преступника не смутило. В первый раз — так точно. Во второй... Знал или не знал нападавший, что ведьма будет не одна? Организация ловушки ответа на этот вопрос не дает: то, что я отстал, это случайность, мы могли спуститься в подъезд вместе и вместе угодить в газ. Но я больше и тяжелее — мне нужна большая доза. Выяснить, было ли это учтено, можно было, только выяснив, что за вещество распылили в подъезде и с какой концентрацией. К сожалению, все улики, которые могли об этом рассказать, я уничтожил сам — когда проветрил подъезд и очистил кровь Свердловой артефактом. Опрометчиво, конечно, но выбор был небогатый, следовало защищать либо улики, либо подопечную.

Чертовщина какая-то.

Кому нужна ее смерть? Как это связано с моим приездом — если связано? Кому Свердловва настолько мешает?

Был бы образец газа — можно было бы попытаться установить, что это за вещество, и отследить происхождение.

Надо было шарахнуть оглушающим по площади и потом уже выносить из зоны поражения ведьму...

Но кто ж знал, что там всего лишь сонный газ? Окажись там что-то серьезнее — я бы ее своим оглушением и добил.

Умный, сука. Какая умная и осторожная тварь против нас играет!

Ксения выплыла на кухню, хмыкнула, оценив мои приготовления, и щелкнула чайником.

Застучали дверцы шкафчиков, на столе появились тканевые мешочки, стеклянные баночки, бумажные пакеты — и даже вполне цивилизованного вида аптечные коробки с травами. Кроме аптечных пачек, все остальное подписями снабжено не было.

Все понятно. Ее ведьмейшество изволит священнодействовать с чаем.

Доставая тарелки, я краем глаза наблюдал за Свердловой, отмеряющей в заварник с лицом сосредоточенным и серьезным щепоть того, чуток сего, пару веточек чего-то третьего и еще ложечку классической чайной заварки.

— Ксюш, а если тебя убьют — кто от этого выиграет? — пока я расставлял посуду, яичница как раз дошла и теперь отправилась на тарелки.

— Никто, — абсолютно без раздумий отозвалась Свердловва, залила смесь горячей водой, отставила ее в сторону доходить и присоединилась ко мне за столом.

— Конкуренты по бизнесу?

— Максим, очнись! — закатила глаза ведьма. — У меня один-единственный несчастный магазин и пара сайтов в сети. За такое не убивают!

Логично.

— Кому-то хочется получить твой статус Хозяйки? — предположил я.

— Не-а, — Ксения помотала головой. — Во-первых, я его так и не приняла...

Я фыркнул: не приняла, конечно! Но пока ты жива — никто в здравом уме и твердой памяти руку к нему протянуть не посмеет, если я хоть что-то понимаю в характере Ксении Егоровны!

— А во-вторых, — Свердловва сделала вид, что моей насмешки не заметила, — ты же про мою бабу, Антонину Алексеевну, слышал?

— В твоём личном деле читал. Прошлая крапивинская Хозяйка. Одиозная личность.

— Угу, только не «прошлая», а «последняя», — ведьма кивнула копной еще не связанных в узел

кудрей. — Ты читал, а наши куры с ней лично были знакомы. И от места крапивинской Хозяйки не я отказалась, это она его своим словом заперла.

Ксюша вздохнула и принялась рассказывать:

— Баба Тоня давно считала, что магия вырождается, — да и сам посмотри: в нынешних условиях, когда колдовать без риска нарушить древний Договор может позволить себе максимум процентов десять сообщества, лишь те, кому повезло родиться с удобным даром, полноценно обучать детей ведьмовству — только жизнь им портить. Сильный, разработанный дар — скорее источник неудобств, чем преимущество. В общем, посмотрела баба Тоня, посмотрела — и решила: баста, хватит. Кончились шабаши с Хозяйками. Собрала всех местных и объявила свою волю.

Она хлебнула ароматного чая из кружки и продолжила, явно цитируя

— «И сказала ведьма Слово — и по Слову ее стало». В общем, бабуля волей, силой и авторитетом заперла место крапивинской Хозяйки. И сложила с себя обязанности. Все ждали, что я место приму, — но я, если уж быть честной, с бабулей согласна. И не понимаю — на хрена? На хрена нам все это надо?..

Я слушал, и у меня волосы дыбом вставали. Как, как Орден мог об этом не знать?! Или не приняли всерьез? Или засекретили и решили, что к моему расследованию это отношения не имеет?

То, что сейчас так спокойно рассказывала мне Свердлова, называлось «подвешенным проклятием». Проклятие, которое то ли есть, то ли нет — и никак этого не выяснить, пока не нарушишь запрет, связанный со Словом.

Так что, если найдется смелая ведьма, которая рискнет и примет его на себя, — может, ей ничего и не будет. Но, учитывая репутацию Антонины, которую Ксения небрежно зовет «баба Тоня»...

— В общем, поверь: даже если меня вдруг удастся тогокнуть, наши не побегут, толкаясь локтями, чтобы Хозяйкой стать. Все замрут и будут каждая выжидать, кто первая через бабы Тонино слово переступит — и на себя все последствия возьмет. Потом-то уже, конечно, можно и подсидеть выскочку. Но первой лезть — ни-ни. Поверь, бабуля была та еще душка, — в унисон моим мыслям закончила Свердлова.

Я верил. Смотрел на прекраснейшей души Ксению Егоровну — и как-то вот безоговорочно верил в ее бабушку.

— Аретфакты? — перешел я к следующей версии.

— Что — артефакты? — уточнила она, доедая последние кусочки яичницы.

— Кому отойдет ваше ведьмовское наследие в случае твоей смерти?

— Матери, конечно, — удивилась Свердлова и, небывалое дело, взялась разливать чай.

В первый раз — до этого ей корона не позволяла меня обслуживать. То ли корона сегодня немного слетела, то ли меня в табели о рангах на пару ступенек подняли. Надо же, дожился: через постель карьеру при ведьме делаю...

Сделав максимально серьезное лицо, чтобы Ксения Егоровна о кощунственных мыслях не догадалась и не надела мне на голову чайник вместе с кипятком, я быстренько вернулся к теме разговора:

— Но ты ведь единственный ребенок в семье?

В личном деле Свердловой было отмечено, что ее мать, Татьяна Витальевна Ловец, в замужестве Свердлова, из Крапивина уехала и на старшинство в семье не претендовала, уступив главенствующее место в роду дочери. Других детей у нее не было, а у Ксении их не было в принципе — по крайней мере, о них не было известно инквизиции.

— Максим, — вздохнула Ксюша и отхлебнула из своей чашки размером с половину мирового океана, — я тебе не дорассказала историю про ту мою прабабку, которую ваши на костре сожгли. Помнишь, позавчера, когда нас... перебили.

Я вспомнил, как именно это произошло, и хмыкнул: экая мастерица преуменьшений. «Перебили», ну надо же. От одного воспоминания в ушах снова зазвенело.

— В общем, ваши ее подловили на нарушении закона, к которому сами же и подвели, и присудили ей костер. Орден очень хотел получить назад индульгенцию, которая давала прародительнице право на хранение, передачу по наследству и применение колдовской книги — той самой, на которую вы и по сей день облизываетесь. Детей у нее не было, и ваши отлично понимали, что такое

для ведьмы не продолжить род. Рассчитывали, что она захочет откупиться, — а если нет, то ничего страшного: индульгенция потеряет силу ввиду пресечения линии наследования. Ждали, что запросит сделки. Но прародительница решила, что книга важнее, и взошла на костер. Когда после казни дознаватели стали искать книгу и индульгенции — на тот момент в роду их было две, — они ничего не нашли. Понимая, к чему идет, прародительница наложила на самое ценное, что у нее было, чары, в которые вплела свою жизнь — и имя своей ученицы, назвав ее своей дочерью и наследницей в дар. И в момент смерти все, что было прародительницей завещано, исчезло, чтобы явиться перед ее названной дочерью и наследницей. Та, кстати, к тому времени же два года странствовала отдельно от наставницы и в момент ее смерти была где-то на Балканах — и ничего, получила посылочку без задержек.

Я смотрел на Ксению во все глаза. Нет, скорее всего, у Ордена эти сведения все же были — просто в предоставленное мне личное дело они не попали.

— Так линия крови в нашем роду разорвалась первый раз, — задумчиво резюмировала Ксения.

А до меня дошло: если Татьяна Свердлова лишится дочери, их наследие в этом городе не достанется никому. Из принципиальных соображений злопамятная ведьма не позволит, чтобы убийца ее единственного ребенка хоть кончиком пальца прикоснулся к семейным сокровищам.

«Магия, конечно, вырождается, но что наше — то наше, и своего мы никому не отдадим», как-то так.

Что ж, по крайней мере, охотников за наследством исключаем.

Что остается?

Личная неприязнь? Ксюша — талант, но что за неприязнь такая, что вспыхнула одновременно с моим приездом, да еще с интенсивностью в два покушения за два дня?

Кто-то имеет претензию к местной Хозяйке за сотрудничество с Орденом? Маловероятно, но запрос относительно радикальных течений в регионе сделаю.

Кто-то рехнулся на почве ведьмовства? Для сумасшедшего нападающий слишком расчетлив, так что эта версия тоже идет в самый низ возможных причин.

Возглавляло список по-прежнему предположение, что Свердлова что-то знает. И либо это знание не имеет отношения к убийствам — иначе клятва не позволила бы ей умалчивать, либо она не осознает, что информация, которой она обладает, имеет для кого-то огромную ценность.

— Где ты была одиннадцатого июня с двадцати трех до часу ночи? — и сразу предупредил явно собирающуюся озвереть ведьму: — Ксюша, чайник себе на голову я надеть не дам, просто постарайся вспомнить и ответить на вопрос.

Вместо того чтобы впасть в буйство, Свердлова достала телефон, открыла ежедневник — и мы вполне деловито проработали все четыре даты. В двух случаях из четырех алиби у нее было: один раз она была у себя в магазине под камерами (и тут оставалось надеяться, что запись была сохранена), а другой — в администрации с документами, и это уже железобетонно, слава бюрократии.

Когда мы закончили и я выходил из кухни, чтобы принять душ и выдвигаться уже, ведьма несильно пнула меня в колено.

— Максим, — агрессии от нее вроде бы не исходило, скорее изумленно-недоверчивое любопытство, — ты что, правда меня подозреваешь?

— Я подозреваю всех, — с этими словами я наклонился и чмокнул ведьму в нос, полюбовавшись бурей негодования, мгновенно смывшей все иные эмоции. — Но тебя теперь — меньше прочих.

Ксения

— Поздравляю, у тебя праздник! — объявила я вместо «Здравствуй!», широко распахнув входную дверь и эффектно застыв в проеме. — Отпуск!

— В смысле? У меня? — удивилась Леночка, отработавшая несчастные пару месяцев на своем месте.

— Нет, у меня! — отрезала я, разбив ее хрустальные надежды, и жизнерадостно спросила в пространство: — Ну разве это не праздник?!

— Соберись, Лена! Ты будешь видеть меня всего раз в сутки! — и без того потускневшее настроение Тёминой скатилось в минус, когда я однозначно дала понять сотруднице, что визитов «любимой» начальницы, несмотря на отпуск, ей не избежать.

Это приоткрыло ма-а-ахонкую брешь, которой я и воспользовалась, чтобы с энергией экскаватора приняться пичкать подопечную силой.

«Ну, давай! Ковш за маму, ковш за папу, ковш за Ксюшу, ковш за мудилу-упыря...»

Ленку от моего напора уже слегка подташнивало.

Возможно, действовала я излишне агрессивно, но на посещение моей работы у нас было отведено двадцать минут, в которые нужно было помимо лечения уложить еще и собственно работу, так что было не до нежностей.

Инструкции были просты, список обязанностей обширен, мой телефонный номер у Елены свет Сергеевны имелся — в двадцать минут, выделенных на решение вопросов с магазином, я уложилась.

Ленкино состояние, к счастью, стабилизировалось. По крайней мере, сегодня ее тень держалась во вчерашних рамках, а самой Ленке даже хватило сил качнуть права по поводу оплаты ее сверхурочного труда.

Когда я вернулась к Максиму в машину, выражение лица у него было такое, словно он был очень не прочь задать мне парочку вопросов именем инквизиции, но не задал: то ли счел, что не ко времени, и отложил на потом, то ли признал, что не его дело. Вместо этого он выдержал паузу и заговорил о другом:

— Пришел ответ из Ордена на мои запросы. — Макс покрутил головой по сторонам, убеждаясь в безопасности движения, и вывел своего черного монстра на проезжую часть.

С неожиданной для его габаритов элегантностью авто вписалось в транспортный поток и понесло нас навстречу труду во имя спокойствия магического сообщества.

— Во-первых, номер, с которого тебе прислали сообщение, чтобы выманить из квартиры, зарегистрирован на имя некой Клавдии Амбросиевны Беликовой, шестидесяти двух лет от роду.

— Сомневаюсь, что это была она, — скептически отметила я, параллельно пытаясь вообразить даму шестидесяти с лишним лет от роду, которая штурмует козырек подъезда, цепляясь клюкой, как кошкой, за выступы, с тем чтобы влезть в окно лестничной клетки.

Само собой дорисовалось эпичное падение, переполох среди соседей, перелом шейки бедра у Клары Амбросиевны и две скоропомощные бригады, обычная и из дурдома, на повышенных тонах выясняющие, кто должен забирать клиентку.

Макс усмехнулся, словно подсмотрел мои мысли, — но, скорее, сам вообразил что-то похожее.

— Женщина, скорее всего, подставная. Ее на всякий случай проверяют, но вряд ли это что-то даст: в списках инквизиции она не фигурирует ни как одаренная, ни как лицо, входящее в число посвященных либо пересекающихся с магическим сообществом иными путями. Так что наверняка кто-то просто воспользовался ее паспортными данными...

Я согласно кивнула: в эту версию мне поверить было проще, чем в старушку-коммандос.

— По второму запросу — пусто. В базах данных, к которым у Ордена имеется доступ, нет никаких данных о нападениях на одаренных либо неодаренных, совершенных за последнее время с применением сонного газа либо веществ сходного типа.

Я снова кивнула: мол, отлично, принято к сведению. Жаль, конечно, что не удалось вычислить гада по мановению ее императорского величества Статистики и первой леди ее, Систематизации данных, но увы. Будем работать с тем, что имеем.

— Третий запрос — отказ, — неохотно продолжил Макс.

Я среагировала именно на его интонацию, потому что в душе не ведала, что там был за запрос. Повернулась к нему с вопросительным взглядом, и он, явно «скрипя сердцем», пояснил:

— Я запрашивал подкрепление. Мне ответили, что пока что не видят в нем необходимости. На взгляд начальства, я пока справляюсь самостоятельно.

Я хмыкнула, вспомнив, как с утра инквизитор, прежде чем выпустить меня из квартиры, пробежался по маршруту до машин в одиночку, потом поднялся от моего этажа до последнего...

С одной стороны, я представляю, как мы будем возвращаться домой. С другой стороны — лично мне в квартире других инквизиторов не надо, одного на мою голову (и другие места) вполне достаточно!

Да и потом... После моей многолетней глухой конфронтации с инквизицией я бы напряглась, скорее если бы там при первых признаках опасности ринулись мне помогать, чем наоборот.

— Зато по поводу эксгумации — официально дали добро, — с бодрым видом попытался меня утешить Макс, игнорируя то обстоятельство, что я вовсе не расстроена. — Жаль, что я до второго покушения запрос оформлял и указал, что справлюсь своими силами, иначе можно было бы под это дело группу поддержки выбить...

— Нет уж, на фиг, на фиг! — быстренько открестилась я от перспектив. — Обойдемся уж как-нибудь без поддержки гробокопателей!

Макс дернул углом рта в своей знаменитой усмешке-которой-нет, от которой у меня традиционно екало чуть пониже пупка, и заглушил двигатель в классическом тихом дворике между типовыми многоэтажками, повернулся ко мне и начал инструктаж:

— Сейчас мы пойдем к первому из подозреваемых. Говорить с ним буду я сам, не вмешивайся. Просто тихо присутствуй рядом, я тебя даже представлять не буду. Окей?

Эту инструкцию можно было интерпретировать одним-единственным образом: «Стой в углу и не чирикай», но инквизитору виднее, как вести следствие, так что надо будет — постоим.

Поднимаясь за ним на третий этаж, я подумала-подумала да и накинула на себя легонький отвод глаз.

Макс оглянулся, хмыкнул, оценив мое решение, — но ничего не сказал.

Нужная нам дверь не впечатляла: обшарпанная какая-то, да и лестничная клетка вся заплеванная. Такое себе пристанище для городского Зла.

На звонок открыл молодой парень, не то чтобы совсем опустившийся, но неуловимо похожий на собственную лестничную площадку: неряшливый и запущенный.

Но пришли мы сюда не зря, потому что аура его, пусть блеклая и вся какая-то подавленная, несла на себе явные следы одаренности. Пусть самой слабенькой, первоуровневой, без следов инициации и без шансов на ее самостоятельное прохождение, но тем не менее. И Макс тоже это увидел, а потому, вместо того чтобы извиниться и соврать, что мы ошиблись дверью (И домом. И улицей.), спросил:

— Миргун Дмитрий Валентинович? Следственный отдел Следственного комитета Российской Федерации в городе Крапивине, Максим Владимирович Соколов. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Парень проводил взглядом уверенно предъявленные корочки и погрузнел:

— Проходите...

В тесном коридоре было не протолкнуться, и Миргун сразу свернул направо, на кухню. Инквизитор последовал за ним, а я незримой тенью пристроилась в кильватере у Макса.

Оправдываться он начал еще до того, как Соколов (хе-хе, вот мы и выяснили вашу фамилию, не-брат Максим!) начал задавать вопросы.

— Я вашим уже говорил, что не знаю я ту девушку! Как ее там? У нее еще фамилия такая... Волкова, что ли?

— Волк, — поправил Макс.

— Да, Волк. Я ее не знаю и не видел... — в этот момент парень зацепился взглядом за меня, вернее,

за якобы пустое место, где я стояла, и запнулся. Но продолжил: —...Никогда. Мне фотографию следователь показывал, я ее не узнал. Просто понимаете, у меня бывает иногда... мне мерещится всякое. И видится странное. И тогда с головой будто что-то случается. Я на девушку свою когда-то из-за этого набросился. И на ее мать потом, когда мириться пришел. Врачи говорят — шизофрения. Но я лекарства пью! Давно ничего такого не было! А ваши все равно — как чуть что в районе случится, сразу ко мне бегут. Ты женщину топором зарубил? Ты ножом пырнул? А я не убийца, я нормальный, просто псих! Но я никого не убивал!

Парень говорил и говорил, нервно, быстро, и чем дольше он говорил, тем чаще возвращался взглядом к пустоте на том месте, где стояла я.

Макс, слушавший его вроде бы рассеянно, да и вообще смотревший скорее в окно, чем на подозреваемого, только кивал — но неощутимо, по миллиметру, сдвигался так, что оказывался между ним и мной.

Дмитрий сморгнул, с явным усилием отводя глаза от занятого мною места, и сфокусировал взгляд на инквизиторе:

— Вопросы. Вопросы, да. Задавайте свои вопросы.

И когда Макс указал ему на место за столом в дальнем углу, в тесном закутке между столом и газовой плитой, хозяин дома занял это неудобное положение безропотно. Сам же Макс сел так, чтобы по-прежнему находиться между мной и Миргуном, достал из сумки форменные бланки и начал допрос:

— Скажите, где вы были одиннадцатого июля этого года с двадцати трех до часу ночи...

— И что ты об этом думаешь? — бодро поинтересовалась я у мрачного Макса.

Макс делиться со мной мыслями не спешил, видимо, здраво рассудив, что хватит с Ксюши и присутствия во исполнение клятвы. Информация у нас у обоих совершенно одинаковая — формально все честно.

А что у нас разная профессиональная подготовка, а следовательно, и выводы будут о-о-очень разными — так кто ж мне виноват? Кто на что учился!

Но меня так просто с хвоста не стряхнешь, я уже обо всем догадалась и теперь не дам от меня ничего ута...

— Да черт его знает что думать! — в сердцах рыкнул Макс, вырвав наконец из лабиринта двора. — У него на одиннадцатое вроде алиби есть, но, сама слышала, невнятное какое-то. Вроде гуляли с друзьями допоздна. Но со сколько до сколько — он не помнит, а это не алиби на самом деле, это черт-те что. А парень мутный. Видела, как он на тебя?.. — Макс мазнул по мне быстрым взглядом и снова переключил внимание на дорогу.

— Угу, — поскучнев, отозвалась я.

Еще б я не видела!

Магический дар до инициации оценивается по шкале от одного до семи баллов. После инициации — тоже, но это уже совсем другие семь баллов, да и не об этом речь. Деление условно и производится по визуальной оценке интенсивности и объема ауры. На глазок, если не морочить себе и людям голову специальными терминами.

Бывает так, и довольно часто, что после инициации дар «прыгает»: единичка подрастает до тройки, пятерка — до шестерки, а шестерка и семерка у непроявленных магов практически не встречаются. Кстати, в обратную сторону дар «прыгает» гораздо реже и, как правило, у наиболее сильных одаренных, но речь не об этом.

Сама по себе инициация — это даже не ритуал, это... акт принятия, что ли?

Принятия волшебником самого себя. Признание, осознание себя одним целым со своим даром. Как обычный человек не считает отдельные свои органы чем-то инородным, так и колдун или ведьма не должны считать свой магический дар чем-то автономным в себе.

И первая ступень инициации — поверить. Просто поверить в то, что магия — есть. У тебя есть дар. Ты ведьма. В-е-д-ь-м-а. Они существуют. Так бывает.

Этот процесс не обязательно запускается извне: если дар в человеке достаточно силен, он пробьет себе дорогу и сам.

Четверка или пятерка самоинициируются почти со стопроцентной вероятностью. Нужна недюжинная сила воли и самоорганизация, чтобы удержать под спудом рвущийся на свободу дар пятого неинициированного уровня. А еще — огромное нежелание признавать его существование.

Тройка может прожить всю жизнь и так и не узнать о своей силе, разве что удивляться некоторой удачливости и своей развитой интуиции — при условии, что жизнь этой тройки будет ровной и тихой. При существенных жизненных потрясениях — инициируется почти наверняка.

У двойки и единицы на самоинициацию практически нет шансов.

Тем, кто родился в магических семьях, тем легче: их аккуратно подводят к невероятному известию о существовании магии, растормаживая сознание и готовя почву.

Если процесс запускается извне, то неважно, какой силы был спящий дар, инициацию запустят, ведь ее первая ступень — это поверить в существование магии как таковой в принципе и у себя в частности. А уж это наставникам показать проще простого. Принятие может после этого занять некоторое время, но ведь есть старшие родственники, уж какими бы стержневыми ни были, они сперва готовят, а потом страхуют свою кровь.

Но бывает и иначе.

Когда-то в юности была у меня знакомая, Вера. Обычная немагическая девушка. У Веры была мечта — стать олимпийской чемпионкой по фигурному катанию. И ради этой мечты Вера работала на износ, не зная ни покоя, ни отдыха. Ей пророчили большое спортивное будущее: помимо огромной работоспособности, у нее была молниеносная реакция, безупречная координация, музыкальный слух, удивительно выразительная пластика...

Талант. Призвание!

Которое разбилось об нелепейшее из препятствий: связки Веры оказались слабоваты. С переходом из юниоров во взрослое фигурное катание травмы посыпались одна за одной.

Вера была как зверь. Она сражалась как лев, наплевав на риск остаться калекой, пытаясь выскочить за пределы собственных физических возможностей...

Вера ушла из спорта и состоялась в бизнесе. Но в моей памяти так и осталась примером победы физической слабости над Призванием.

Вот так и Миргун.

Слабость магического дара у него — жалкая единичка — уживалась с невероятной магической чувствительностью.

Дару не хватало силы, чтобы проявиться, явить себя хозяину, чтобы тот поверил.

А обостренное чутье, сталкиваясь с проявлениями магии, шептало, что что-то не так, что все на так, как кажется, что...

Если бы рядом с ним вовремя оказался кто-то, кто помог бы ему выбраться из скорлупы собственного сознания, как птенцу из яйца, — его жизнь сложилась бы иначе. Но рядом никого не оказалось, родные не верили и не понимали, социум давил, шепот чутья приводил его в ужас... И парень не выдержал. Сломался.

Сошел с ума — стал срываться в агрессию на все то, что указывало ему чутье.

Мог ли он убить несчастных женщин? Мог. Непроявленные одаренные светятся силой, как лампочки, лишь после инициации учась скрывать дар. Это яркий раздражитель для несчастного вроде Миргуна.

Убивал ли он? Не знаю. Это мы и будем выяснять.

Я связалась со своими знакомыми, напомнила им, что у нас сегодня ночной выход прекрасной дружной компанией: я, они и еще один мужик, а потом зарылась в телефон.

Имена девицы и ее матери, на которых напал в свое время Миргун, у меня были, так что — боже, благослови соцсеточки — за время пути я успела выяснить несколько ключевых для этих дам адресов, припомнила, кто там у меня есть из знакомых, кто мог бы сойти за пристойный источник информации, и рыла дальше.

Остановившись на стоянке возле третьей городской больницы, Макс начал инструктаж:

— Лидия Марковна Шипурина, врач-травматолог. Два года назад подавала прошение в Орден о проведении обряда размена жизни для пациента, впавшего в кому в результате черепно-мозговой, — Макс повторил вводные, с которыми уже ознакомил меня накануне. — Получила отказ, собиралась провести обряд на свой страх и риск. Поскольку была своевременно остановлена — отделалась штрафом. По некоторым сведениям, обряд она не собиралась провести, а вовсе пыталась, но сотрудник, помешавший ей довести дело до конца, Шипурину прикрыл. Так что дама, в целом, подходит под наши требования: решительная, смерти не боится, отлично знает анатомию человека — так что наверняка способна с одного удара попасть в сердце. Если у нее опять есть пациент, которого она готова вытаскивать ценой чужих жизней, — она наш первый кандидат.

— Баба, — скривилась я.

Я по-прежнему считала, что наш клиент — с высокой долей вероятности мужик.

— Ну не пойдет так просто ведьма за другой ведьмой, у нас в заводских настройках прошито недоверие друг к другу!

— Угу, — Макс кивнул, вынимая из замка зажигания ключи и рассовывая по карманам нужные мелочи. — А если к тебе подойдет врач в форме и попросит помощи?

— Все равно не пойду! — уперлась я.

— Так я ж не про тебя, я ж гипотетически, — снисходительно отозвался этот змей. — Среднестатистическая ведьма все же знает, что такое отзывчивость и человеколюбие!

Ч... Что?!

Какого черта он топчется по моей полянке?! Я тут стерва!

— Лидия Марковна? Не могли бы вы уделить нам несколько минут? — в этот раз Макс не стал доставать липовые корочки, а ненадолго убрал отвод глаз с орденской бляхи.

Шипурина, перехваченная нами посреди коридора в компании коллег, вздрогнула, извинилась перед спутниками и повела нас в ординаторскую.

А я только мысленно сказала себе: «Ксюша, ты дура!»

Лидия Марковна Шипурина раньше звалась Лидочка Горбатенко, и пусть и шапочно, но мы все же были с ней знакомы. Собственно, брошенный в меня злой взгляд именно это и подтверждал.

— Вам знаком кто-то из этих девушек? — задал дежурный вопрос Макс, когда они с Шипуриной уселись.

Снимки она просмотрела быстро, ненадолго задержавшись на Наталье, фото которой Макс приплюсовал к остальным, не дожидаясь результатов эксгумации:

— Вот эта — из Картовских вроде бы... Картовский Олег — мой коллега, мы были знакомы. Но он уехал, а с остальными из семьи я отношений не поддерживала.

Она еще раз перетасовала фотографии:

— Остальных не знаю. А почему вы спрашиваете? Кто эти люди?

Лидочка — ах, простите, Лидия Марковна! — была собранна, агрессивна и явно чувствовала за собой преимущество своей территории.

— Где вы были одиннадцатого июня с одиннадцати до двух? А также двадцать седьмого января с шести до восьми вечера, семнадцатого ноября с двух до четырех после полудня и пятого сентября с половины восьмого до десяти вечера.

Таким инквизитора я не видела. Жесткий, холодный. Подавляющий одним равнодушным взглядом, от которого совершенно очевидно становится, что этому человеку плевать на тебя, он просто выполняет свою работу. Не человек — функция.

— Одиннадцатое, одиннадцатое... — Лидка от такого давления и от обилия дат впала в ступор. — Какой это был день недели? Дома была. А остальные — не знаю, мне нужно смотреть график смен!

— Смотрите, — безразлично разрешил Макс.

Пожалуй, мы с ней шли ноздря в ноздю: у нее тоже алиби было только на два убийства из четырех.

Но при этом у нее в анамнезе было пятно на репутации, а я свои хвосты аккуратнее прятала.

Шипурина злилась и не понимала, что происходит, Макс давил, я наблюдала со стороны и, если честно, малодушно радовалась, что мне изначально была представлена другая его ипостась.

Бог его знает, каких глупостей я бы наделала, столкнусь изначально с такой враждебностью.

— Да вы мне скажете, в конце концов, что происходит? — вспыхив, окрысилась наконец Лидка, напоминая нам всем простую истину, что, будь ведьма хоть сто раз врачом и целительницей, она все равно ведьмой и останется.

— Скажем, — прохладно согласился Макс. — Эти женщины были убиты в вашем городе за последние десять месяцев.

— И вы... — Шипурина пошла пятнами, стиснула челюсти, успокаиваясь, а потом снова попыталась вытолкнуть из глотки слова, которыми давилась, — и вы думаете... Подозреваете... что я...

Она коротко рассмеялась и подышала открытым ртом — как будто этот смешок обжег ей небо.

— Послушайте, — с усилием взяв себя в руки, заговорила она. — Да, пять лет назад я совершила ошибку. Хотела как лучше. Но я уже понесла за это наказание и больше ничего никому не должна! А вы... то, что делаете сейчас... Это... это перебор! Это уже слишком! Я не позволю так с собой, вам ясно!?

Макс смотрел так безразлично, словно перед ним не ведьма, вскочив на ноги, тряслась от ярости, с трудом удерживаясь от соблазна размазать его чистой силой, а билась муха о стекло.

— Ясно. Я бы попросил вас не распространяться о нашем визите и теме нашего разговора.

— А то что? А? А то что? Что вы мне сделаете? Опять в Азкабан ваш гребанный посадите? Знаете что! Я имею право обсуждать что угодно — с кем посчитаю нужным, и если вы не берете с меня клятву, значит, не имеете права требовать, чтобы я заткнулась! — орала Лидка, вскочив на ноги и нависнув над инквизитором. — Ну?! И что вы мне делаете?!

— Лид, ты как медик что предпочитаешь: чтобы язык отсох или чтобы руки скрючило? — вальяжно поинтересовалась я, практически слыша, как в голове со звоном падает планка.

— Чт... ш-ш...

— Ну язык — так язык! — покладисто согласилась я.

Инквизитор молчал, но выражение лица у него было настолько каменное, что я со стопроцентной точностью определила: не одобряет.

К сожалению, мне было на его одобрение плевать

Будет тут еще каждая овца на меня орать.

Вальяжно подошла к Лиде близко-близко и, глядя прямо в серые глаза, ждала ее реакции. Зрачки Шипуриной панически расширились, на лбу появилась испарина: язык — что, плевать на язык, но потерять руки для врача — это страшно.

Как ведьма она конечно куда опытнее меня, как иначе может быть, если здесь, в больнице, она погоняет свой дар в хвост и в гриву каждый день? И мое проклятие она, без сомнения, снимет.

Дня через четыре. Если я не додам.

Понаблюдав, как Лидка бьется в попытках стряхнуть мою ворожбу, постепенно осознавая, как встряла, я подвела итог:

— Пасть разевать будешь, когда научишься щиты ставить. А до тех пор: я сказала — ты услышала. Поняла?

Стиснутые зубы и сжавшиеся кулаки Шипуриной были мне ответом.

— Проклятие я сейчас сниму. Но если начнешь делать глупости — не обессудь. Как говаривала моя бабушка, «Не дури, милая! От дурости сила в землю уйти может!»

Макс, дождавшись, пока я сытой змеей отползу от бессильно злой Лидки, пошелестел бумагами, заканчивая формальности, с таким видом, будто вот-вот уйдет, и так поймал момент, когда Шипурина расслабилась, поверив, что все закончилось:

— Да, кстати, — спросил он, уже почти вставая. — Еще один вопрос. Что стало с тем пациентом? Ради которого вы хотели провести ритуал.

— Я не знаю, брат Максим, — призналась она тоном мучимого животного.

Если бы она действительно была собакой или кошкой, мне бы сейчас стало стыдно.

— Мы ему здесь помочь не смогли, и жена организовала его перевод в область. Она и так до последнего тянула, надеясь, что я...

Макс понятиливо кивнул.

— Кстати, Лидия Марковна, у вас сейчас есть пациенты, которым невозможно помочь, не прибегая к запрещенным средствам?

— Это уже второй вопрос, — Лидка огрызалась, но вяло, беззубо. — Есть, но... Я выучила урок.

— Это радует, — Макс склонил голову в едва заметном одобрительном жесте. — Но мы все же проверим.

А когда он вышел, я задержалась и спросила:

— Скажи мне, зачем ты вообще в это влезла?

— Да детей я пожалела! — эмоционально выдала Лидия Марковна. — Не хотелось их сиротам оставлять!

Забавно, но со мной она сейчас говорила куда свободнее, чем с безупречно корректным братом Максимом.

Потому что — эка невидаль, две ведьмы поцапались. Поцапались, померялись тем, что у мужиков обычно в таких случаях народной молвой сравнивается, расставили точки над «ё» — дело житейское.

А инквизитор — сила, чуждая по умолчанию и по умолчанию же враждебная.

А Шипурина между тем продолжала:

— У этого коматозника трое детей. Младшей, когда отец разбился, год был...

— Погоди, — восторженно воскликнула я. — Какими «сиротами»? У них же мать есть!

— Ага, мать! Курица безмозглая, овца курдючная! — глаза Шипуриной полыхнули волчьей злобой. — У нее трое по лавкам сидят, а эта... — Лидка запнулась, захлебываясь ядом, будучи не в силах подобрать достойное определение «этой», — только и знала, что причитать: «Не хочу, не буду без него жить!».

Она свирепо грохотнула ящиками стола, выудила откуда-то пачку сигарет и, выщелкнув одну, закурила. У ведьмы так пригорало от собственного рассказа, что я удивилась, что ей для прикуривания понадобилась зажигалка.

— Я, если честно, думала, что у нее это пройдет. Ну, мало ли, временное помутнение рассудка, чего от горя с людьми не случается? Даром что ведьма, а стресс все-таки... Да только смотрю, время идет, а она не просыпается, дети ее в жизнь не тянут, так и продолжает хрен молоть, не вспоминает, что от нее в этом мире кто-то зависит... Я для этого коматозника и так делала больше, чем могла, — так мне малых его жалко было, ты себе не представляешь! А она, как прочухала, что я за пациента зацепилась, впились в меня как клещ: «спаси» да «спаси», «что угодно сделаю», «жизнь свою отдам»... — речь ее стала медленнее, мало-помалу сошла на нет сумбурность.

На лице появилась задумчивость: сейчас Шипурина говорила не столько со мной, сколько препарировала себя-тогдашнюю:

— И меня такая злость взяла! Я подумала: а почему нет? Ритуальчик я нужный знаю, эта себя в жертву сама, добровольно предлагает... Я хвост к носу прикинула, вопросы нужные кому следует задала, и по всему получалось, что отец он неплохой. Глядишь, детям с папашей было бы лучше, чем с такой-то матерью. Сделала все чин-чином, запрос отправила, чтоб все по закону сделать. Дура! — зло цыкнула она сквозь зубы. — Надо было по-тихому все проверить и не чистоплюйничать. Ну а что дальше было — ты знаешь. Я, когда закушу удила, остановиться не могу, даже тогда, когда, по уму, и надо бы. Вот и поперла напролом через запрет...

Она еще раз порылась в столе, выудила блок ярко-розовых липких стикеров и накарябала что-то на верхнем.

— На! — она звонко приклепнула к столу с моей стороны оторванный от блока лист. — Здесь ее старый адрес и куда предположительно могли перевести мужика. А о своем решении — не жалею.

Я повертела розовую бумажку в руках.

Ну ладно, хорош ломаться, Ксюша! Ты же уже все решила. А что принципы...Так это ж твои принципы: как хочешь — так с ними и поступаешь.

Хмыкнула и, сунув листок в сумочку, сказала:

— У меня есть сотрудница. У нее проблемы со здоровьем. Суровые, мне не по силам. Она о них не знает. Надо решить вопрос так, чтобы и не узнала.

От удивления Шипурина даже оторвалась от своей сигареты и уставилась на меня.

Недавнее вправление мозгов еще держалось, и ни одну из тех мыслей по поводу моей внезапной благотворительности, что проносились в ее голове, как товарные вагоны, сцепившись хвостами в состав, она не озвучила, перескочив сразу на деловой тон:

— Что за проблемы?

— Не знаю, — раздраженно рыкнула я. — Это не мой профиль.

— Угу... Еще не знает, значит? Идеальный вариант. Вот что, раз она твоя сотрудница... Направь-ка ее на профосмотр! Во-о-от сюда, — она снова притянула к себе стикеры. — Частный медицинский центр, такие услуги там тоже оказывают. Я там имею частную практику, так что посмотрю на клиента, если понадобится несколько визитов — сама состряпаю ей нужный диагноз, исходя из своих требований к лечению. Цена. Адрес центра. Мой график приема.

Перевернув листок липкой полоской вверх, она запустила его ко мне по столу:

— Присылай свою подчиненную.

— Накладывать проклятия запрещено законом.

— Угу.

Его инквизиторское святошество изволил полоскать мне мозг. Пока в больнице свои расспросы расспрашивал, еще держался с невозмутимой физиономией, а как в машине наедине оказались — завел свою юлу.

— И использовать магическую силу в качестве инструмента запугивания — тоже запрещено.

— Ага.

Ну, ты поучи меня еще, как сестру-ведьму строить!

Ведьма — это такая стервь, которая связь с реальностью теряет очень быстро, и тут главное в нужный момент шархнуть ей по башке, в эту реальность возвращая, как гвоздь — в доску.

Нет, не обязательно пользоваться при этом грубой силой: баба Тоня, к примеру, одним движением брови таких свиристелок, как я и Шипурина, пучками к земле гнула. Ну так у бабы Тони личный авторитет был — ого-го! А я от дел сообщества самоустранилась, и из ресурсов у меня — собственная сила да семейная репутация.

Что самое главное, Макс без зазрения совести применял аналогичную методику ко мне, гвоздя как молоток, и ничего, совесть не мучила. А стоило мне разок рыку в голос поддать — и вы посмотрите, как не понравилось.

— И Орден очень не одобряет, когда им прикрываются, совершая действия сомнительной законности.

— Угу.

Я прям встрепетнула вся.

У Макса на скулах перекатились желваки.

Мы еще утром, обсуждая план действий, договорились, что в обед приедем домой и выспимся — а уже потом по делам да самого вечера, а ночью — на кладбище.

Вот он обед, вот они мы — едем.

— Ксюша, я не стану покрывать злоупотребления.

Это прозвучало... жестко.

Злоупотребления, наказания...

По коже пробежали мурашки, но вовсе не от страха. Знакомое тягучее, тянущее чувство поселилось в животе и ниже.

Макс злился все сильнее, хотя силился держать себя в руках. А я, чувствуя скрытую за внешним спокойствием злость... заводилась.

Чем спокойнее становилось его дыхание, чем сильнее сжимались пальцы на руле, тем сильнее разбирало меня животное какое-то желание. Собиралось томлением в промежности, делало чувствительной грудь, заставляя обостренно ощущать прикосновение белья. Обволакивало. Вынуждало чутко ловить его запах, и этот запах, сухой, грозовой, без примеси возбужденных чувственных нот, заполнял легкие и усиливал влечение. Рисовал непристойные картины... На-ка-за-ни-я.

Интересно, его вообще можно довести до такого состояния, чтобы он захотел наказать меня в постели?

Да, глупо. Да, слегка стыдно от собственных фантазий.

Но... ведь хочется же! Какого черта? С чего я должна стыдиться?

И, что смешно, суть его претензий, если честно, была мне абсолютно безразлична. Котик здесь на пару-тройку недель, максимум — на месяцок, а потом отбудет по месту постоянной дислокации, а я останусь жить и работать именно здесь, так что видала я его ценное мнение вместе с указаниями там, куда только проктологи и заглядывают. А вот сам гнев...

Самоконтроль. Ощущение подавляемой мощи.

Грозовой запах озона и кисловато-колющий вкус электрического разряда на языке.

Между ног требовательно, сладко потянуло.

Последние пару реплик я игнорировала не просто так. Сосредоточившись на своих ощущениях, я балансировала на тонкой нитке необходимости довести инквизиторский гнев до квартиры.

— Твое поведение в отношении Шипуриной подходит сразу под две статьи магического кодекса, и, если она подаст заявление об угрозах причинения вреда здоровью, я дам ему ход.

Не дать грозе разрядиться в машине, где ничего нельзя. И ничего и не будет.

— Ага.

— А если подобное повторится, инициирую расследование по всей форме вне зависимости от наличия заявления.

Бу-бу-бу, злой полицейский!

Возбуждение с током крови плыло по венам.

Вот он, мой дом, уже близко.

Вот он, въезд во двор, и разбитый асфальт подъездной дорожки приветственно стрелнул в днище гравием.

— Да-да, я поняла, ваше инквизиторское святейшество негодует. Именно поэтому ты молчал, когда я при тебе быстро и эффективно заткнула ей рот.

Машина ткнулась носом в поребрик и замерла. Макс, по одному отлепляя пальцы от руля, со смертоносной вежливостью отметил:

— Я не стал подрывать твой авторитет при посторонних.

Открыв дверь, я утвердила каблуки на асфальте и, оглянувшись, бросила через плечо:

— К тому же это было тебе удобно. Хотя немного лицемерно получилось.

Я собиралась уйти вперед, но инквизитор меня опередил: вышел из машины, быстрым магическим взглядом обвел все вокруг и только после этого выудил из машины меня и, заперев авто, быстро повел (чтобы не сказать «потащил») меня в подъезд.

Разлитые вокруг него чары были незнакомыми мне, орденскими, идентифицировать их не получалось, и, удерживаясь на гребне несущих меня гормонов, я развернула свою защиту.

В подъезде пусто, слава всем святым, лифт работает. Домой. Быстрее домой!

Услышав, как за моей спиной щелкнул, закрывшись, замок, я перебила Макса, не дослушав очередной фразы:

— Знаешь, я решила, что мне, недостойной, нечего делать рядом со столь высокоморальным слугой закона. Что-то мне инквизиции помогать разонравилось. Опять же, опасно тут у вас... — и, с наслаждением глядя в светлые от бешенства глаза, залепила: — Поеду-ка я, пожалуй, куда-нибудь отдохнуть!

Чуть качнулась вперед, оказавшись к нему так близко, что моя грудь почти коснулась инквизиторской. Не прикосновение, но его предчувствие. Заботливо поправила воротник белой рубашки.

И доверительно сообщила:

— Лет семь в отпуске не была...

Отвернулась, наклонилась, аккуратно сняла один туфель (заботливо стараясь, чтобы кое у кого был выгодный ракурс обзора). Потом другой туфель. Пристроила пару на обувную полку.

И ушла в гостиную, вызываяще покачивая тем, что в романтических книгах именуется бедрами, но по факту ими не является.

Макс, зашедший вслед за мной, являл воплощенное спокойствие и профессионализм, только вот меня от этого «спокойствия» уже потряхивало, и в голове что-то, отдаленно похожее на здравый смысл, отчаянно вопило: «Карау-у-ул! Спасите-помогите!»

Сейчас убьет. Господи боже мой, точно убьет!

Ужас мешался с возбуждением, от столь ядреной смеси гормонов руки покрылись гусиной кожей.

Я зашла в спальню, хлопнув дверью, и она от избыточного удара распахнулась, «случайно» показав Макс, как улетела в сторону моя блузка, рассыпались по спине кудри, а я завела руки за спину, расстегивая юбку.

Готовься, милый.

Стаскивать ее я буду до-о-олго!

Отчетливо представляя, как оставшийся в гостинной Макс сейчас прикипел ко мне взглядом, я неторопливо потянула вниз бегунок молнии.

— Перекинь на меня парней, с которыми договорилась на сегодняшнюю ночь, — голос, слегка охрипший, но тем не менее властно отдавший команду, оказался куда ближе, чем я ожидала, и по обнаженным плечам побежала новая порция мурашек.

Лениво обернулась к нему одним глазом, окинула уничижительным взглядом, холодея от ощущения собирающейся высоко в горах каменной лавины, и, обмирая от ассоциаций и предчувствий, смакуя их, столкнула последний камешек, удерживающий весь камнепад:

— Да пошел ты! — пренебрежительно растягивая слова, хамски, с оттягом.

И отвернулась.

— Стерва жопастая! — словно даже удивляясь своему открытию, припечатал меня в спину Макс.

А в следующий миг он оказался близко-близко, вплотную, и цепкая пятерня ухватила меня за волосы, оттягивая голову, а Макс впился в мой рот.

Ровно три секунды. Я как по секундомеру ощутила то время, что было дано мне для предъявления протеста, а потом за меня взялись уже без шуток.

Юбка, на которую у меня были такие большие планы, была содрана с меня молниеносно.

Мужские пальцы жестко впились в мои ягодицы, и меня грубо притиснули к мужскому телу. Выгнутая дугой, я прижималась лобком к его ширинке, чувствовала, как в живот врезается пряжка ремня, и теряла разум.

Желание было темным, обжигающим, животным — и остатки самоконтроля растворялись им, как соляной кислотой.

— Что ты себе позволя... — понимая, что роль нужно отыгрывать до конца, попыталась я надменно вздернуть бровь.

Но те три секунды, что были предоставлены мне покачать права, улетели без следа.

И в ответ на демонстрацию возмущения он просто развернул меня и толкнул на кровать. Без намека на осторожность, без малейшей деликатности.

Охнув, я едва успела подставить руки и принять на них свой вес, а Макс уже навалился сверху.

Спустил с меня трусики и снова притиснул мою задницу к паху, а когда я попыталась шевельнуться, наглая пятерня ухватила меня за волосы и потянула — заставив выгнуться дугой.

Этот миг — напряжение в изогнутом коромыслом позвоночнике, ягодицы, прижатые к ткани его брюк, и твердая плоть под этой тканью, тянущий захват в волосах — врезался в мое сознание смесью болезненно-сладких ощущений, терпких, порочных, и спустил с поводка все, что таилось до поры до времени в темных его углах.

Я застонала-заскулила, забыв, что белый день и неприлично, и покрутила задом — сходя с ума от того, как перекачивается под тканью налитый член.

Ме-е-едленно, преодолевая запрет натянутых волос, наклонилась вперед. Прижалась грудью к кровати.

Сходи с ума со мной, инквизитор.

Позади сдавленно зарычали.

Щелкнула пряжка ремня, и торопливый шорох одежды прошелся по моим нервам электрическим разрядом.

Знакомо треснула фольга.

Он что, презервативы в кармане таскает?

Так кто тут кого развел на потрахаться?!

А в следующий момент мне стало не до глупых вопросов. Макс пальцами развел складки половых губ и убедился, что я готова (чертов ты ублюдок, я давно готова, не смей тянуть!).

Головка мазнула по входу, и член вошел глубоко, до упора, одним толчком.

Да-а-а!

Толчок, толчок, толчок.

Каждый — как удар наотмашь. Шлепки его бедер об мои ягодицы. Отдача ударов, раскачивающая меня. Руки, удерживающие и по-хозяйски натягивающие на член.

Грубо, резко, восхитительно.

Я впилась зубами в кулак, чтобы не орать, но темный восторг рвался из меня стонами и всхлипами.

Лифчик содран, и, чтобы снять его, меня попросту дернули за волосы — потом Макс навалился мне на спину. Укусы-поцелуи осыпали плечи и шею, а руки мяти и тиранили мою грудь. Щипали соски, перекачивали их в пальцах.

Движения из глубоких стали быстрыми.

Толчок-толчок-толчок!

Я прижалась спиной к его груди, всеми силами подмахивая ему, уже чувствуя, как за этими мелкими поверхностными ударами расцветает мой оргазм...

И эта сволочь снова сменила позу!

Просто толкнул меня в спину, и я впечаталась в постель всей одурманенной собой, а член, твердый, горячий, восхитительный член выскользнул и оборвал начинающееся чудо!

Но раньше, чем я успела убить этого сукина сына, он ухватил меня за тазовые косточки, вернул в коленно-локтевую позу и вогнал в меня упоительный член до упора.

Толчок, толчок, толчок.

Потные, влажные тела бесстыдно и нахально толкаются друг в друга.

И его рука, скользя к животу, невесомо ласкает клитор, прошивая меня удовольствием.

Хриплые вскрики — мои. Хриплое дыхание — его.

Зарождающаяся тугая волна оргазма — общая для обоих.

Она идет неумолимо и мощно, ослепительной тьмой, рассыпая звезды и спазмы, и, кажется, Макса, втиснувшего обмякшую меня в себя, трясет.

Ж... жизненным опытом чую.

Я умру. Я точно умру!

Я старая больная (ленивая!) женщина, я от таких нагрузок на отдельные кости раскачусь!

Не-не-не, больше никаких безумств!..

Я быстрым взглядом окинула лежащего пластом лицом в койку инквизитора.

...сегодня.

— Ксюша, давай на будущее без таких игр, — попросил Макс, вернувшись из душа.

— Ой, да ладно тебе! — отмахнулась я, раскинувшись на кровати и прислушивалась к своим ощущениям. — Отлично же получилось!

Ощущения говорили, что меня прокрутили в бетономешалке.

— Без игр вокруг работы, — внес поправку Макс, дрогнув углами губ.

— Зануда. Только о работе и думаешь! — прокурорским тоном пробормотала я, одновременно сладко потягиваясь.

На сон нам оставалось не больше часа.

А кое-кому еще нужно собраться с силами для гигиенических процедур...

Ощущая, как в теле плачется об усталости каждая жилка, я перекатилась на кровати и встала-таки на ноги.

Вперед, мать! Подвиг ждет! И ванная.

Стоя под душем и мурлыкая себе под нос незатейливый мотивчик, я размышляла на очень важную тему: как быть, если инквизитор сейчас захочет жрать?

Потому что кое-кто (не будем тыкать пальцами в Ксюшу, в нее сегодня уже вдоволь натыкали!) забыл заказать еду, а возможность откупиться от ужина сексом я уже безнадежно (но как восхитительно!) профукала.

Глава 8

Максим

«Если женщина хочет — терпи, но дай». Эта народная мудрость пришла мне в голову к тому моменту, когда уже и «вытерпел», и «дал».

Еще с утра было понятно, что либо я выплюсь, либо начну портачить в работе: ослабленное внимание и падение концентрации не слишком способствуют успеху исследований.

Но какое ж тут выспаться, когда Ксения Егоровна изволят нестись без руля и без ветрил?

А ведь расслабился уже почти, решил, что приноровился к характеру и понял, как с ней работать... А тут гляди ж ты — р-р-раз, и ее в другую сторону перекосило!

В общем, вопрос стоял так: либо я ее трахну, либо шею сверну.

А ведь реально склонялся к тому, чтобы свернуть. По крайней мере, с точки зрения закона.

Больше всего злят ситуации, когда тебе мешают выполнять твою работу не потому, что имеется какой-то конфликт интересов, и не потому, что твоя работа чем-то угрожает мешающему, — а просто для того, чтобы доколоться до тебя, расковырять твою броню и достать до мяса.

А на твою работу — важную, нужную! — на спасение чьих-то жизней и восстановление справедливости этому человеку наплевать.

Сейчас, после адреналинового секса, эта злость уже поутихла, но когда мы поднимались в квартиру — гнев клокотал вровень с краями.

Гнев, замешанный на разочаровании в женщине, с которой делишь постель.

Стоя под душем, я ухмыльнулся: вот же бесячая баба!

...но могла бы и просто сказать!

Уж кому-кому, а Ксюше стыдливость бы не помешала озвучить свои фантазии.

Хотя...

Я вспомнил накал, качели, которые протащили меня от бешенства до эйфории разрядки: пожалуй, да. Это было бы уже не то.

Я вышел из ванной и упал на кровать. Сил не было от слова «совсем», и я успел еще договориться со Свердловой не устраивать сексуальные пляски вокруг рабочих вопросов и провалился в сон.

В первый момент я не понял, что меня разбудило, но дернулся всем телом: проспал!

В комнате царили сумерки, а в приоткрытое на проветривание окно сочилась не южная жара, а вечерняя прохлада, и я, мысленно грязно ругаясь, торопливо выбрался из-под нежно-зеленой простыни.

Ну, поработал! Съездил! Опросил!

Точно помню, что устанавливал будильник на два часа дня. Видимо, отключил его, не просыпаясь.

Посмотрел на время — десятый час. Ничего ж себе, меня развезло...

Так, все — больше никакого секса в ущерб работе.

Желудок жалобно заурчал, и чутья коснулся умопомрачительный запах.

Понятно теперь, что именно меня разбудило.

Голод, убедившись, что его наконец заметили, скрутил желудок спазмом.

Натянув джинсы, я отправился к источнику божественных ароматов, то есть — на кухню.

А там...

А там была она.

Божественная. Прекрасная. Заставляющая сердце биться чаще.

Еда!

Ведьма, как раз вынимающая мясо из духовки, тоже была там.

Фартук поверх футболки, едва прикрывающей шикарную задницу, кухонные рукавицы, босые ноги...

Когда она оглянулась, вслух шутить насчет места женщины я не стал (горячий противень на голову — это не только больно, но и что потом есть?), но ухмылкой и взглядом дал понять все, что думаю об открывшейся картине.

Она сделала вид, что не заметила, но — хе-хе! — заметила!

Окинул взглядом фронт работ. Так-с, с чем тут требуется помощь?

Овощи уже порезаны в салат, осталось заправить, а вот что у нас булькает на плите?

Выключил-закрыв пышущую жаром духовку, сдвинул крышку с тематической кастрюли, на боку которой исходил паром котел с зеленым варевом... О, картошка!

Потыкал вилкой — готова.

Где-то здесь я видел толкушку...

Стоя рядом, мы занимались каждый своим делом: я старался не ляпнуть себе «картофельный компресс» на голый торс, потому что фартук у Свердловой был только один и его уже украшала собой хозяйка, а Ксения мешала салат, мурлыкая себе под нос величайший хит всех времен и народов:

— «Я готовила еду — с лебедой череду,

Ты давился и рыдал — мал-помалу привыкал».

Идиллию нарушил дверной звонок.

— Сама не открывай, — одернул я ведьму, которая уже было направилась к входным дверям.

Скользнул к своим вещам, надел футболку. Активировал артефакты. Ощутил, как кончики пальцев закололо заемной силой. Все, можно и взглянуть.

За дверью стояла смутно знакомая старушка в седых кудельках и, решительно поджав губы, целеустремленно давила звонок.

Что могло понадобиться почтенной пенсионерке у соседки в половину десятого вечера?

Есть у меня предположение...

От тоскливого предчувствия заныли зубы.

На всякий случай убедившись, что гостя за дверью одна, я жестом пригласил Ксению взглянуть в глазок... Судя по тому, как ее перекосило по диагонали всем лицом, у нее тоже были догадки о целях визита.

Что, в общем-то, неудивительно — если учитывать, какой кошачий концерт мы устроили днем.

Обреченно щелкнув замками, крапивинская Хозяйка открыла дверь:

— Добрый вечер, Анна Гавриловна.

— Здравствуй, Ксения.

Пожилая дама, окинув Ксюшу прокурорским взглядом с головы до ног, сурово отчеканила:

— Ты опять не сдала деньги на уборку подъезда!

— Сейчас! — Свердловва с облегчением закрыла дверь перед соседкой, которая тут же принялась терзать звонок снова.

Я не удержался от расслабленного смеха.

Вернувшаяся Ксюша снова открыла дверь:

— Сколько там? — уточнила она, роясь в кошельке.

И беспрекословно отсчитала нужную сумму.

— Что, и даже без скандала? — вздернула выщипанную ниточкой бровь Анна Гавриловна, убирая в карман деньги. — Я приятно удивлена. Твой гость идет тебе на пользу, Ксюша!

Крапивинское кладбище встретило закрытыми воротами. Что логично — полночь же. Проехав мимо главного входа, я еще некоторое время под руководством штурмана (за штурмана выступала ведьма, как человек опытный, бывалый, а также обладающий массой иных достоинств) искал боковую калитку, у которой нас должны были ждать люди Свердловой.

А стоило остановиться — и в приоткрытое окно автомобиля ворвался писк, стрекот и даже птичье пение. Ну, положим, комаров и кузнечиков я опознал, а что это за сумасшедшая птаха перепутала день с ночью?

Ведьма на мой вопрос закатила глаза так, что это было понятно даже в неосвещенном салоне, по голосу:

— Это соловей, темнота!

Хмыкнув, прислушался — ну... если честно, то хрен его знает, за что эту пичугу прославили в веках как символ сладкогоголосья...

Поисковые импульсы, вернувшись, ткнулись в орденский медальон, сообщив, что ничего подозрительного, кроме двух одаренных мужчин, скрытых темными тушами кустов, не обнаружили.

— Звони своим поделщикам.

И Ксения без споров достала телефон.

Мелодия вызова ожидаемо прозвучала за зарослями сирени, пара фраз — и вскоре мы уже познакомились.

— Илья, — мрачно представился один, пожав мою руку.

— Сергей, — буркнул второй.

— Брат Максим.

Как ни странно, но после этого оба мужика явно приободрились. Видимо, отказать Свердловой им духу не хватило, но знать, что раскапывать могилу они будут под покровительством инквизиции, было облегчением.

Темнота вокруг стала прозрачной под влиянием «кошачьего глаза», зашитого в один из рабочих артефактов, копальщики, судя по всему, позаботились о подобном заранее — потому что к нам подошли, не спотыкаясь в потемках. А судя по красноватым отблескам в зрачках, использовали они что-то из зелий. От Ксении потянуло силой, фон вокруг нее задрожал и выровнялся.

Мужики отошли к своей машине и вернулись с парой лопат и гвоздодером.

Все вопросительно уставились на меня.

Н-да.

Ну, что ж, кажется, пора приступать.

Сторожевая сеть разбежалась вдаль широким кругом — не хватало еще наткнуться на охрану.

Номер участка и захоронения у меня был, но искать его ночью и в незнакомом месте — удовольствие ниже среднего. Но справились — и теперь стояли и смотрели с Ксенией, как быстро и деловито подручные Свердловой готовят место для работы.

Картовскую похоронили как неопознанную покойницу — поэтому ей не досталось ни креста, ни надгробия. Одна только табличка с номером. По этому номеру нужное захоронение я и нашел.

Ксения выглядела растерянной: ей, не сталкивавшейся раньше с практикой «безымянных» захоронений, дико было видеть сиротливые холмики. Я только невесело усмехнулся. По роду деятельности мне иметь дело приходилось со всяким. А рассказывать Свердловой, какие порой в

этой сфере встречаются бездны, не было никакого желания. Она и так женщина беспокойная, а после таких рассказов может запросто и весь город проклясть. С нее станется.

Лопаты бодро вгрызались в слежавшуюся за семь с лишним месяцев землю: подручные Ксюшины оказались парнями крепкими да и работали споро, не имея желания растягивать сомнительное удовольствие. Ксения демонстративно стояла у них над душой, давая понять, что расслабиться не даст, и делая вид, что предстоящие действия нисколько не тревожат.

А я... я испытывал смутное беспокойство.

Вот только никак не мог вычленить его причину — и от того раз за разом сканировал окружающее пространство, каждый раз с досадой признавая, что крапивинское кладбище на редкость приличное, прямо образцово-показательное.

Но царапающее чувство не исчезало, и я снова запускал сканер.

Свербящее чувство отступило только тогда, когда лопата одного из недобровольных помощников гулко стукнулась внутри ямы о древесину.

— Гвоздодер подай, — попросил, высунувшись над поверхностью земли, то ли Илья, то ли Сергей, осторожно покосившись на стоящую рядом Ксению.

Она только фыркнула, и то ли Сергей, то ли Илья, приняв от меня инструмент, скрылся в могиле.

В самом начале «раскопок» парни имели неосторожность намекнуть мне о помощи — и это услышала Свердловка. И, хотя я не имел ничего против, да и в принципе изначально собирался участвовать, Ксения Егоровна без слов, одним выразительным поворотом головы в сторону говорившего, сумела выразить такое глубокое неодобрение по этому вопросу, что при виде лопаты, которую я достал из багажника, наперебой кинулись меня уговаривать:

— Да не надо, брат Максим!

— Да ну, в натуре, мужик, что мы, сами не справимся!?

Чувствовалось в этой сцене глубокое понимание характера и сути крапивинской Хозяйки.

В могиле стукнуло, слабо скрипнули гвозди.

Один из мужиков негромко ругнулся:

— Даже заколотить нормально поленились, халтурщики, мать их!

А потом один бодро выскочил из ямы и принял крышку гроба, чтобы устроить ее тут же, на куче рыхлой земли.

А затем могилу покинул и второй из напарников, и оба вопросительно уставились на меня.

Я вынул из кармана одноразовые хирургические перчатки, поправил сумку с подготовленными инструментами на плече. Кивнул Ксении:

— Присматривай.

И спустился в разверстый зев, чувствуя, как веером раскрываются ведьмовские заклинания.

Характерный сладковатый запах разложения пахнул навстречу.

Седьмой месяц разложения, дешевый государственный гроб — и я порадовался, что «кошачье зрение» милосердно оберегает меня от всех подробностей, но и того, что я различил, хватило. Вынул из сумки пинцет и пакет с герметичной защелкой, отделил от общей массы клочок волос, запечатал, убрал в сумку.

Безымянные захоронения — такое дело... Тела, не востребованные родственниками, погребают за свой счет муниципальные службы. И не всегда это выполняется как должно. Известны... случаи. Путаница, халатность.

Так что эти волосы я потом сравню с биологическими образцами из квартиры Картовской. Просто для подстраховки.

Ну а теперь, собственно, то, ради чего «все мы здесь сегодня собрались». Длинная нить артефакта-детектора похожа на бусы — но только похожа. У каждой «бусины», нанизанной на стальную струну, узкое предназначение и тонкая настройка друг на друга и на владельца.

Его использование чудовищно энергозатратно, но семь с лишним месяцев — не тот срок, через который можно найти следы применения артефакта голыми руками.

Намотав стальную нить основы на кулаки, я утвердился поудобнее, прикинул, на что буду опираться, если что, и растянул детектор над телом поперек, а затем повел им, как сканером, от макушки вниз, куда смог.

Получилось удачно — дотянул до таза.

Развернулся и повторил процедуру от ступней, внимательно «вслушиваясь» (хотя вернее было бы говорить — «вчувствуясь») в показания прибора.

Закончил.

Для чистоты эксперимента (и полноты отчета) повторил процедуру дважды.

Свернул артефакт и убрал его в сумку.

Все, пожалуй. Можно подниматься.

Зацепился за края ямы и подтянулся.

— Да помогите же ему выбраться, остолопы!

От экспрессивного шипения Свердловой Илья и Сергей рванулись мне на помощь, а я сам чуть не свалился вниз от неожиданности.

Ну спасибо за помощь, блин!

— Наш клиент, — сообщил я напарнице самое главное, пропустив все, что имел сказать не по делу, а от души.

И скомандовал «двоим из ларца»:

— Закапывайте. Сами, как было, сделаете, или подстраховать?

Заверив меня, что справятся, парни принялись за дело. Один аккуратно спустился вниз, второй подал ему крышку гроба... Пахнуло магией, я прислушался и успокоился: они, не филоны и не халтурничая, делали все «как было».

Выдохнув по этому поводу, я уточнил у Ксении:

— Как у вас тут?

— Порядок, — дернула плечом она. — Все чисто.

«Вот оно!» — щелкнуло у меня в голове.

Я понял, что беспокоило меня с самого начала, что зудело и не давало покоя с момента прихода на кладбище: порядок!

Все чисто!

И именно эта противоестественная чистота не давала мне покоя. Для кладбищенского фона характерно повышенное содержание полуоформленных (или даже оформленных) магических проявлений; эманаций сильных эмоциональных выплесков, как правило, негативных, но случается и наоборот, и следы положительных эмоций воспринимаются редкими светлыми мазками; остаточные проявления проводимых на кладбищах ритуалов разного толка — все то, что, переплетаясь и завихряясь, образует специфический рисунок каждого отдельного кладбища.

Здесь же... все вычищено и причесано.

Крапивинское кладбище, которое я изначально счел очень приличным, просто имело все признаки зачистки.

— Так, парни, вы тут доделываете, а мы прогуляемся, — скомандовал я, стаскивая и убирая в сумку использованные перчатки. — Ксюша!

— К ноге! — съязвила Свердловка и действительно прижалась округлым бедром к моей ноге, являя миру чудеса дрессировки и послушания.

Раздраженно цыкнув на неуместные взбрыки, подхватил спутницу под руку и повел по ближайшей дорожке, сканируя пространство все шире и шире — и наблюдая все ту же противоестественную

картину.

Очень хотелось спросить: что за нахрен среди ночи? В этом городе что-нибудь нормально бывает?

Слабо надеясь, что всему этому найдется законное объяснение, уточнил:

— Ксюш, у вас в последнее время не было каких-то происшествий на кладбище? Или, может быть, сообщество мероприятие какое-то здесь готовится проводить?..

Причина моих вопросов дошла до нее быстро — ведьма зыркнула на меня, напряглась и по-новому оценила полученные от сканирования данные.

Цензурными в этой оценке были только вдохи.

Собственно, на мой вопрос ее реакция давала однозначный ответ.

Испорченное настроение ведьмы почему-то улучшило мое собственное до того, что я не удержался от колкости:

— Ксюша, ну ты же девочка!

Доставшийся мне взгляд мог проткнуть насквозь, под ним мне следовало бы рассыпаться пеплом — но я не мог, работу надо было работать.

Усадив ведьму на ограду, я дал ей ЦУ:

— Сиди здесь, смотри по сторонам!

А сам попытался определить, что именно здесь пытались скрыть.

Подошедшие Илья и Сергей фонили любопытством, но не вмешивались. Свердлова переживала на оградке, но пока дисциплинированно сидела — хотя весь мой опыт утверждал, что надолго ее не хватит.

А я один за одним использовал приемы из инквизиторского арсенала — без грома, молний и прочих внешних эффектов, но зато максимально эффективные.

И чем дольше работал, тем больше убеждался: тот, кто проводил зачистку, опасался именно нас, Ордена. И отлично замел следы.

На руку ему играла и изрядная территория кладбища, и то, что я не знал толком, что ищу...

Стиснув зубы, я в очередной раз прервал поиск.

Придется вызывать подкрепление, и пусть отцы и братья тут все как следует прочешут. Бросать это так нельзя.

— Ты все? — деловито уточнила Свердлова, отметив, что я убрал в сумку инструменты. — Нашел что-нибудь?

Я успел только отрицательно качнуть головой, а она молча шагнула вперед, раскинула руки, и по кладбищу потекла дымка молочного тумана, заметная даже обычным зрением — и отливающая жемчужным сиянием в магическом.

Спросить разрешения на работу на месте преступления Ксения, естественно, и не подумала.

Я бы удивился, случись наоборот!

Туман вернулся ни с чем, чего и следовало ожидать: работали здесь явно не дилетанты. А вот ведьма начала злиться.

Крутнулась на пятке вокруг своей оси, шепча что-то невнятное, сделала жест, будто плеснула жидкостью из ладони, — и уставилась стеклянным взглядом в никуда.

А когда и это не помогло, жестко и хлестко скомандовала:

— В круг!

Двое из ларца подчинились беспрекословно.

Шагнули к ней, не дав отзвучать короткому приказу.

Свердлова нетерпеливо дернула меня за руку, побуждая встать в центр круга, и, когда я

подчинился, приготовившись на всякий случай защищаться, если вдруг что, — ухватила за руки своих подчиненных.

Снова шепот — напористый и властный, и меня распирает наползающей чужой силой, от нее ломит зубы и давит в свод черепа...

А потом мир изменился, и я стал единым целым с Ксенией.

А она была здешней землей — упругими пластами дерна, и крепкими корнями растений, сплетающимися между собой, черноземом, и песком, и камнями.

Земля знала все, что с ней делали. Земля помнила все. Ее не интересовали люди и их глупые дела — но она могла рассказать.

Я ощущал Ксению, удерживающую и направляющую единение. В меньшей мере ощущал Сергея и Илью — их силы в ритуал ушло не много, они выступали скорее опорой, точками равновесия. И я полностью ощущал эту землю.

Так себе удовольствие.

Ксюша напряглась, «задавая вопрос» нашей «свидетельнице» и усилием воли удерживая концентрацию на ответе, — и земля кладбища перед нашим общим мысленным взором расцветилась загорающимися и гаснущими метками ритуалов.

Вот отмерзал след проведенной сегодня эксгумации. Вот волной прошел обряд магической зачистки, затопив землю в границах кладбищенской ограды от края до края. А потом... Искры вспыхивали и исчезали — оставаясь выжженными в моей памяти. Все будет нужно досконально проверить и исследовать, но на первое время понимание, что и где искать, очень облегчит задачу.

Я вглядывался и вглядывался в открывшуюся картину, чтобы надежнее утвердить ее в памяти, — и потому не сразу заметил, как сбоку от меня подкосилось и упало на траву тело.

— Сережа, скажи мне, ты дурак? Мы еще когда договорились: если мне нужно, чтобы вы впряглись силой в ритуал, я предупреждаю об этом отдельно! При нашей с вами разнице в потенциалах я твою силу замечу, только если ты вскроешься в процессе!

Свердлова пилила подручного, попутно приводя его в чувство. Он явно предпочел бы упасть в обморок и переждать выколупывание мозга без сознания, но кто ж его спрашивал.

Я в воспитание не вмешивался: разложив на ближайшем поминальном столике план кладбища, я скрупулезно переносил на бумагу то, что увидел. Проведенный Свердловой ритуал не давал особого представления о характере совершенных магических действий, но один признак отслеживался четко: имелось ли при проведении ритуала «нарушение целостности почвы». Так вот — судя по всему, в двух третях случаев вскрывалась могила. И это уже не шутки. Это уже и близко не легальные-полулегальные обряды, проводимые на кладбище, — все, что касается человеческих останков, это однозначно серый, а то и черный список.

Что здесь творится вообще?

Мои размышления прервал зуд телефона в виброрежиме.

Илья, который счастливо избежал головомойки и держался поближе ко мне (по принципу «подальше от Свердловой»), сделал шаг в сторону и, выудив мобильник, прижал его к уху:

— Да, любимая!

Говорить негромко, но притом не шепотом — это большое искусство, и этот Ксюшин подчиненный владел им виртуозно: его голос звучал проникновенно, а не «я влез в чужую хату, не могу говорить, а то повяжут».

— Нет, у нас все в порядке. Мы уже закончили, сейчас минутка занимательной проктологии закончится, и сворачиваемся.

Я невольно прислушался к чужому разговору. Собеседница Ильи, видимо, тоже заинтересовалась чудесным определением, потому что Илья пояснил ей, а заодно, так уж вышло, и мне:

— Да Ксюня из Сереги рыцаря выковыривает.

Какого?..

— Того, который у него в заднице взыграл! — приглушенно хохотнул Илья в трубку и тут же перешел на серьезный тон. — Нет-нет, милая, с Серым тоже все в порядке! Да у нас сегодня вообще увеселительная прогулка: Ксюня какому-то хлыщу из инквизиции экскурсию устраивала. Ну что ты, родная, ну какой боевик? Исследователь какой-то, из умников. Мы его по кладбищу поводили, пару простеньких обрядов показали, так ему, представляешь, чуть дурно не стало... Ну, кабинетный работник, что с него взять! — убедительно вещал в трубку Илья, а я ухмылялся все шире.

Это вранье знакомо каждому оперативнику, сам сколько раз убедительно заливал очередной подружке: «Я сегодня не приеду, бумажной работы скопилось выше крыши!» от создателей «Ну какая опасность, милая, я ж на работе ничего тяжелее ручки не поднимаю!».

— Да-да, ты права, теоретик, — тем временем подтвердил догадку своей половиной ушлый Илья и хохотнул: — Не, ну практикой с ним, похоже, Ксюня занимается! Да, родная. Хорошо, скоро буду. Кстати, ты про кладбище ничего интересного не знаешь? Про новое, Красницкое. Нет? Ты по старому больше? А кто по новому ориентируется, не подскажешь? Никто?.. Нет-нет, искать не надо, это я выслужиться перед начальством хотел — ну да не судьба, значит... Не волнуйся, милая, ложись спать. Да, скоро буду.

Он убрал телефон и, повернувшись, пояснил мне извиняющимся тоном:

— Жена. Волнуется!

Я только усмехнулся и покачал головой: ну надо же, мне стало дурно от пары обрядов! Хорошо хоть не напел, что меня в кустах вывернуло, с этого сталось бы!

— Чутье у твоей жены! — уважительно отметил я.

— Угу. Любит. Переживает. Хотя бывает, что не всегда это и удобно... Но вот что характерно: моя Танька со всеми более-менее постоянными практиками в городе общается. И говорит, что не припомнит, чтобы кто-то на регулярной основе здесь работал... Может, пусть все-таки аккуратно порасспросит своих?..

Я покачал головой: не надо. Не хватало еще гражданское лицо в расследование впутывать. И преступника спугнет, и сама подставится...

Но картина вырисовывалась все интереснее.

Летом светлеет рано, а мы еще и провозились часов до пяти, по горячим следам переноса на карту метки из обряда, — поэтому домой ехали облитые утренним солнцем, которое вовсю намекало, что уж сегодня оно нам задаст. Благо сторож так и не осчастливил нас визитом — кому нужны ряды безликих табличек, где нечего украсть, а значит, нечего и сторожить? Отвести ему глаза, конечно, не составило бы труда, но этого не потребовалось.

— «Ксюня»? — многозначительно поинтересовался я у Свердловой, когда мы загрузились в машину и тронулись с места.

— Иди к черту, — светски отозвалась Свердловка.

— Нет, ну серьезно! Ксюня?!

— Соколов, — с великолепным презрением, написанным на лице, повернулась ко мне Ксения. — Они — друзья детства. Им — можно. А ты еще раз меня так назовешь — и язык отнимется!

Судя по слабому колыханию силы, Свердловка была вполне готова перейти от слов к делу, и, чтобы не пришлось потом ее сажать в тюрьму, тему я закрыл.

Но гнусную ухмылку с лица не стер.

На кладбище я с трудом подавил мстительный порыв среди ночи связаться с отцом Власием, вывалить ему на голову добытую информацию тоном «Я же говорил!» и получить-таки наконец свое подкрепление, а теперь мысленно составлял доклад таким образом, чтобы это «Я же говорил!» там чувствовалось, но так, будто это не я сказал, а оно начальству мерещится.

От непростой задачи меня отвлекла Ксения, неожиданно скомандовав:

— Вот здесь остановись!

Я послушно приткнул машину возле торгового центра, похоже, круглосуточного, и только потом поинтересовался:

— Зачем?

Ксюша взглянула на меня, как на убогого:

— Максим, у меня стресс! Я этой ночью могилу вскрывала, а вечером вообще — готовила! Мне необходимо успокоительное.

Я понимающе ухмыльнулся — и ошибся. Потому что пошли мы не к торговому центру, а к стихийному фермерскому рынку, спозаранку собравшемуся рядом с ТЦ.

Выяснилось, что успокоительное Свердлова предпочитает не в бутылках, а в берестяных лукошках, расфасованное по два килограмма и одуряюще пахнущее клубникой на весь салон.

Кстати, отличное было мясо по-французски!

Глава 9

Ксения

Иногда бывают дни, когда женщине надо бу-бу-бу.

Чаще всего они совпадают с месячными, но бывают и выдающиеся случаи.

У меня, к примеру, выдался сегодня.

И основная сложность совместного существования с кем-то в общем пространстве заключается в том, что, когда тебе надо бу-бу-бу, ему может быть нужно совершенно иного. Общаться, к примеру. Или секса. Или жрать.

Большая часть отношений (по крайней мере, у меня) разваливается именно из-за того, что в тот момент, когда один из партнеров остро нуждается в одиночестве, второй не понимает намеков и ломится в личное пространство.

Нарычав на Макса, который предложил мне помощь, я тщательно разделила ягоды пополам в две тарелки. Получилось ровно. Критически изучив получившийся натюрморт, я отобрала несколько ягод у Макса и переложила себе: нечего! Он в мой город такую гадость притащил, заслужил!

После этого тщательно прополоскала свой килограмм и ушла в спальню. Дверь, демонстративно хлопнувшая и не открывшаяся, недвусмысленно намекнула: не влезай, убьет!

Нужно было залезть в сеть проверить почту, обработать заказы, просмотреть отзывы и комментарии и облизать клиентов и случайных мимопроходилов...

Я сидела в постели и ничего не делала. На ногах у меня стоял поднос, а на нем — две миски. Полная, с клубникой, и пустая, для ягодных хвостиков.

Ксюня... Ксюня!

А я, может, и не против!

Вот только... вот только уедет кое-кто в свои столицы.

А катись оно все покато! Пробьемся.

Я медленно растирала по небу очередную ягоду и смотрела в окно, где всю неистовствовало утро.

Медитативное занятие.

Когда минут через двадцать Макс нарушил мое одиночество осторожным стуком, я свирепо рывкнула:

— Что надо?!

Вместо ответа он приоткрыл дверь и, не входя, бросил в меня мороженым.

Дверь снова закрылась. Холодный, в капельках конденсата брикет эскимо на палочке остался лежать на постели рядом со мной.

Так как вставать за ложкой и тарелкой было откровенно лень, пришлось использовать то, что есть. Вытряхнув плодоножки на поднос, я протерла освободившуюся миску и переложила в нее мороженое. За ложечку сойдет палочка от эскимо.

Кажется, жизнь налаживается. Потому что, макая клубничину в мороженое, смотреть в окно куда приятнее.

Чуть позже, когда мороженое и хандра закончились, а клубника еще нет, я приняла героическое решение выползти к людям.

Людь на кухне творил какое-то колдунство: булькали на плите кастрюлька и сотейник, в раковине в дуршлаге стекали вымытые овощи, а на обеденном столе скромно приткнулся в углу инквизиторский ноутбук — здоровая серебристая зверюга.

Сам великий колдун с сосредоточенным видом пробовал варево из кастрюльки на соль, перец и лавровый лист — по крайней мере, эти специи выстроились ровным рядом, как на парад, у него под рукой.

Сгрузив поднос на разделочный стол и трепетно прижав к боку миску с недоеденной клубникой, я

последовательно сунула нос везде: в огурцы и редис в мойке, картофель на плите...

— Окрошка, что ли?

— Угу.

— Это ты зря, — с бывалым видом предрекла я. — Мы из-за рецепта передеремся!

— Я тебе уступлю, — ухмыльнулся Макс.

— Нет уж, дорогой, я уже настроилась!

И, на пару оборжав бородатый анекдот, мы вполне мирно поделили работу: Максудостался редис, а я, бдительно отодвинув подальше от инквизитора клубнику, крошила огурцы.

— Я написал в Орден. Отправил подробный отчет и запросил помощь. Пока нет ясности, связаны события на кладбище с нашими убийствами или нет, веду дело я, а там видно будет. Но обещали прислать специалистов в качестве подкрепления.

— А там, глядишь, ты раскроешь дело, и выйдет прекрасная экономия ресурсов, — ехидно поддакнула я.

— Этот расклад близок к идеальному, — благосклонно согласился Соколов.

А я только в этот момент заметила, что он режет отварную грудинку. Грудинку! На окрошку!

— Фу, Макс! Окрошка должна быть только с колбасой!

Короткая битва — но подлый инквизиторишка как будто весь покрылся локтями, бедрами и спиной, и все это вместе не подпускало меня к возмутительному продукту.

— Макс, я серьезно! Макс, отдай! Макс, ты обещал мне уступить!

Бесполезно.

А, нет, полезно!

На последних словах Макс хохотнул:

— А ты обещала драку, дорогая!

И нырнул в холодильник, чтобы вернуться к столу с варенкой.

— Ты с ума сошел?! А грудинка? Не пропадать же добру! — отобрав и вернув колбасу на полку, я сделала вид, что не замечаю, как он смеется надо мной одним взглядом. — Режь давай! Что про кладбище думаешь?

— Думаю, что меток многовато, процесс там был явно поставлен на поток — раз. Почистили его совсем недавно, и подозреваю, что это напрямую связано с моим приездом, и если я прав, то это было сделано очень оперативно — два. Ну и то, что рассказал твой Илья. Если его жена не ошиблась, то крапивинские практики почему-то обходят стороной это кладбище — три. И это пока все. Ну и теперь точно ясно, что Картовская входит в серию, и значит, нужно искать еще один труп, с высокой долей вероятности он случился в конце апреля — начале мая... Если его не нашел док, когда собирал сведения, значит что?

— Значит, он выбивается из ряда, — предположила я. — Как было с Наташкой: ножевое ранение было не одно, а три — и все, в поле зрения Левковского не попала.

— Ну, у Картовской и другие отличия были, но в целом ты права. Хотя есть и другие варианты: например, тело еще не нашли. Или в апреле-мае он убил где-то в другом месте. Слушай, ну что ты так крупно режешь?!

— Нормально я режу! — я отпихнула Макса, зажала смешанный пучок из зеленого лука, укропа и петрушки поудобнее и продолжила работать так, как мне нравится. — Но вообще-то, морг у нас один на все окрестные районы...

Соколов кинул:

— Вот именно. Если бы наш труп объявился где-то поблизости, все равно попал бы только туда. Значит, либо уезжал на приличное расстояние, либо тело не нашли.

— Либо выбивается из системы. Кстати, по поводу Миргуна. Я поспрашивала знакомых по поводу его бывшей подружки. В общем, они идут от корня Пакулиных. Я покойного деда Пакулю почти не

знала, но бабушка Тоня и бабушка Ганна о нем были не очень хорошего мнения. По их словам — склочный был мужичонка и подловатый. Дальше — почему его дочь и внучка не инициированы и даже не в теме, судя по всему, сказать никто не смог, но они обе одаренные. Скорее всего, слабые, но это так, в порядке предположений. Я это к тому, что если мать Миргуновской подружки пошла в отца... То, скорее всего, у Дмитрия были все причины составить не слишком лестное впечатление о ведьмах. Допустим, он пришел извиняться, как он нам и сказал. Дверь ему открыла мама и, не выясняя, зачем обидчик дочери пришел, высказала ему все, что думала, со всей пролетарской прямоотой.

— Случился конфликт, — Макс задумчиво сжевал стебелек укропа и продолжил развивать мою мысль. — И так психически не очень стабильного Миргуна сорвало с нарезки, и вместо извинений получился экшн с вызовом милиции и принудительной госпитализацией нашего героя в психдиспансер. В принципе, вполне достаточная причина, чтобы неприязнь к одаренным закрепились и, возможно, даже перешла на новый уровень...

Стукнули о стол тарелки: Макс смешивал окрошку в кастрюльке из полюбившегося ему набора, пока я расставляла посуду.

— Я не знаю, с чем ты предпочитаешь, поэтому купил на всякий случай квас, минералку и кефир, — предупредил меня Макс, когда я полезла в холодильник за заливкой и сметаной. — А мне тан возьми.

Вообще-то, я предпочитаю с сывороткой, но тан — почти та же самая она, так что пойдет.

— А что ты думаешь насчет Шипуриной? — я подставила тарелки, и инквизитор щедро отмерил в каждую смеси. — Все, мне хватит!

— Пока ничего. Нужно проверять, как и Миргуна. Вероятность невелика, но исключать нельзя.

Макс понаблюдал, как я мучаюсь с бутылкой, пытаюсь открыть слишком прочно сидящую пробку, отобрал ее у меня и одним движением свернул ей горло. Закрыв обратно, взболтал, открыл, разлил.

— Спасибо! — остановила я его, когда сочла, что достаточно, и вернулась к обсуждению. — Макс, ключевой момент в действиях Шипуриной — добровольность жертвы.

— Не факт. Вчера ради спасения пациента она была согласна переступить черту в малом, а сегодня... Все зависит от того, какова для нее эмоциональная ценность конкретного пациента.

— А вот и нет! Вот тебе еще одна сплетня, — лишняя посуда отправилась в раковину, продукты — в холодильник, а мы наконец-то уселись и взялись за ложки. — У Шипуриной проблемы по части деторождения. Она не первый год пытается завести ребенка. Мы примерно одного возраста, и, скажу тебе по секрету, давление она наверняка испытывает похлеще, чем глубоководный батискаф, и со всех сторон. Тут тебе и часики, которые тикают, и дар, который надо передать, и черт в ступе. Только если я к детской теме ровно дышу, то Лидка еще и сама хочет детей.

— Откуда дровишки? — пролил на мое сердце бальзам удивления Макс, но я сделала вид, что мне все равно, и с показательным равнодушием пояснила:

— Когда из больницы возвращались, пока ты изволил гневаться, я списалась со старыми знакомыми и потрындела за жизнь. А теперь смотри: Лидка треть сознательной жизни борется за возможность иметь ребенка. И вот приходит к ней эта мадам, которая к величайшей, с точки зрения Шипуриной, ценности относится с явным пренебрежением. И, Макс, для ведьмы это, в принципе, не типично, у нас к материнству и детству в целом сложное и разнородное отношение, но в большинстве случаев нормальная ведьма за детей будет хлестаться насмерть.

— А как бы ты поступила на месте клиентки Шипуриной?

Я по тону поняла, что вопрос не рабочий, а скорее задан из любопытства, но честно обдумала его и честно же ответила:

— Ты учти, что у меня ни детей, ни мужа, но, если уж мы взялись теоретизировать... — я еще раз повертела ситуацию в голове, прислушиваясь к своим ощущениям, и подтвердила: — Если ставить себя на ее место... Вот я, Ксения Свердлова, у меня трое детей и муж в коме, и врачи в один голос говорят, что шансов нет. В условиях ограниченности ресурсов, когда надо решать, у кого отнять, чтобы отдать другому... — я решила и сказала то, что, в принципе, наверное, не очень здраво говорить своему мужчине: — Я бы слила мужика.

Макс кивнул, и я так и не смогла понять: то ли он считает такую позицию разумной, то ли он просто ничего иного от меня и не ожидал.

Но тут уж — увы, господин инквизитор. Задавая вопрос, будьте готовы услышать ответ.

Отмахнувшись от моментально испортившегося настроения, я продолжила мысль.

— С точки зрения ведьмы, любая мать имеет право пожертвовать жизнью ради блага своих детей. И когда она предложила, а Лидка согласилась... Макс, здесь имеет место тонкий момент с подменой понятий, и не факт, что сама Шипурина его вполне осознала, но я голову готова поставить, что так оно и есть. Заказчица хотела пожертвовать собой, чтобы спасти жизнь мужа. А вот Лида... Я уверена, что с ее точки зрения — мать своей жертвой обеспечивала будущее своих детей!

— Угу, логично, — согласился инквизитор. — Только как это выводит Шипурину из числа подозреваемых? То, что у нее нет фиксации на пациентах, не отменяет известного нам факта: при должной мотивации она способна преступить закон и решать, чья жизнь ценнее. Как тебе такой вариант: где-то сейчас умирает ребенок, которого доктор Шипурина готова тащить с того света любой ценой. Или еще версия, на мой взгляд, менее вероятная, но тоже вполне жизнеспособная: Лидия Марковна набросала ритуальчик, который поможет ей решить ее маленькую проблему, и сейчас планомерно приводит его в исполнение...

Я аж руками всплеснула от возмущения:

— Макс! Ну я тебе сто раз говорила: ну мужик это убивает, мужик!

— А-а-а, вот мы и подошли к твоему основному аргументу, Ксю... ша! Но, извини, это лишь твои домыслы, не подпертые фактами, — ухмыльнулся Макс, а я...

Я сделала вид, что заминки не заметила (хотя еще как!), и только фыркнула, возмущаясь скудоумию инквизитора, не желающего понимать очевидного.

— Но зато твое предположение объясняет, отчего Шипурина вообще ожидала, что ее запрос в Орден одобрят, — и поперла буром, когда не одобрили. Если, с ее точки зрения, это был размен жизни матери на будущее детей... — Макс потер пальцами переносицу.

Я задумчиво рассматривала растительный орнамент по краю тарелки: ну да, акценты смещаются. Если вспомнить, как он охарактеризовал мне эту ситуацию изначально, — разница кардинальная.

Благие, мать их, намерения.

— Слушай, — внезапно осенила меня мысль, и я с радостью ухватилась за возможность сменить тему, — а как ваши специалисты на кладбище работать будут? Там же одних только потревоженных могил черт знает сколько, и каждую нужно раскопать и исследовать... неужели будут, как мы, по ночам ковыряться? Как это вообще делается?..

— Как, как... — Макс хмыкнул тоже с облегчением. — Как обычно. Сегодня объявится меценат, который пожелает благоустроить ваше кладбище за свой счет, быстро нагонит туда людей и начнет работы. И под прикрытием частично строительной техники, частично отводов глаз, специалисты оперативно все проверят и свалят.

— ...а потом у мецената внезапно закончатся деньги, — ехидно закончила за него я.

— Вот не надо! — обиделся за родную организацию ее представитель. — Уж на дорожки Орден расщедрится за неудобства!

Макс решительно встал и собрал со стола посуду, а я подавила малодушный порыв увильнуть из кухни: готовил вроде как он, так что посуду должна мыть вроде как я.

Но превозмогла собственные недостатки и сурово повязала фартук.

Сосредоточенный на собственных мыслях, Макс подвига не заметил и не оценил, а просто встал рядом с полотенцем.

— Ладно, значит, сегодня нужно навестить бывшего пациента Шипуриной и его жену, потом пообщаться с бывшей подружкой Дмитрия Миргуна и с ее матерью. У тебя какие планы?

— К концу рабочего дня нужно будет заехать в магазин, проверить Леночку. А так — с тобой покатаюсь.

— Вообще, — осторожно начал Макс, старательно протирая кастрюлю, — это не обязательно. Ты могла бы остаться дома, спокойно выспаться...

Я только поморщилась:

— Я понимаю, что тебе удобнее, чтобы я сидела в защищенной квартире и не создавала тебе

сложностей, связанных с моей охраной, но нет. И, Макс... — я собралась наконец сказать то, о чем думала уже не первый день, — я хочу поговорить с Колесниковым о Наташке Картовской. Если я не смогу ее официально опознать, значит, связаться с родственниками — возможно, они захотят ее по-человечески перезахоронить...

При всем моем цинизме, знать, что Стоглазая Натали, числящаяся пропавшей без вести, похоронена под безымянной номерной табличкой, и молчать — чересчур.

— Хорошо, — абсолютно серьезно кивнул инквизитор. — Подожди, пока закончится расследование, ладно?

Машина Макса уверенно шуршала шинами по междугородней трассе: Алексей Сергеевич Больц содержался в областной больнице РЖД. В родном Крапивине не нашлось медицинского учреждения, готового предоставить ему место в стационаре.

Устроившись на переднем сиденье, я с головой погрузилась в недра интернет-торговли, чтобы медленно осознать страшное: Ленка меня подсиживала. Как еще объяснить, что все вопросы оказались сняты, покупатели наглажены, а заказы обработаны?

Из пучины подозрений меня выдернула новость по местному радио, за которую против воли зацепился слух:

— И к хорошим новостям! С завтрашнего дня начнутся работы по благоустройству Красницкого кладбища, также в народе известного как Новое. Администрация нашего города приняла решение приостановить свободное посещение кладбища на весь период работ, так что имейте это в виду и не спешите умирать! На сегодня все, с вами были «Крапивинские вести». Крапивинские вести — самые ж-ж-жгучие новости!

— Интересно, чем они объяснят такую экстренность ремонтных работ? — задумчиво пробормотала я скорее самой себе, чем Максу.

Он пожал плечом и так же задумчиво предположил:

— Прорывом канализации?

Областная железнодорожная больница — зверюга огромного размера. В одиночку я бы уже безнадежно запуталась в корпусах и отделениях, да и в сопровождении более топографически успешного инквизитора испытывала тоску и желание проклясть здесь все оптом и не мучаться.

Не подумайте, что я кладбища люблю больше, чем больницы, но там ориентироваться было не в пример легче.

— Так, — скомандовал Макс. — Я — направо по коридору, искать лечащего врача Больца, а ты — налево, в палату четыреста пятнадцать. Посмотришь на пациента на предмет чего интересного.

— Понятно! Мальчики направо, девочки налево.

— Примерно, — кивнул Соколов, и мы разошлись.

Больц Алексей Сергеевич дышал через кислородную маску, и гофрированный шланг был первым, что бросилось мне в глаза. Потом уже я заметила и восковую бледность, и худобу, от которой казалось, будто мужчина попросту высох, — а может, и не казалось.

Палата оказалась двухместной, и одна из коек, за которыми громоздилось объемное и непонятное медицинское оборудование, пустовала. Мне никто не препятствовал, когда я, сверившись с номером на двери, вошла в палату, но я все же бросила быстрый взгляд на дверь и, убедившись, что затворила ее, прикрыла глаза, «глядя» на объект сквозь закрытые веки.

Энергетика его была слабой, бледной, но жизненные токи все же пульсировали. Затемнение в области головы — ожидаемое, но толком ничего мне не сказавшее, а больше вроде бы и ничего — но я та еще великая целительница, чего уж. Вот задуть эту свечу — мне раз ресницами шевельнуть, а помочь искре его жизни разгореться — это уже не ко мне. Да даже поддержать ее тление — и то... Организм противился мысли поделиться с этим телом силой.

Хотя кто-то проделывал это регулярно: теперь, настроившись на Больца, «присмотревшись» к нему, я видела, что без подпитки не обошлось, и, если честно, от этого меня передернуло — как? Как можно вливать свое живое в... это?

Эксперимента ради я взяла вялую прохладную кисть, накрыв чужие пальцы, и попробовала все же отдать человеку на постели хоть что-то, но тошнота подкатила к горлу — сила встала комом в солнечном сплетении.

Прислушалась к себе... Мне было жалко. Банально жалко отдавать ему хоть каплю — хотя с той же Ленкой я делилась легко, притом отдавая себе отчет, что процентов пятьдесят силы просто растеряется при передаче, а половину того, что мне все же удастся доставить до потребителя, отторгнет организм Тёминой, — что поделаешь, издержки подпитки на негативе.

В принципе, ни с одной из моих подопечных-подопытных я не испытывала проблем с отдачей силы. Проще всего делиться было с беременной, которая тянула за двоих, но и с остальными у меня не было чувства внутреннего сопротивления, как здесь и сейчас.

То ли потому, что я всегда «подкармливала» лишь женщин, а в этот раз реципиентом был мужик, то ли это мое ведьминское чутье так давало понять, что давать силу Больцу — все равно что поливать сухостой. В жизнь все равно не повернет, а вот какая-нибудь плесень завестись явно может.

— Вы его родственница?

Девичий голос застал меня, когда я с внутренним облегчением убирала руку, радуясь возможности разорвать контакт.

Хорошенькая девочка с пушистой косой в ярко-красном медицинском блузоне (а когда медики носили традиционные белые костюмы, мне было как-то привычнее... нет, я не ворчу, как столетняя ведьма!) смотрела внимательно. Но не подозрительно, а скорее сочувствующе.

— Не совсем, — я поправила халат на плечах и улыбнулась, постаравшись вложить в улыбку максимум обаяния. — А вы не подскажете, кто еще его навещает?

— В общем, лечащий врач у Больца — обычный человек, — вещал Макс, когда его черная монстра вырुливали с больничной стоянки, чтобы везти нас обратно в родной Крапивин. — В больнице работает трое одаренных целителей, один из них — непосредственно в травматологии, но он вести Больца категорически отказался и на мой вопрос прямо сказал в довольно резкой форме, что помогать нужно живым, а у него лично запас сил не бесконечный тратить их на покойника.

Пока я имела увлекательную беседу с молоденькой и благожелательной медсестричкой, Макс закончил терзать врачей и наведлся в палату. Провел там минут пять, после чего мы с ним сие богоспасаемое заведение покинули, а теперь вот — делились результатами.

— Лечащий врач никаких изменений у пациента за интересующий нас период не отметил, целитель всплесков внештатной магической активности не зафиксировал, и признаков применения к больному каких-либо артефактов моя проверка не выявила. Имеются следы прямой подпитки силой, но жена Больца — одаренная, и такое воздействие ей вполне по силам. В целом, если Больц причастна к серийным убийствам, применить свои наработки к мужу она еще не пыталась. А ты что увидела? О чем вы беседовали с той миленькой медсестричкой?

И вот удивительное дело: еще минуту назад медсестра Оксана с песочной косой мне самой казалась девушкой приятной и толковой, а сейчас — куда что делось.

Но, с другой стороны, во-первых, глупо ревновать мужика только потому, что у него есть глаза, во-вторых, глупо ревновать того, кто как бы и не совсем твой мужик.

Ну и в любом случае — не проклинать же мне всех смазливых девиц старше восемнадцати лет?!

...при таких раскладах проще проклясть один раз, но мужика — просто, удобно, экономично.

— Я увидела овощ, — емко охарактеризовала я свои впечатления от посещения палаты четыреста пятнадцать. — Медсестра, с которой удалось разговориться, утверждает, что посетители у Больца бывают редко: раз в неделю его навещает жена, иногда с кем-то из детей, чаще всего со старшей дочерью. Раньше вроде бы визиты наносили еще и родители, но их давно уже не видно было. Я представилась знакомой семьи и поинтересовалась, не было ли в последние месяцы девять изменений в состоянии? Мол, вокруг бедной женщины трутся какие-то подозрительные личности, желая выудить последние деньги. Очень удивилась — откуда там деньги? По наблюдениям медперсонала, семья Больца живет очень бедно.

— И? — скосил на меня взгляд инквизитор.

— Что — «и»? — внезапно взорвавшись, рывкнула я. — И значит, его жена не могла нанять исполнителя для подобной акции! Или — и значит, от отчаяния могла пойти и на такое, потому что содержание мужа в больнице явно бьет по ее кошельку! Не знаю я, что «и»! Просто сказала!

— Тише-тише! — рука Макса, отпустив руль, легла на мое колено.

И меня словно молнией прошло: первый раз инквизитор снизошел до жеста с откровенно сексуальным подтекстом в мой адрес по собственной инициативе, а не в результате моего напора или агрессивной провокации. Разозлившись на собственную идиотскую реакцию, руку я стряхнула и бескомпромиссно отвернулась к окну.

— Отметила — и хорошо. Посмотрим, к чему это удастся пришить...

Пришить. Пришить! Руки свои к своим коленям пришей!

Дура ты, Ксения.

Давай еще пореви тут от обиды.

Петренко открыла дверь на наш звонок — женщина в возрасте, несколько оплывшая, но миловидная.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна! — Макс расточал обаяние, как самолет «кукурузник» — инсектицид.

— Здравствуйте, здравствуйте! Проходите — вот тапочки, — уютно ворковала хозяйка. — Ой, вы такие милые! Неужели тоже следователи? Надо же, такие славные — не то что тот хам, что опрашивал нас с дочкой тогда... Ах вы из столицы? У нас здесь совершенно не умеют работать!

У меня начало тянуть под ложечкой почти сразу.

— Расскажите, пожалуйста, о том происшествии, когда Дмитрий Миргун напал на вашу дочь.

— Он и на меня тогда напал! Я так тогда перепугалась, вы не представляете! Это же ужас какой-то, а его отпустили, убийцу! Вы уж разберитесь и накажите этих наших, где это видано, чтобы таких, как он, по улицам гулять отпускать...

Петренко говорила, говорила и говорила. И жаловалась, жаловалась, жаловалась: на сумасшедшего, напавшего на них с дочерью, на непослушную дочь, на современную молодежь, на цены, на погоду, на жизнь...

Слабенький дар ее пульсировал и тянулся к живым, теплым людям.

Она подбирала к нам ключи: жалость, сочувствие, раздражение, брезгливость. Искала эмоциональные отмычки, которые вскрыют нашу защиту.

— Насколько нам известно, Дмитрий Миргун никого не убил, поэтому выводы о том, что он представляет серьезную опасность, все же преждевременны. Подскажите, как вы считаете, могла ли его агрессия быть спровоцирована?

— С... спровоцирована?! Да... да на что вы намекаете?! Что мы еще и сами виноваты, что этот тип нас чуть не прикончил среди бела дня?!

— Нет, что вы, я только имел в виду...

— Знаю я, что вы имели в виду! Вам бы всем дело закрыть да повесить на шею бедной женщины! Такая же бездарность, как и местные, даром что столичный. Сколько твой папик заплатил, чтобы тебя на тепленькое место пристроить? Знаю я, чего тебе надо: взятку хочешь с меня стребовать? Я тебе денежку, а ты Миргуна в тюрьму? Знаю я, как это работает, так вот — не на ту напал, мусор. Думаешь, раз корочки есть, так все тебе можно? Давай, валяй, арестовывай меня! Ну? Чего ждешь? Наручники надевай!

Она тыкала протянутыми запястьями инквизитору в нос, едва не задевая оный. Эмоциональный вал развернулся со всей силой, ударялся о наши защиты, как штормовые волны. Лицо у дамы перекосила ярость, холодная, злая, непохожая на бешенство сумасшедшего. У этой ярости была цель — расковырять, добраться до живого мяса.

Изумление, раскаяние, вина, страх, снова вина — я даже не пыталась блокировать те чувства, которые мадам в нас вызывала, отстраненно наблюдая за ними как бы со стороны.

Для человека, действующего интуитивно, присосаться она пыталась исключительно умело.

— Что? Струсил? А?! — она подскочила и теперь нависала над сидевшим Максом, давя на него не только морально, но и физически. — Правильно, тронешь меня пальцем, я вас всех засужу! Ты знаешь, какие у меня тут связи? Думал, получится у бедной беззащитной женщины деньги вымогать? Не-е-ет, не на ту попал!

Устав терпеть брызгающую на лицо слюну, Соколов поднялся. И дурная баба тут же шарахнулась от него, как от чумы.

— Помогите! Спасите! Полиция меня бьет!!!

Бешеный визг ввинтился в уши, Петренко замолотила по стене, и это стало последней каплей.

Мы с Максом действовали впервые так слаженно, не сговорившись заранее.

Пелену чужой голодной силы я придавила волей. Шагнула к ней со спины и положила руки на плечи, сковав чужой дар, — и она покачнулась, ощутив их гранитную тяжесть. Могильной плитой ощутила она мои руки.

Макс подошел, заглянул ей в глаза:

— Раскаиваешься ли ты в содеянном, женщина?

— Я ни в чем не виновата! Ни в чем! Помогите!!!

Я ладонями ощущала, как ее тело сотрясает крупная дрожь, я чувствовала ее попытки скинуть мои руки — и непонимание, что, слабую вроде бы, мою хватку скинуть невозможно.

Палец Макса, сосредоточенного на чем-то внутри себя, ткнулся ей в лоб.

Полыхнул белым яростным светом проявившийся медальон Макса.

И я впервые увидела, как разворачивается инквизиторская лишающая дара печать.

Она встала на ауру — и женщина захлебнулась молчанием. Оглушенная исчезновением ощущения, что было с ней всю жизнь, — ощущения собственной силы.

Глава 10

«Дорогая бабушка, было дело, за глаза я называла тебя стервой и старой каргой, да и сейчас, грешна, иной раз именую... Так вот, милая бабушка, как внучка твоя, должна нынче признать, что была сугубо не права — куда тебе до той милой женщины, которую мы только что посетили!» — так или примерно так думала я, покидая квартиру бывшей возлюбленной Миргуна и ее матушки.

Да славный парень Дима даже не представляет, как ему повезло, — вот ей-ей, лучше психическое расстройство, чем такая теща!

— По итогам посещения пострадавших у меня к нападавшему только один вопрос: что ж он так неточно-то?! — пробормотал под нос Макс и наконец-то разжал пальцы на моем плече.

Кажется, он опасался, что я могу сорваться и наделать непоправимого — но это он зря, если бы я что и наделала, то абсолютно сознательно, без каких-либо срывов.

Елена Петренко, в девичестве Пакуля, произвела на меня сильное впечатление.

Уж на что я повидала стервозных баб с завихрениями в области эгоцентризма — моя семья, к примеру, вся сплошь такие бабы и есть, и непонятно, как это у них получилась такая адекватная и самокритичная я! — но сегодня я впервые столкнулась с ситуацией, когда во всем этом отсутствует малейшая... осмысленность, что ли?

Никогда до этого я не видела, чтобы склонность и истеричность оказывались не инструментом, а самоцелью.

Энергетический вампир.

Наглядный пример того, во что может переродиться скверный характер.

Меня пробрало мелкой дрожью.

Никогда! Никогда я не превращусь в такое!

Я осознаю берега! Я отдаю себе отчет, что мир не вертится вокруг меня и моих обид!

Я не вырожусь в энергетического паразита!

Еще минуточку-другую я старательно удерживала перед мысленным взором образ Елены Петренко-Пакули, буквально насильно впечатывая его в память.

Просто чтобы помнить, во что может вылиться игра в плохую ведьму.

Чтобы не забыть.

Ни-ког-да.

— Ну, что, твоя версия получила какое-никакое подтверждение, — бодрым тоном объявил Макс, когда мы уселись в машину. — Такая мадам в ком угодно закрепит ненависть к женщинам-ведьмам.

— Угу.

— Миргун приехал просить прощения, ему открыла матушка любезной и, по ее собственным словам, сходу начала орать. Делает она это, как мы убедились, параллельно с попыткой тянуть из жертвы жизненные силы.

— Угу.

— У Миргуна, с его чувствительностью, во враждебной обстановке случился скачок, и попытку воздействия на себя он увидел.

— Угу.

— С учетом того, что психика у парня и так была нестабильна, да к тому же была взбудоражена предыдущим срывом, Миргун сорвался повторно, сознание получило разрядку, рефлекс закрепился. Вполне можно допустить, что одаренные женщины, чья сила в его восприятии сходна с силой многоуважаемой Елены Сергеевны, запускают в его сознании ассоциативные цепочки и возвращают его в тот день, к неубитой ведьме...

— Бедная дочь, как она с ней жила, — вместо очередного «угу» невпопад ответила я.

— Ну, теперь-то станет полегче, — с недоумением взглянул на меня Макс.

Объяснять, что я примеряю на себя лавры этой стремной тетки, я не стала.

— Ладно, — вздохнул Макс, трогая машину с места. — Поехали к Петренко-младшей.

— Понимаете, мама — очень несчастный человек, очень! — Анна согласилась уделить нам буквально десять минут, «Потому что у меня работа!», и теперь нервно мяла в пальцах носовой платок. — У нее была тяжелая жизнь, она растила меня одна, денег постоянно не хватало, она надрывалась...

— Мы поняли. Она святая.

— Ксения, — Макс сказал это вроде спокойно, но я вникла в произнесенную угрозу и заткнулась.

— Извините, Аня. Можно вас так называть? — и после слабого кивка Макс продолжил: — Вы не могли бы рассказать нам про Дмитрия Миргуна?

— Я и рассказываю! Дима — просто больной человек, а мама — у нее непростой характер, и они поссорились, а потом Диму увезли в Рахмановку — это так наша психбольница называется, она за городом, на хуторе Рахмановском. Потом был суд, но Диму оправдали и признали невменяемым, и обязали пройти курс лечения, вот и все, я больше ничего не знаю!

Мне хотелось схватить ее за плечи, тряхнуть и орать: «Очнись! Очнись, это ты — жертва нападения сорвавшегося с резьбы психически неуравновешенного парня, это ты, ты пострадавшая сторона!».

Макс был прав, что запретил мне раскрывать рот.

Это идиотское расследование меня доконает: слишком много ненужных эмоций оно принесло в мою размеренную, приятно-прохладную жизнь.

Нет, надо скорее все это заканчивать и возвращаться к привычному ритму, в котором есть место мне, магазину и умеренно-злобным добрым делам.

— Аня. Расскажите нам про нападение, — мягко попросил Соколов. — Ведь Дмитрий Миргун изначально напал на вас?

Господи, откуда у него такое терпение?

— Да, но... но я же не пострадала, — удивилась Петренко-младшая. — Со мной все было в порядке, при чем тут я?

— И все же. Расскажите нам. Это может быть важно.

Боже, благослови инквизицию.

Мысль для ведьмы крамольная, но на его месте я бы уже разнесла тут все пополам и вдребезги, засыпала солью и забыла, как не было.

Анна сосредоточилась, возвращаясь в памяти к тому дню.

— Да вы знаете, я уже и не помню, если честно, с чего вдруг. Он тогда нервный был несколько дней, с ним такое бывало, но проходило всегда потом. Мы в такие периоды ссорились часто, потому что он заводился из-за ерунды. Вот и в тот раз — поссорились, и вот в один момент все было как всегда, обычная ссора, и вдруг — раз, и он уже схватил топор и насаждает, и глаза у него страшные...

— Аня, а вы можете выделить момент, который стал спусковым курком? Что-то, что его спровоцировало?

— Нет, я не знаю, — грустно покачала головой она. — Меня об этом спрашивали еще тогда. Когда все случилось. И следовательно, и врачи, которые потом Диму лечили. Я не нападала на него, не махала руками, не делала никаких резких движений, которые могли бы... активировать. Я на него кричала — но такое и раньше случалось, и он тоже на меня кричал, и никогда ничего такого...

— Понятно, — вздохнул Макс. — Большое спасибо. Вы нам очень помогли.

— И по поводу Елены Сергеевны, — встряла, не выдержав, я. — Найдите хорошего психотерапевта, Аня!

— Для мамы?

— Для себя!

— Добрый день, Светлана Юрьевна.

Последний визит у нас на сегодня был к семейству Больц.

Светлана Больц меня опознала моментально, не только как сестру-ведьму, но и как конкретную личность, и посматривала с опаской.

К Максуду отнеслась куда спокойней. Равнодушнее, я бы сказала.

А меня — побаивалась. То ли бабушкина слава для нее все еще гремела громко, то ли у меня нервная система искрила уже ощутимо даже на расстоянии, но когда Макс увел мать семейства на кухню, подальше от любопытных детских ушей, я за ними не пошла.

Квартира у матери с тремя детьми была крохотная — однокомнатная. На стенах много семейных фотографий — и везде они счастливые, улыбающиеся. Вот только снимки все старые — на всех присутствует отец семейства. Ради интереса поискала что-то более-менее свежее — не нашла.

Дети Больц оказались дома. Двое младших, мальчик и девочка, сидели на диване, с любопытством тараща на незнакомую тетю огромные глаза, а старшая, худая, вся какая-то полупрозрачная, сидела за столом, уткнувшись в компьютер.

Досье, которое Максуду собрали на Светлану Больц в Ордене, я пролистала в машине и из него знала, что женщина работает на трех работах. Но после визита в больницу какого-нибудь достатка я уже не ждала.

Но и такого не ожидала. Ну не голодают же они?

— Ты Дина? Привет.

Я под села к старшей. Она дернула худым плечом, но я это проигнорировала.

Одного вскользь брошенного взгляда хватило, чтобы определить: передо мной инициированная ведьма, не из самых сильных, но и не пшик — честная тройка.

Замершая спина, прут позвоночника. Напряжение во всей позе, тронь — зазвенит.

— А я — Ксения Егоровна, — сообщила я, игнорируя то безмолвное «Проваливай!», о котором кричал ее язык тела.

«Как по недрам каменным вода течет,

Точит-точит вода себе путь в земле...»

— Дин, ты у папы часто бываешь?

Худые лопатки вздрагнули, словно я вогнала между них стрелу. Болезненное, надломленное ощущение.

— Как получается. Я работаю!

— Что доктора вам говорят? Что ты сама об этом думаешь?

И мое направленное на нее интенсивное внимание улавливает, как вспыхивают в ней яркие эмоции, как свербят на языке желающие быть высказанными слова: у порывистого тинейджера, конечно, обо всем есть свое мнение. Даже если он, тинейджер, понимает, что не со всякими посторонними тетеньками им следует делиться.

— Нормально все!

«...Так и слово твое

С языка сойдет».

Нервное и резкое движение Дины Больц выдало ее внутреннее напряжение, когда она слишком порывисто шевельнула мышью.

«Как вода по весне взламывает лед,

Прогрызает вода себе путь во льду,

Так и слово твое

Щель промеж зубов найдет».

Говорить вслух одно и в тот же момент проговаривать в мыслях совсем иные слова, удерживая концентрацию и сосредоточение, — особый навык, который дается не просто, но который сложно переоценить как инструмент.

Конечно, воздействовать колдовством на несовершеннолетних примерно так же этично, как и допрашивать подростков в отсутствии родителей или опекунов, но я, уж будьте спокойны, и не применяла к ней ничего зубодробительного.

Так, мелочь, пустяк. Малость, побуждающая человека сказать то, что он и так хочет сказать.

«Как вода себе путь всегда найдет,

Протечет вода сквозь любую щель,

Так и слово твое

Из губ выскользнет».

Практически — психотерапевтическая уловка. Невинная.

— И что они думают — когда ваш папа выздоровеет?.. — осторожно продолжила допытываться я.

— Никогда! — от ее крика вздрогнули стекла, и стул, на котором девочка сидела, врезался в стену, отброшенный, потому что мешал развернуться. — Он никогда не выздоровеет! Сколько можно меня мучить? Отстаньте все от меня!

— Дина! — выскочила на шум из кухни ее мать. — Как ты можешь такое говорить? Тебе не стыдно?! Папа обязательно поправится!

— Мне?! Мне — не стыдно! Мы квартиру продали! И мебель, и вещи — и все зря, он все равно не выздоровел! Знаете, что сейчас делают все мои одноклассники? Готовятся к экзаменам! А чем занимаюсь я? Мою подъезды! Я вчера ходила и узнавала, не нужна ли еще уборщица, потому что занятия в школе же закончились, у меня же теперь больше свободного времени! Я работаю второй год! А когда хочу потратить деньги на себя — я сразу эгоистка и не думаю о младших!

— Прекрати немедленно! Как ты можешь!

— Ты все время на работе, а я — постирай, убери, приготовь, заberi из садика, проверь уроки! Это твои дети, а не мои! У меня детей нет! А ты все время на работе! А когда у тебя выходной, мы едем к нему, а если я не хочу, то я неблагодарная дрянь, а если мне плохо, когда я отдаю столько силы, то я снова эгоистка и думаю только о себе!

— Замолчи! Немедленно замолчи! — Светлана Больц пыталась вставить что-то в этот обжигающий поток, но дочь попросту не обращала внимания на эти ее попытки, выталкивая то нестерпимое и болезненное, что столько держала в себе, а Макс, ухвативший хозяйку квартиры за локоть, не позволял женщине задавить истерику дочери затрещиной.

— А знаете, куда я буду поступать? Знаете? Никуда! «У нас нет на это денег!», «Ты же уже взрослая, ты должна понимать!», «Вот поработаешь год — а в следующем...» Что в следующем? Что — в следующем? Я на собственный выпускной не пойду, потому что мы деньги не сдавали! Костю в первый класс одевали в секонд-хенде! Что через год изменится?!

Успокоительные наговоры соскальзывали с нее, разваливаясь раньше, чем успевали подействовать или хотя бы зацепиться, давить девчонку грубой силой не позволяла совесть — ведь я сама вскрыла этот нарыв, а от ее крика уже отходили от стен, треща клеем, обои, и под ними с шорохом сыпалась поврежденная штукатурка...

И тогда я шагнула вперед, проминая своим весом и даром упругую насыщенность разворачивающегося бесплотного вихря, и, обняв ее плечи, прижала к себе.

Оплела руками, ощутив, как мгновенно напряглась худая спина под моим прикосновением — а потом бессильно обмякла. И к моему плечу прижалась чужая щека, а изгибу шеи стало мокро.

— Я ведь даже съехать от нее не могу! — вздрагивая, рыдала Дина Больц в самую неподходящую для этого шею на свете. — За квартиру задаток вперед надо вносить, а она же знает, сколько я зарабатываю! «Дина, надо! У тебя же есть деньги!» А за подъезды платят фигню, не скроешь ничего... Я иногда думаю: хоть бы он умер! Мне стыдно, я знаю, что я и правда дрянь, но, может, мы бы тогда жить нормально начали... Я ее ненавижу-у-у! Я ее ви-и-идеть не могу!

Сжимая трясущегося в моих объятиях подростка, я пыталась понять, как именно я умудрилась

оказаться в этом положении.

Ксюша, ты же самая циничная ведьма Крапивина в своем поколении!

— Пойдешь ко мне магазин убирать? Работы немного, но там целый ряд магазинчиков в одном месте — может, еще кому-то уборщица нужна... Я договорюсь, тебе аванс дадут.

— Я хочу за руль.

— Ты не вписана в страховку.

— Не твои проблемы. Я хочу за руль.

— Ксюша...

— Максим, я хочу за руль!

С выражением лица «Как же ты меня достала, чертова баба!» Соколов выудил ключи и уронил в мою протянутую ладонь.

Щелкнул ремень безопасности на пассажирском месте — инквизитор пристегнулся.

Черный монстр, ощутивший, что «в седле» нынче чужак, удивленно фыркнул мотором, но быстро сообразил, что у «всадника» не то настроение, чтобы качать права, и, резво стронувшись с места, послушным боевым слоном понесся по городу, изредка трубя окружающей мошкаре, чтобы резвее разбегалась из-под колес...

«Ведьмина шкатулка» встретила благословенной прохладой после сумасшедшей жары летнего дня.

Леночка, вместо того чтобы мирно дремать в тишине, как сделала бы я на ее месте, сидела в телефоне.

— Добрый день, чем могу помо... — бодро вскинула она голову и опознала собственное начальство. — Здравствуйте, Ксения Егоровна.

Инквизитора, всего такого шикарного — костюмчик, задница и улыбочка, — она проигнорировала.

Умная девочка.

— Здравствуй. Мы ненадолго — сейчас заказы для интернет-магазина собираю...

— Уже, — Леночка указала на телефон, и я загрустила.

Мало того что Тёмина не спала, так она еще и работала!

На рабочем месте.

В рабочее время.

Ужас.

Кошмар.

Куда катится мир?

...за что я буду на нее сегодня орать?

Эта мысль потянула за собой другую — про Петренко, ее скандалы и то, до чего они ее довели, и настроение, выправившееся было после покатушек на отжатой у инквизитора машине, ухнуло вниз.

— Значит, сейчас я их заберу и заброшу на почту...

— Я уже отправила курьером, — снова не дала договорить мне Леночка. — Вот квитанция.

Некоторое время я рассматривала бумажку, с тоской прикидывая: если я обвиню Тёмину в том, что она меня подсиживает, это будет совсем идиотизм-идиотизм?

Ленка смотрела на меня с явным удовольствием.

У Макса, благоразумно повернувшегося к нам спиной, отчетливо тряслись плечи.

— Отлично, — кисло резюмировала я. — Завтра придет девочка, покажи ей, что и как у нас здесь

нужно убирать.

Ленка просияла, сделав лицом «Слава тебе господи, ну наконец-то!», а я сделала лицом «Я ничего не вижу, но ты за это заплатишься» и продолжила:

— И вообще, присмотрись к ней — если толковая, можешь постепенно привлекать в помощь по мелочи. Если бестолковая — отправь по соседям искать вакансии технички. Пока пусть будет на испытательном сроке, а через две недели посмотрим, как мы там ее оформим, техничкой или подсобной работницей...

Мысль о том, что я на работе не так-то и нужна, удручала. Я же этот магазин с нуля, с пустой коробки, а теперь!.. Какая-то Леночка дает мне понять!..

Мысль о том, что я беру в штат не слишком-то нужную мне (а если быть честной — то и даром не нужную!) Дину Больц, наталкивала на вывод, что эту финансовую дыру еще придется затыкать. И чем — сперва нужно придумать.

Мысль о том, что я кое-что забыла, заставила встрепнуться, а после — закопаться в сумку.

— Так! Лена!

Теперь уже встрепенулась Лена.

— Тебе в ближайшее время нужно пройти профосмотр! — генеральским тоном распорядилась я. — Вот адрес, расписание...

Мельком взглянув на бумажку, я скомандовала:

— Если поторопишься — сегодня после работы успеешь!

— Ксения Егоровна, я сегодня не могу, у меня пла...

— Лена!

Ленкино возражение пришлось как нельзя кстати, потому что высасывать повод для ссоры из пальца, да еще в конце идиотского дня, да еще при Максе, не было никакой моей мочи.

Я рывкнула — и сила ушла по устоявшейся связи, слишком порывисто и резко отпущенная мной, Ленка брякнулась на стул, с которого порывалась было встать, оглянулся Макс.

Я стиснула зубы.

Идите вы оба к черту! Достали!

И, хлопнув дверью, ушла в свой кабинет — успев, правда, заметить, что Ленкина тень пусть и не растет, но и не уменьшается.

Ладно, сегодня на нее Шипурина посмотрит. В конце концов, это она профессионал, а не я, вот пусть и любитесь.

До закрытия оставалось около получаса, ну и раз все равно приехала — сформирую заказ поставщикам заранее, а не как обычно, в последний момент.

Макс остался любезничать с Ленкой, выживая под этим соусом всю мою подноготную.

Инквизиция, надо полагать, все еще не оставила надежды развести меня на налоги.

Ну-ну. Успехов, радость моя!

Загрузив компьютер, я залезла в складские остатки, параллельно прикидывая, что там у нас из значимых дат на горизонте. Увлечлась и, когда Ленка прошмыгнула в двери тихой мышкой, вздрогнула.

— Ксения Егоровна, вы сегодня сами закроете, или я? Просто рабочий день уже заканчивается, а еще профосмотр...

Вид бледный, взгляд в пол и вот это вот бляение, Тёминой вовсе не свойственное..

Та-а-ак...

Я встала, одернула юбку.

— Идем, кассу снимем, и чеши. Закрою сама.

Сдвинув красну (бледну!) девицу в сторону, я выплыла в торговый зал.

Ну конечно, кто бы сомневался!

Счастливый владелец ведра с болтами, на которого у меня не то что зуб — а зубище, размером отсюда и до луны.

Морда симпатичная — печати порока нигде не видны, упыринные клыки через губу не торчат. Темные волосы, аккуратная короткая стрижка, неплохая фигура.

Крупный — хоть и ниже Макса. Но Макс длинный и тощий, а этот плотный. Плечистый.

«Мясной бычок».

Макс, расправив плечи, смотрел на него сверху вниз, вид имел интеллигентно-недоуменный, и вся поза выражала такое невыносимое превосходство, что даже у меня зародилось желание двинуть инквизитору в породистый нос.

Его визави, наоборот, «набычился»: лобастая башка склонена, плечи и шея напряжены, а руки — в районе ремня джинсов.

Но — цивилизация-с! Поверх этой прекрасности у обоих натянуты гримасы «а-ля вежливая улыбка».

А поскольку территория, которую они изволили без слов сейчас делить, по умолчанию моя, то...

— Молодой человек, покиньте, пожалуйста, магазин! — потребовала я самым стервозным своим тоном и с несказанным удовольствием.

Обаяния ему было не занимать, и он об это прекрасно знал — потому что широко улыбнулся:

— Я за Леночкой приехал!

Знаю я, зачем ты приехал, собака сутулая, пшел вон из моего магазина, пока ноги ходят!

И я без слов, но с наслаждением указала пальцем на дверь.

— Ксения Егоровна, это мой му...

Да-да. Вот именно, «му»!

И потому стервозность в моем голосе обрела небывалые обертона и глубины:

— Лена! Никаких личных мужиков на рабочем месте!

Козлина вонючий, приперся он...

Признаюсь честно, в этот раз я очень быстро перестала тяготиться присутствием инквизиции в моем городе — но вот сейчас мне остро хотелось, чтобы Макс, наконец, свалил, и уж тогда бы!..

Что «тогда бы» — я и сама толком не знала. Но уж придумала бы, чем этого типчика порадовать.

Кассовый аппарат выплюнул длинную полоску контрольной ленты, Леночка, фонящая тоскливой обреченностью, торопливо пересчитала выручку, сверила суммы, молниеносно расписала покупюрник и, закинув все это упакованное счастье в сейф, последовательно хлопнула тремя дверями: сейфовой, кабинетной и наружной.

Сквозь витрину было прекрасно видно и слышно, как она идет рядом с ним с видом понурым и несчастным, а он отчитывает ее, как провинившуюся собаку:

— Ну и что это за мужик?..

За моей спиной вдруг раздался неожиданный ответ:

— Асадский Николай Семенович, тридцать пять лет, бывший сотрудник полиции, уволился около шести лет назад по собственному желанию. Работает по вахте в сфере обеспечения охраны и безопасности труда на станциях нефтедобычи, график работ полтора на полтора месяца, — скучающим тоном оповестил у меня над ухом Максим.

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво обернулась я к инквизитору.

— Ты же просила меня прояснить ее окружение, — пожал плечами Соколов.

Полтора на полтора месяца? Не совсем укладывается, но, пожалуй, в целом объясняет, почему тень,

которая изначально вполне успешно поддавалась моему напору, вдруг качнулась обратно в размерах: любимый «му» с вахты вернулся.

Я снова повернулась к окну, пронаблюдала, как Лена нырнула в машину, а упырь от души приложил за ней дверь, потом загрузился сам и с ревом тронулся с места.

Силы небесные, девочка, ну вот на хрена тебе это нужно?

Я вздрогнула, когда на плечи мне легли тяжелые ладони, чуть сжались, как бы намекая: не двигайся, — и погладили с легким нажимом. Большие пальцы прошлись по выступающим косточкам позвоночника, пуская от шеи вниз цепочку из колких мурашек. И снова надавили, впиваясь в напряженные мышцы.

Я застыла, ошеломленная разом и тем, что инквизитор неожиданно сам проявил инициативу, и тем, какой он для этого выбрал способ.

— Нельзя всех спасти, — тихо произнес Макс, массируя мне плечи и шею, и от его умелых движений, я сама вдруг очень ярко ощутила напряжение, сковавшее меня за этот непростой день, полный самых разнообразных, но при этом малоположительных эмоций. — Но не переживай, Елена справится. И Дина. Насчет Анны не уверен, но, по крайней мере, из одаренного вампира ее мамаша станет самым обычным, а с этим уж как-нибудь...

Я возмущенно вскинулась и попыталась обернуться. Нет, это вообще почти оскорбление! Меня мало того что подозревают в человеколюбии и сострадании, так еще и в таком... таком... массовом!

— Ш-ш-ш-ш, — прошипел Макс мне на ухо в ответ на мою попытку и слегка, но ощутимо сдавил мою шею руками.

Губы пересохли, зато трусики резко намокли. В голове сделалось легко и звонко.

И я покорно выдохнула, опуская ресницы.

Уговорил. В грубость мы уже поиграли, почему бы не поиграть в послушание?..

Я могу быть послушной, инквизитор. Немножко. Если мне понравится.

Рука, переместившаяся ниже и бесцеремонно залезшая и за ворот блузки, и за чашечку лифчика, чувствительно сдавила грудь, намекая: понравится.

Другая рука, та, что оставалась на шее, слегка толкнула вперед, заставляя уткнуться лбом в стекло, а потом с нажимом провела по спине, прогибая в талии. Обтянутая юбкой попа прижалась к мужским брюкам, и я с удовольствием потерлась о твердость, угадывающуюся там, под слоями ткани.

И тут же получила шлепок за своеволие.

Кажется, кто-то хочет, чтобы я, как это называется... расслабилась и получила удовольствие.

Сделалось очень жарко, несмотря на исправно работающий в магазине кондиционер. А Макс тем временем медленно и со вкусом расстегнул пуговицы на блузке, стянул ее с меня, а потом куда стремительнее избавился и от лифчика, и моя грудь вновь оказалась в его руках, на этот раз — обеих.

Признаться, прямо сейчас я была согласна: это самая напряженная часть моего тела, которая требует вдумчивого и тщательного массажа.

Я стояла, упершись лбом и ладонями в прохладное витринное стекло, и только тихонько постанывала, когда Макс особенно чувствительно сжимал соски, или прикусывал кожу на плече, или вдавливал свои бедра в мою задницу, дразнясь и распаяя меня еще больше.

Мне хотелось повернуться, схватить инквизитора руками и ногами и просто насадиться уже на твердый, давно готовый к этому член, но я откуда-то знала, что в этой игре вся инициатива сейчас должна принадлежать Максиму. И я принимала правила этой игры.

Витрина магазина была завешана всякими ловцами снов и прочей оккультной мишурой для привлечения внимания, и вряд ли беглый взгляд мог уловить, что происходит внутри, но если кто-то присмотрится, то обязательно увидит...

Это понимание на удивление совершенно не смущало, только добавляло остроты ощущениям.

Вжикнула молния, и юбка стекла к моим ногам. Труссы задержались: кажется, Макс позволил себе полюбоваться черным кружевом на светлой коже...

В подтверждение моих мыслей чуткие пальцы обрисовали кружевной узор, пуская волны мурашек по позвоночнику, но потом все же подхватили край ткани и стянули вниз и ее — на мне оставались только туфли, тогда как инквизитор был полностью одет.

Я представила, как это сошлется со стороны, и едва не словила оргазм только от этого.

Ну же, давай!

Я снова качнула бедрами, пытаясь прижаться теснее, и снова словила шлепок-наказание. И почти мгновенно Макс скользнул пальцами во влажные складки, заставив меня всхлипнуть и выгнуться еще сильнее.

Острые соски прижались к ледяному стеклу. Тянувшая жажда внутри становилась просто невыносимой, и я, забывшись, почти прохныкала:

— Ма-а-акс, пожалуйста...

Молния. Фольга. Глубокий толчок — сразу и до почти болезненного упора.

Да-а-а-а...

Еще. И еще...

Я сорвалась в оргазм неожиданно для самой себя. Так быстро, что он ослепил и дезориентировал, и я только и успела, что вцепиться зубами в костяшки пальцев, чтобы не заорать на всю округу. И Макс застыл, позволяя мне — и себе — словить всю полноту ощущений, когда внутренние мышцы сжимаются вокруг напряженного органа.

А потом я почувствовала, как он выскользнул из меня...

Я изумленно обернулась: разве ты успел?..

И инквизитор, все еще одетый, шагнул вперед, впечатывая меня в стекло спиной, впиваясь в губы требовательным поцелуем. Он ухватил мою ногу, сдавив, возможно, даже до синяков, закинул себе на бедро и снова вошел.

Он вколачивался в меня, не прекращая целовать, и я задыхалась, цеплялась за жесткие плечи, и напряженные соски терлись о ткань пиджака и рубашки, и ощущений снова стало так много, и они наслаивались друг на друга и закручивались, и нарастали...

Еще немножко, боже, пожалуйста, еще совсем чуть-чуть.

Макс выпустил мои губы и хрипло, почти болезненно застонал, ускоряя темп и понимание того, что мы с ним идем по одной тонкой грани и он держится, балансирует, чтобы позволить мне ухватить еще кусочек удовольствия... понимание этого окончательно снесло крышу.

Я запрокинула голову, вцепившись, как и мечталось, в инквизитора всеми конечностями, и чернота за зажмуренными глазами взорвалась фейерверком красок.

Мать моя ведьма, прости мне крамольную мысль!

Есть! Есть польза от инквизиции!..

Глава 11

Максим

Было ошибкой привлекать Свердлову к расследованию.

Сидел себе человек в темном углу, никого не трогал, а кого трогал — того в меру и по разумной цене.

Я легонько поцеловал ведьму в моих руках в макушку.

Так нет же, явилась инквизиция вся в белом, выпнула мизантропа на свет божий, нарушила баланс, гармонию и внутреннее равновесие.

Если Свердловка знала о своей склонности эмоционально вовлекаться в чужие проблемы — то понятно, почему выбрала подобную стратегию взаимодействия с социумом. В целом это, пожалуй, можно было считать сплавом благоразумия, экономии ресурса и инстинкта самосохранения.

Вдохнув запах притихшей ведьмы, я вздохнул: Ксюша-Ксюша!

Кто ж знал, что ты такая!.. Предупреждать же надо.

И больше беспокоила меня в связи со всем этим мысль о том, что, если после моего вмешательства Свердловка начнет неконтролируемо спасать мир, рано или поздно эту проблему будет решать инквизиция. Причем не исключено, что меня и отправят.

— У тебя какие-то планы на сегодня еще есть? — томно потянулась Ксения, ничуть не стесняясь наготы, витрины и камеры внутреннего видеонаблюдения.

— Не-а, — я выпустил четвертый размер и его хозяйку на свободу и принялся приводить себя в порядок.

— Тогда я сейчас закажу доставку чего-нибудь съедобного на дом, и поедем. Как раз пока доберемся — ужин приедет... — мечтательно рассуждала она, одеваясь.

— За руль не пушу!

— Как зна-а-аешь, — сытая кошка лениво мазнула меня бедром. — Значит, завтра выезжаем на двух машинах!

Не ухмыляться, не ухмыляться! Застегивать ремень — и не ухмыляться!

— Ксюша, я не буду платить за тебя штраф. Это вопрос принципа, — и удерживать морду кирпичом, отдавая Свердловке победу.

И ключи.

После секса думается особенно хорошо, и, пока ведьма, сменившая агрессивную манеру вождения на вальяжную, везла нас домой, я подбивал промежуточные итоги и систематизировал имеющуюся информацию.

Итак, за пять дней с начала расследования было установлено, что в городе Крапивине действительно имеет место серия убийств магического характера. В серию их объединяет единое орудие убийства и типология жертв: женщины, обладающие магическим потенциалом, но не способные дать убийце серьезный отпор.

Частично были отработаны на причастность фигуранты, попадавшие в поле зрения Ордена ранее по сходным магическим правонарушениям: Шипурина, Больц, Миргун. По результатам проверок ни одного из них не удалось твердо исключить из списка подозреваемых, но Шипурину я бы переставил в конец списка, а Больц — во главу. Миргун, с его расстройствами, кажется малоперспективным, но вероятным.

Далее. Сразу после моего приезда одно за другим были совершены два покушения на Свердлову.

Далее. В результате эксгумации, целью которой было установить, входит ли Наталья Картовская в серию, была выявлена нелегальная магическая активность на Красницком кладбище города Крапивина.

На этом пока вроде бы все.

На данный момент следствие интересуется следующее: связаны ли покушения на Свердлову с убийствами? Если да, то как. Если нет — то с чем связаны?

Связаны ли незаконная деятельность и зачистка на кладбище с убийствами? А с покушениями? (Если да — то как.)

Что еще, кроме магического дара, объединяло жертв, если объединяло?

И, самое главное, что именно двигало убийцей? Ответив на этот вопрос, следствие, с большой долей вероятности, ответит и на вопрос, кто это.

Что должно быть сделано в рамках следственных мероприятий в связи со всем этим?

Кладбище пока отодвигаем в сторону — им будет заниматься отдельная группа.

Мне же нужно, во-первых, изучить контакты Картовской, которую мы обнаружили четвертой, но которая хронологически была второй жертвой, — учитывая, что она практиковала как гадалка, контактов у нее будет много. В этом направлении предстоит много кропотливой оперативной работы.

Если связей с прочими жертвами так и не выявится — можно будет предположить, что жертв убийца выбирает наугад.

Еще одно направление работы — связи и контакты последней убитой, Давиденко Лидии. В первую очередь, оценка магического потенциала членов ее семьи. Большую часть работы по Давиденко можно оставить обычному следствию, чтобы потом позаимствовать у них результаты, но магическую идентификацию можно сделать только лично — значит, ехать загород. Хорошо бы стряхнуть с хвоста Свердлову: она хватает подопечных, как собака репы, если и там кого-то подберет — будет весело.

Третье — поиск недостающей жертвы. Тела наш убийца не прячет, так что нашли ее уже, наверняка нашли. Поднять сводки за апрель-май — и где-то она точно всплывет, не может не всплыть, вопрос только в широте охвата.

Четвертое направление — разобраться с возможными ритуалами. Загрузить орденских теоретиков, а здесь скинуть это на Свердлову, и пусть дома сидит, в книгах роется, а не шляется по родственникам убиенных!

План мероприятий получался внушительным, но внятным — взглянуть приятно. Однако не успел я им как следует полюбоваться (а Ксения — довезти нас до дома), как жизнь в очередной раз показала, где она видала все и всяческие планы.

В этот раз — с помощью телефонного звонка.

— Макс? Срочно к нам, тут какая-то хрень, возможно, по твоей части!

— Администратор Красницкого кладбища со вчерашнего дня не появлялся дома — где он, выяснить не удалось. Начали по нему работать, нужна твоя помощь. Как можно быстрее, нужно срочно выставить отвод глаз, а то того и гляди любопытные набегут, а я днем на защите кладбища выложился. Адрес тебе скинул.

Брат Кирилл, дознаватель второй степени Ордена инквизиции, поставленный во главе рабочей группы по Красницкому кладбищу, из-за ерунды дергать не стал бы. Раз говорит, что нужна помощь, — значит, надо ехать и помогать.

— Куда нам? — деловито уточнила Ксюша, не выказывая особого протеста от того, что рабочий день внезапно продлевается.

Но вот у меня в этом месте возникала сложная морально-этическая дилемма.

Тащить голодную ведьму к живым людям?

Ксения Егоровна в общении с незнакомыми инквизиторами — это, в принципе, аттракцион для сильных духом. А если она еще и некормленная...

Она на месте происшествия мгновенно устроит склоку, свару и цыганочку с выходом (привет, опыт, сын ошибок трудных!).

Ехать забирать наш заказ и кормить ведьму — нет времени. Следственная группа работает без прикрытия от непосвященных.

Хорошо бы отправить ее домой спокойно ужинать в одиночестве и отдыхать — но чувство долга не позволяет, нашептывая, что, стоит выпустить Свердлову из поля зрения, тут же, по закону

подлости, активизируется нападавший.

Как никогда близкой показалась мне школьная логическая задачка про лодочника, волка, козу и капусту.

Моя коза поглядывала на меня, терпеливо дожидаясь, пока я приму решение.

— Так. Сейчас сворачиваем к ближайшему фаст-фуду и покупаем какую-нибудь шаурму на скорую руку...

— Это еще зачем? — удивилась Ксения Егоровна, но послушно посмотрела по сторонам и переложила курс. Все-таки удобно, когда за рулем водитель, хорошо знающий город. — До дома доберемся — потом поедем...

— Нет уж, голодная ведьма к братьям-инквизиторам не поедет. Во-первых, мне эти братья нужны работоспособными и непроклятыми, а во-вторых, твои сиськи — достояние нации, и их нельзя в тюрьму!

Умение сказать пошлость, сохраняя интеллигентное выражение лица, — мое тайное супероружие со студенческих времен. Безотказно действует!

Вот и Ксюша растерялась между двумя вариантами — оскорбиться или возгордиться — и позволила мне сперва выскочить из машины за шаурмой, а потом безболезненно провести рокировку и выставить ее из-за руля.

Кирилл вызвал нас в частный сектор, чуть более зажиточный, чем тот, куда я наведывался в первый день расследования, но именно что «чуть» — так, заборы малость повыше да ворота слегка поновей.

— Стеценко Владимир Степанович, одаренный, администратор Красницкого кладбища, трудился на этой должности более десяти лет, занимал также одну ставку сторожа. У инквизиции до недавнего времени к нему вопросов не возникало: ни в чем предосудительном замечен не был, пара мелких штрафов не в счет. Но в нынешней ситуации, естественно, был первым в списке подозреваемых.

Невысокий, коренастый брат Кирилл с последней нашей встречи изменился не слишком: все та же стильная бородка, все так же рыж. Пожав мне руку, он с ходу принялся вводить нас в курс дела, пока я, задействовав орденовский медальон, накрывал отводом глаз нужный дом, пару автомобилей перед ним с номерами другого региона и крепких ребят в штатских костюмах. Как только я закончил выплетать защиту, один из этих ребят, подпиравший спиной калитку, с явным облегчением сдвинулся с места — а за ним обнаружилось слабое радужное мерцание.

— Защита, — хмуро пояснил Кир. — Войти во двор — раз плюнуть, но цветомузыка будет на весь микрорайон... Жека в последний момент перехватить и зафиксировать сумел. Я пока вообще пустой, так и стояли: вроде и взломать в любой момент можно — а хрен сунешься.

Я помрачнел: на тюремное заключение Стеценко себе уже заработал. Вот такие охранки, вроде бы безобидные, но демаскирующие магию перед непосвященными, строго запрещены. И судьи Ордена щедро отсыплют за них наказания.

И если уж, зная об этом, колдун применяет такие чары...

Парни из группы, дождавшись разрешающего кивка от дознавателя, деловито вскрыли ворота и заскочили во двор, проверяя каждую пядь пространства вокруг себя. Мы остались ждать, пока нам дадут добро на нашу часть работы.

— Мы с ним вчера связались, как только получили принципиальное решение местной администрации по работам, — продолжал рассказывать между тем Кир.

На Свердлову он косился, но я с самого начала условным знаком дал понять, что обсуждать расследование при ней можно.

— Естественно, не предупреждали, что им интересуется инквизиция. Назвались представителями фирмы, выигравшей тендер на благоустройство кладбища, договорились о встрече на сегодня. Стеценко снимал комнату под офис ближе к центру. И главное, хрен его знает, что его насторожило! В городской администрации не знали ничего, кроме легенды! — уважаемый дознаватель второго ранга экспрессивно стукнул по воротам, и те загудели, отзываясь на молодецкую силушку.

Ксения Егоровна смерила Кирилла заинтересованным взглядом — тот машинально расправил плечи, не заметив, что в глазах ведьмы мелькнул плотоядный огонек.

Я постарался выражением лица донести до нее просьбу: «Веди себя прилично!», но уверенности, что меня поняли, не почувствовал.

— Но, когда мы приехали, в его офисе никого не было, — Охрана и люди из соседних контор говорят, что Стеценко сегодня и не было. Телефоны не отвечают: аппарат вне зоны. Вера с Костей остались разбираться со служебными бумагами, а мы с парнями рванули по домашнему адресу, а здесь...

— Твою мать! — донеслось из дома, и мы, не сговариваясь, ломанулись в открытую калитку.

Женщина распласталась на спине на полу кухни, и кровавое пятно, расплывшееся на груди, успело побуреть.

Чего-то вроде этого я после вопля из дома и ожидал.

— Похоже, со вчера лежит, — мрачно отчитался Жека. — Минимум — с ночи.

Я присел на корточки рядом с трупом.

Ножевое в сердце. Да неужто?..

Боясь спугнуть удачу, я даже про себя не стал формулировать предположение.

Для начала следует убедиться.

Осторожно зачерпнув силы из медальона, я сплел нити в несложные чары.

— Одаренная, — резюмировал я, получив отклик.

— Ну да, — через мое плечо нагнулась к убитой Ксения Егоровна. — Это Куропятникова тетя Валя, из наших. Она аптекарь, работает в аптеке на углу Брусникина и Дворцевого, гомеопатия и прочая фитотерапия для непосвященных и расширенный ассортимент для тех, кто понимает.

Выпрямилась, заправила за ухо выбившуюся прядь и критично сама себя поправила:

— То есть работала.

Я поднялся с корточек:

— Кирилл, похоже, это мое.

— Не претендую, — уступил он. — Руководи.

— Осмотри здесь со своими все, постарайтесь не наследить, позже вызовем местную полицию. В общем, вы сами все знаете.

Кирилл кивнул и начал деловито раздавать указания, а я вышел на улицу, чтобы не мешать, — мне нужно было поговорить по телефону. И успел услышать, как за моей спиной Ксения Егоровна с искренним участием интересуется у Кириухи:

— Господин дознаватель, может быть, я чем-то могу вам помочь?..

Пор-р-роть!

— Андреич, добрый вечер. Говорить можешь?

— Привет, — отозвался Левашов.

В трубке на заднем плане слышался говор телевизора и женский голос, интересующийся: «Солнце, кто это?», потом хлопнула дверь, и фоновые звуки отрезало.

— Да, Макс, могу. Что у тебя?

— У меня тут труп. Возможно, наш, хотя сказать точно должен будешь ты. С одной стороны, ножевое в сердце и жертва подходит, с другой — характерных магических следов нет. Мы сейчас все по своей части проверим и вызовем местных. Надо, чтобы клиент попал именно к тебе. Мне нужно знать, тот это нож или нет. Так что нужна твоя помощь.

Левашов ответил не сразу.

— Максим, я сам собирался тебе звонить. Я на работе взял отгулы за свой счет, жену на отдых везу. Кто ж знал, что по вашему делу внеплановый труп вылезет, там последний был неделю назад...

Да чтоб вас всех побрало, с вашим южным неторопливым темпом жизни!

Но не успел я развить эту мысль дальше, как он деловито предложил:

— Предлагаю так: давай адрес, я сейчас приеду и проведу осмотр на месте. Что смогу — скажу. А когда вернусь, выясню все остальное.

От сердца чуть отлегло. Ладно, главное, чтобы Андрич ответил, тот или не тот нож. Остальное терпит.

— Хорошо. Когда тебя ждать?

— Дня через три вернусь. Если что-то срочное будет, могу раньше, но не хотелось бы — Надя расстроится... — и спохватился раньше, чем я успел его поправить. — А! Ты про место происшествия? Да минут через двадцать буду.

Люблю Крапивин. Чудесный город...

Свердлова прошла совсем рядом, мазнула шикарней задницей по моему бедру и с крайне независимым видом принялась оглядывать пустой двор.

...и люди хорошие.

— Кирюха жив?

Меня сморили высокомерным взглядом:

— С ума сошел? Их же там трое!

— Ксюш. Не дури, ладно?

— О, господи! — она закатила глаза. — Ты долго будешь мне по голове стучать, как молоток?

— Ксюша. Мы договаривались: никаких игр вокруг работы.

— Нет, Соколов! Ты не молоток — ты занудный шуруповерт!

Не реагировать на закатывание глаз. Не вестись на фыркание. Смотреть в глаза твердо и выжидательно.

— Хорошо, хорошо! Только не смотри так, а то мне во всех грехах покаяться хочется! — Ксения щелкнула пальцами по крупному листу какого-то плетущегося растения и сменила тему: — Ну что, Стеценко — наш маньяк?

— Пока не знаю. Работаем.

— Но вообще, я к тебе не за этим пришла, — теперь Ксения говорила вроде бы серьезно, не выделяясь.

Что, вообще-то, большое чудо и редкость.

— Я думаю, что кладбище зачищал Стеценко. По крайней мере, здесь, у него дома, чары применялись точно такие же, и рука та же, это чувствуется.

Спасибо, Ксения Егоровна! А то ж Кирюха с пацанами сами не сообразят — они ж на кладбище не были!

Но вслух только кивнул: согласен.

— Так может, я ребят кликну, и мы... того? Повторим, м? — соблазнительно выгнула темную бровь ведьма.

Мне стало стыдно за свое раздражение. Человек предлагает добровольную помощь, и она вовсе не виновата, что у меня единственный местный эксперт надумал на выходные свалить!

— Не надо, — я вздохнул и пояснил: — Не хочу пускать посторонних на место преступления.

— Ой, да ладно! Вы все равно будете их допрашивать, вон, твой приятель копытом бьет, так знать хочет, кто мог предупредить администратора!

— Допрашивать — будем. А на месте преступления им делать нечего.

У Кирюхи вроде в команде есть специалистка. Женщин в инквизиции на оперативных должностях

немного, так что эта его Вера, скорее всего, ведьма на службе у Ордена.

— Пойдем поглядим, что там братья нарыли, — позвал я Ксению, и крапивинская (что бы там она ни говорила!) Хозяйка пожала плечами и поцокала каблуками вслед за мной по плиточному двору.

Кстати... Припоминая, как складываются у Ксюши отношения с любой мало-мальски независимой женщиной... Надо предупредить Кира, чтобы его и моя мадам наедине не оставались, а в идеале — вообще не пересекались!

Ксения

Дурацкое какое-то занятие — следствие.

Я думала, что это как-то поинтереснее, а на деле — сплошные вопросы и никаких ответов.

Когда мы вернулись к остальным, рыжий Кирилл обрадовался Максу как родному:

— О, Макс, тебя-то и надо! Иди, чего покажу!

И притащил в подвал. После такого вступления я ожидала бог знает каких находок, но слова дознавателя оказались обычной маркетинговой уловкой: в подвале, сияющем пустотой и чистотой, показывать уж точно было нечего.

Вот мой инквизитор — настоящий, он никогда так не делает, сказал «Покажу!» — значит, покажет, а этот... Дешевая китайская подделка!

А мужики переглядывались с умным видом, явно что-то имея в виду, и не спешили озвучивать это вслух, специально для недоумевающей Ксюши. Но я не гордая, у меня язык не отсохнет спросить:

— И что мы должны здесь увидеть?

«Поддельный» инквизитор взглянул на меня снисходительно, и я мстительно колыхнула бюстом — выражение собственного интеллектуального превосходства растаяло, как и не было, и мысли в кучу рыжий собрал с некоторым трудом:

— Ксения Егоровна...

— Можно просто — Ксения, — с обаятельной улыбкой перебила я.

— Ксения, смотрите...

— И на «ты»!

Макс посмотрел на меня с укором.

Ой, можно подумать — можно подумать! Что, теперь слабая женщина не может позволить себе невинного удовольствия перебивать хама?! Нежные все какие...

Его коллега наживку между тем заглотил охотно:

— Ксюш, ну, смотри: дверь в подвал металлическая и с хорошим замком, а подвал абсолютно пустой. Непонятно, как его использовали, но явно не хозяйственные заготовки хранили: нет ни полок, ни следов, что они когда-то имелись.

Я осторожно повела носом. Что здесь за запах?

— И еще, — Кирилл повернулся к Макс. — Денег и личных документов Стеценко в доме в процессе досмотра не нашлось. Ни в шкафах, ни в холодильнике продуктов нет, сам холодильник отключен. Зато в гардеробе на верхней полке между вещей есть пустой проем, размером подходящий, например, для чемодана. Трудно сказать, пропало ли что-то из одежды, поскольку мы не знаем, сколько ее было изначально, но на одежных полках присутствует некоторый беспорядок — как будто кто-то взял часть вещей, а потом на освободившееся место завалилась соседняя стопка.

Он пожевал губами в задумчивости и добавил:

— Плюс... в доме слишком чисто. По нашим сведениям, Стеценко — холостяк, постоянной подруги не имел — а порядок здесь такой, будто все языком вылизано. Я специально заглянул и проверил: на шкафах пыли нет, под кроватью в спальне тоже. В ванной ни разводов нигде, ни потеков... Хрен его знает, конечно, может, мужик по жизни такой аккуратист. Но не похож: у тех, кто часто и тщательно наводит порядок, обычно куча всяких специальных средств для этого имеется, а здесь из бытовой химии только моющее для посуды и средство для унитаза. На мой взгляд, больше похоже на то, что клиент собирался в бега с комфортом: убрал из дома все подозрительное, подвальчик этот, к примеру, освободил, провел магическую зачистку — почерк, кстати, тот же, что и на кладбище.

Я торжествующе хмыкнула: я же говорила!

И тут же пожалела: запах, пусть и ощутимый на грани обоняния, но раздражающий, снова коснулся чувствительного ведьминского носа.

— Затем вызвал клининговую компанию, — продолжал строить версию Кирилл, пока Макс

сосредоточенно и внимательно слушал, — и ему надраили дом до блеска, попутно уничтожив любые следы преступной деятельности, за которые могли бы зацепиться наши коллеги из обычной полиции. И только после этого собрал вещи и документы — и отчалил в неизвестном направлении.

Гений! Как есть гений!

— Не знаю насчет уборки, но вот полки из подвала он мог убрать на время ремонта, — с невинным видом вклинилась я в его речь, потому что наконец-то опознала бесячий запах...

— Какого ремонта? — обернулся в мою сторону Макс, который последние десять минут не уделял мне внимания, самым возмутительным образом предпочтя сногсшибательной брюнетке посредственного рыжего.

— Ну-у-у... — протянула я, — не знаю! Стены там оштукатурить...

Оба замерли на выходе из подвала, который уж было собирались покинуть. Оба синхронно дернули носами. Переглянулись...

— Твою мать! — выдал Кирилл и ринулся наверх, прыгая через три ступени разом.

Мужики за дело взялись с энтузиазмом: тонкий слой белой шпаклевки со стен полетел с рекордной скоростью.

Не знаю, каким заклинанием они при этом пользовались, но я взяла на заметку, к кому обращаться, если надумаю делать ремонт (когда отойду от психологической травмы, нанесенной мне прошлым подобным мероприятием).

И через считанные минуты банда инквизиторов-шабашников получила возможность сквозь белую пыль, висящую в воздухе, полюбоваться рунической росписью стен, пола и даже потолка подвала. Выполнено было мастерски, что ни говори.

Один только беглый взгляд вычленил минимум три функции: сложная вязь экранировала эманации, усиливала направленные магические воздействия и стабилизировала потоки.

Идеальное сочетание для магической мастерской.

Очень, очень хотелось бы знать, что именно наш маг здесь мастерил?

— Ничего себе! — присвистнул Левашов и закашлялся, спускаясь по ступеням к нашей теплой компании. — Что тут у вас? И где обещанный труп?

— Ну, что я могу сказать? — когда Левашов закончил осмотр и стянул перчатки, вокруг уже уверенно сгущались сумерки, а сверчки в кустах завели свою вечернюю песню.

— Самое главное: нож не тот. Во всех прошлых случаях в качестве орудия убийства выступал нож с длиной клинка около двадцати сантиметров и шириной у основания в районе трех. Этот нож короче и шире. Что касается времени смерти — телу не меньше суток. Я бы сказал, около двадцати четырех — двадцати шести часов. Больше, к сожалению, ничего сказать не могу. Вернусь — добуду больше сведений от коллег.

— Да не надо, — поморщился Кирилл. — К вашему возвращению у нас, скорее всего, вся информация ваших коллег уже будет.

— Давайте сворачиваться, — распорядился Соколов. — Подвал закрыть, и я его отводом глаз запечатаю, а вы пока пробегитесь по дому и убедитесь, что нигде наших следов нет. И до завтра прощаемся.

Парни разбежались выполнять указания, Левашов принялся складывать свой чемоданчик, а я затосковала: впереди отчетливо замаячила перспектива экстренной готовки.

Нет, ну чем плоха яичница?

Я дернула Макс за рукав:

— Сейчас нужно будет заехать в магазин, купить что-нибудь к ужину...

Инквизитор, которому съеденная на ходу шаурма тоже была что слону дробина, тоже погрузился, но покладисто кивнул.

Левашов перевел взгляд с него на меня, что-то там сообразил и вдруг улыбнулся:

— Ребят, а не хотите у нас с женой поужинать?

В отличие от судмедэксперта, я примерно предполагала, как обрадуется его жена внеплановым гостям к столу, и потому с благодарной улыбкой отказалась:

— Спасибо, Кирилл Андреевич, не хотим стеснять вашу супругу!

— Надя вареников с вишней наготовила...

В дороге мы с Максом еще как-то сохраняли рабочий настрой, обсуждая странности в поведении преступника: сначала он хладнокровно и скрупулезно уничтожает все улики, а потом бросает в доме труп? Но потом приехали к Левашовым, где под виноградником призывно и уютно светился фонарь в латунном переплете, а прямо под ним во дворе нас уже дожидался накрытый стол: покромсанные в салат огурцы и помидоры, пласты домашней брынзы, при виде которых мой инквизитор посветлел лицом, и укутанная полотенцем кастрюля с варениками.

— Знакомься, Наденька, это мои коллеги, очень хорошие ребята. Ксения, Максим, это моя супруга, Надежда Павловна!

— Ой, та просто Надя! — махнула рукой немолодая уже женщина, в отличие от худощавого Андреича, дородная и округло-приятная. — Вы мойте руки и садитесь скорее, знаю вас, молодежь: весь день в бегах, поесть толком некогда!

«Ксюша, Ксюша, ты хотела скинуть пару-тройку килограмм!»

— Спасибо, мне салатик! — мужественно объявила я за столом.

И прикусила губу, чтобы не засмеяться, когда жена Левашова схватилась за сердце:

— Ой, какие я варенички наварила! Ой! — она придерживала пышную грудь, качала головой от восторга и постанывала. — Да без косточек же ж! Да такие сочные!

Держаться! Держаться, Ксюша!

А как держаться, когда плечом чувствуешь, как трясется рядом в беззвучном смехе Макс?

— Ой, как варенички мне удались! — и в тарелку инквизитору сыпались они, просвечивая начинкой сквозь тонкое тесто.

— Ну, попробуешь?

И под взглядом хозяйки, лукавым и искусительным, я сдалась:

— Давайте три штучки!

— Та давай пять?

Левашов, когда пригласил нас в гости, сразу предупредил, что его жена — не одаренная и вообще про магию не знает, да я и сама видела, что колдовского дара у Надежды Павловны нет... Но ведьма она самая что ни на есть натуральная!

Прощай, диета! Приветствую вас, килограммы!

Откуда, ну откуда у любой зрелой женщины это всепоглощающее желание — накормить все, что сопротивляется?

— Наливочку будете? — между тем хлопотала над гостями хозяйка.

— Нет-нет, я за рулем! — отказался Макс.

А я обиделась: вы посмотрите! За рулем он! За рулем — он!

— Надюша, ну какая «наливочка», в дорогу же завтра, — тут же вскинулся бдительный Левашов.

— Ну так не с утра ж поедем, а в ночь, — пожала плечами его супруга. — Ну и пейте ваш чай. А девочки — будут!

И внезапно чмокнула недовольного мужа в макушку:

— Не нуди, старый черт!

И такой нежностью повеяло от этого жеста, что я смутилась.

А Левашов — отступил.

Ситуация стремительно выходила из-под контроля.

Потом заглянула соседка, которая оставалась у Левашовых на хозяйстве, пока они в отъезде. Заглянула вроде бы по делу, что-то уточнить, но разговорилась, присела на минутку — и вскоре уже звонила домой:

— Дашута, бабушка там кабачков нажарила, будь зайкой, принеси к бабе Наде!

А девчоночий голос в трубке с неподражаемыми ворчливыми интонациями уточнял:

— Настойку брать, или второй раз меня гонять будете?

Потом заглянула другая соседка, прижимая к крутому боку кастрюлю с оладьями, томленными в сметане, — и эти оладьи я ела, как запретный плод, с ужасом (оладьи! в сметане! с сахаром! ночью!) и восторгом, ибо на вкус они были как забытое детство, как безмятежность, как вкуснейшая в мире прабабкина стряпня, и я цепляла их вилкой, наплевав на все на свете, а тетки жалостливо цокали языками, осуждающе смотрели на Макса: «Совсем замордовал девку, изувер!» и подпихивали поближе ко мне кастрюлю...

Потом мы пели «А мой милый вареничків хоче», правда, слов ни одна до путя не знала, но кого бы это останавливало?

Было весело и смешно.

Особенно уже дома, когда Макс запирали двери на ночь на все замки и выговаривал мне:

— Ксюша, ну ты же ведьма! Как можно было так нализаться с одной бутылки?!

Ой-ой-ой, я не могу!

Сказать ему, что ли, что в трехлитровой банке с компотом был не компот?

Вместо этой, совершенно лишней для инквизитора информации, я оплела его руками, вдумчиво поцеловала (краси-и-ивый все же!) и примирительно предложила:

— Пойдем в душ?

— Пойдем... пьянчужка, — ворчливо согласился он.

И подхватил меня, когда я, зацепившись каблуком, едва не полетела на пол.

Да, специально. Ну и что? Я что, не женщина, что ли? Не имею права помечтать, чтобы меня носили на руках?

...хоть так, если иначе не выходит.

Вода упруго лупила по широким инквизиторским плечам, разбрасывая брызги вокруг. Макс честно пытался настроить угол наклона распылителя так, чтобы поток попадал на нас обоих, но шансов на успех имел мало: крепление было давно и безнадежно сломано.

Я же была занята важным, нужным (и приятным!) делом: мешала.

Гладила грудь, твердый (мне на зависть) мужской пресс, плечи и руки.

Хочу отметить, что я в своем занятии достигла больших успехов, чем инквизитор — в своем.

По крайней мере, вода из распылителя так и летела куда попало, а у моего объекта ускорился пульс и сердце застучало часто, разгоняясь под моими руками. А уж когда к делу подключились губы...

Вода, дробясь об мужскую спину, дождем стучала по поддону.

Мой пульс спешил догнать этот ритм, сосредоточившись в губах.

Гладкая мокрая кожа скользила под языком, кружила голову самым простым — но и самым трепетным ощущением. Вода шумела и собиралась вокруг ступней перед тем, как уйти в сток, мужское сердце колотилось в грудную клетку, как в барабан, а для меня весь мир сосредоточился на кончике моего языка.

Я с упоением слизывала случайные капли, а Макс замер, почти не дыша, хотя я от него этого совершенно не требовала. Хотя так, конечно, было удобнее! Теплый, живой, отзывчивый, но при этом еще и поворачивающийся, как мне удобно. Хор-роший инквизитор...

Теперь вода была Максу в затылок, и он стоял, опустив голову и прикрыв глаза.

Положив руки ему на грудь, я полюбовалась тем, как прозрачные ручейки сбегают вниз между моих пальцев, и снова прижалась губами к мокрой коже, медленно стекая вниз вместе с водой.

Когда я задела его член грудью, Макс шумно выдохнул и качнулся, и я сквозь внутреннее ликование рассмеялась: знаю я, что ты там себе тут же нафантазировал! Ну уж нет!

Ну...

Не сегодня.

Не сейчас.

Сейчас мне хочется другого.

На татуировки инквизиторского пуза я облизывалась уже три дня. Колдовские печати, набитые вдоль косых мышц, звали и манили причудливыми изгибами темных знаков. И в моей голове они обязательно, вот просто всенепременно должны были быть невероятно хороши на вкус!

Примерившись, я лизнула снизу вверх через все печати, с восторгом и упоением ощущая покалывание на языке, как от шипучки.

Макс дернулся, запустил пятерню в мои волосы и потянул назад:

— Ксюша!

Я подняла на него глаза. Медленно высунула язык. Коснулась татуировки самым кончиком. Медленно лизнула, не разрывая взглядов. Ресницы мужчины дрогнули, прерывистый вздох качнул грудную клетку. Я подалась вперед, преодолевая почти болезненное натяжение в волосах, прихватила кожу губами — я бы и зубами прихватила, но под кожей были твердые мышцы, и они зубами категорически не прихватывались. Поцелуй в центр печати стрельнул онемением на кончиках пальцев.

Если инквизитор хотел меня остановить, то думать об этом нужно было раньше.

Кажется, светлая мысль эта до Макса тоже дошла, потому что хватка на моем затылке ослабла.

Упоенно вылизывая, выцеловывая подрагивающий живот, я сама не заметила, как у меня в ладони оказался напряженный член.

«Чтобы держаться было удобнее!» — решила я, задумчиво примериваясь к горячей твердости в ладони. Хихикнула, сама себя одернула и таки куснула вредного инквизитора, который, во-первых, печатей мне пожалел, а во-вторых, смешит!

Макс зашипел и снова дернулся. Я примирительно зализала пострадавший бок, параллельно размышляя: ладно печати, а доверит ли инквизитор зубастой ведьме самое дорогое?..

Пальцы дрогнули, перебрали по нежнейшей коже, и я отпустила добычу. Положила ладонь на бедро — и... с наслаждением вогнула в него ногти.

А когда инквизитор, выгнувшись, зашипел, в качестве извинения потерлась лицом о другое бедро. Словно случайно задев щекой о мужское достоинство.

Макс вздрогнул. Выгнулся, упершись затылком в стену душевой. А я удовлетворенно прикрыла глаза: да-а-а!

И потерлась снова — на этот раз мазнув по члену и губами.

Как свидетельство своего триумфа приняв хриплый вздох сверху.

Легонько, едва касаясь, протянула кончиком языка вдоль всей длины напряженного члена, наслаждаясь ощущением горячего бархата, ощупывая вздутые вены и растворяясь в процессе. Удивительно увлекательное занятие!

Зубы коснулись плоти слегка, едва ощутимо, а потом слегка прикусили — для остроты ощущений и потому что хотелось. Но чертов инквизитор не поддался на провокацию, никак не отреагировал, и я с разочарованием отказалась от затеи. Не то чтобы от всей полностью — только от части с

запугиваниями. И вместо этого протянула по члену языком уже с силой, от души. Оплела его пальцами у основания, обхватила головку губами, лаская ее языком, посасывая, покусывая, слегка втягивая в себя — и выставляя язык препятствием, когда инквизитор пытался толкнуться глубже.

Вот еще! Нечего! Я сама!

Запах, терпкий и греховный, щекотал обоняние, между ног у меня набухло и пульсировало, и я пальцами ласкала набухшие скользкие складки и клитор, не замечая, что подаюсь бедрами, всем телом вслед за ритмом, который задает мой рот.

Прижимаясь грудью к его коленям, лаская яички, я увлеченно надевалась ртом на твердую плоть, сходя с ума от своей непристойности, от его неподвижности, от толкающегося вглубь рта члена... И от собственной сумасшедшей похоти и нежности к этому чертову дураку.

И когда он дернулся, попытавшись отстраниться, сжала губы и втянула в себя плоть.

— Ксюша, я сейчас...

Да! Да-а-а! Сейчас!

Лаская языком его, лаская между ног в том же ритме себя, я двигала головой, желая всем существом этого самого «сейчас».

И когда горячая солоноватая жидкость потекла в меня, прогнулась вперед, к нему, прижимая клитор, даруя себе тоже оргазм...

Ослепительные мгновения наслаждения чреватых приходом в сознание. Но я бы смогла растянуть их на подольше, если бы кто-то сверху не пристал ко мне с дурацкими вопросами.

— Ксюша, — хриплый голос инквизитора вплетался в искусственный дождь душевой кабины. — Как ты себя чувствуешь?

— Как?

Я задумчиво поднялась на ноги, отряхнула с себя воду, прислушиваясь к своим ощущениям (Отличные ощущения! Только икры немного затекли.).

— А как может чувствовать себя ведьма, вставшая на колени перед инквизицией? Униженной и оскорбленной!

С этими словами я независимо развернулась и вышла из душевой кабины, гордо вздернув голову.

Зря, кстати — чуть через порог не навернулась.

Весь эффект бы смазала!

— Ксю, стой! Стой, ведьма! — то ли ржал, то ли ругался мне в спину этот бесчувственный чурбан. — Мы помыться забыли!

Вот блин... А я — еще и вытереться!

Сообразив, что стою голая и мокрая посреди ванной, я моментально замерзла, обхватила себя руками и юркнула обратно в кабину, под горячую воду, прижавшись к Максусе всею холодной Ксюшей.

Господи, ну что за мужик, мы в ванной уже полчаса, а он до сих пор распылитель не поправил, вода куда попало летит, как, вообще, так можно купаться?!

Глава 12

Максу позвонили в шесть утра. В шесть, мать его, утра!

Вот так и рождаются легенды о злобных ведьмах, уничтожающих земли и города. Просто в легендах умалчивают, с чего все начиналось, — а начиналось именно с пробудки в шесть утра, наверняка.

— Ты чего подхватила? — рука Макса легла на мое бедро, переползла на живот, а с него на грудь. — Спи.

Соколов утешающе чмокнул меня в лопатку.

Нет уж! Зло должно быть наказано!

Я потянулась всем телом, вытянувшись на боку в струнку.

— Ясно... — вздохнул инквизитор. — У тебя есть среди твоих сборов что-нибудь тонизирующее? Раз уж досыпать не думаешь — завари, мне сегодня понадобится.

Поня-а-атно, утреннего секса мне не дадут.

Связалась с трудоголиком, прости господи!

Все еще не чувствуя в себе готовности к членораздельной речи, я скатилась с постели и побрела на кухню, звонко шлепая босыми ногами по полу и свесив волосы, как девочка из фильма «Звонок».

Пока чайник грел первый за день литр воды, я сосредоточенно колдовала над заварником: веточку того, щепотку сего, дунуть, плюнуть и «мысленно щелкнуть хвостом».

Ну, вроде бы ничего так должно получиться.

Созерцая плавающие в заварнике травинки, я раздумывала: а не позвонить ли мне Шипуриной? Ну а чего... Раз уж я не сплю в шесть утра, остальным-то зачем?

И уже всерьез склонялась к «а позвонить!», когда в кухню появился Макс, зевнул, не разжимая зубов, поцеловал меня в шею, шлепнул по заду и провозгласил:

— На зарядку!

Ч-ч-что? Стоп! Это же была разовая акция!

Но на мой пламенеющий негодованием взгляд инквизитор-садист только ухмыльнулся:

— Давай-давай! И так у нас в последние дни режим ни в дугу...

— Нет.

— Да.

— Нет!

— Да.

— Иди ты к черту. Не буду я делать эту твою идиотскую зарядку. А если тебе что-то не нравится — проваливай из моего дома, понятно?!

Ра-а-аз. Два-а-а. Тр-ри-и-и... Че-е-еты-ы-ыре...

Какой мудака вообще придумал отжимания?!

— Мы вчера начали работу по кладбищу, — излагал причину бесовственно ранней пробудки моего личного инквизитора инквизитор приبلудный, прихлебывая из кружки то, что можно было условно назвать чаем, но вот как раз чая и не содержало. — Дело осложняется тем, что документации по захоронениям у нас в наличии нет никакой: этот урод свой офис подчистил так же аккуратно, как дом. Разве что в офисе трупов не оставил, спасибо ему большое, конечно, за это.

Чай Макс ему налил сам, не подпустив меня — предварительно тщательно проанализировав содержимое на глаз, нюх и магически. Трус несчастный. Как будто оно мне нужно — травить их

братию!

Вот зачем он мне идеи подкидывает?

— Наш спец сейчас восстанавливает электронный архив Стеценко, говорит, что шансы неплохие, компьютерным гением кладбищенский деятель явно не являлся, даже продвинутым пользователем назвать его нельзя, снести базу данных бесследно он не сумел, так что это только вопрос времени. Но и без того уже понятно, что именно делали на кладбище. Мы проверили примерно треть отмеченных захоронений. В некоторых не хватает фрагментов тел, в некоторых — элементов убранства. Кость утопленника, язык висельника, пояс самоубийцы... По суицидникам — это только предположения, пока у нас нет кладбищенского архива, этот нюанс мы проверить не можем. Но, исходя из общей картины, предположения, печально близкие к истине. Держи, — он подвинул к Макс папку. — Отчет.

— А ничего... лишнего нигде не добавилось? — деловито уточнила я.

— В исследованных могилах — нет, — был краток инквизитор Кирилл.

Ясненько. Значит, подкладами, когда в «домовину» к покойному подбрасывают «привязанную» к живому вещь и путем насквозь черного ритуала, пусть не слишком быстро, но эффективно и без особых следов, сводят в могилу, казалось бы, здорового человека, наш дорогой Стеценко Владимир Степанович не баловался.

Минус одна версия.

Что остается? Ритуалы, требующие изъятия, а не подбрасывания. Артефакты, зелья — все чернее черного, само собой.

— Мои пошерстили госреестры, и выяснилось, что на этого Стеценко было зарегистрировано несколько гаражей. Ребята разделились на пары: двое поехали отсыпаться, а двое — отправились в гаражные кооперативы...

— Твою мать, — вдруг перебил его Максим и с силой потер ладонями лицо. — Все. Можем не искать, кто предупредил Стеценко об интересе инквизиции. И твои на месте ничего не найдут — предупреди их.

— Так, а теперь подробнее? — напрягся гость.

— Это я его спугнул, — ответил Макс и замысловато выругался, пройдясь по родословной Стеценко вдоль и поперек. — Одиннадцатого числа, в день приезда в Крапивин, я был на Красницком кладбище, идентифицировал как ведьму покойную Марину Саврасову. В ту же ночь нас со Свердловой попытались убить, и теперь я думаю, что Ксению хотели убить либо вместе со мной, либо вовсе для отвода глаз, а утром в новостях говорили о пожаре в гаражном кооперативе.

— Макс! — взвыл его коллега. — Ну что ж ты сразу не сказал!

— Ты меня за идиота не держи! Я вообще-то там орденом медальоном ни перед кем не тряс! — вызверился мой инквизитор. — Понятия не имею, как...

И Соколов снова потер лицо, зло и ругаясь в ладони.

Ох уж эта святая вера Ордена в собственную неопознаваемость!

У колдунов и ведьм сила своя собственная — а у инквизиторов заемная, и источник ее в том самом медальоне, приоткрывающем доступ обычным, в общем-то, смертным к миру Силы.

Да, вычислить инквизитора магическими методами невозможно — точно так же, как вроде бы нельзя отличить обычного гражданина от служителя закона в штатском. Верно.

Вот только матерый правонарушитель полицию чует спинным мозгом.

Так и у нас: кроме магии, есть еще и чутье, и... жизненный опыт, словом.

Кирилл с сосредоточенной рожей набивал сообщение подчиненным.

— Хм... Макс...

— Что? — мрачно поинтересовался он.

— У тебя твоя профессия на лбу написана. Я поняла, чем ты дышишь, как только вошла в магазин.

— Я стоял к тебе задом, — мрачно огрызнулась моя радость.

— Значит, на задку. — Я не сочла нужным спорить с расстроенным мужиком из-за мелочей.

— Ксюша! — проникновенно так обратился ко мне инквизитор.

О, кажется, сейчас меня обложат матом!

— Принеси, пожалуйста, мой ноутбук из комнаты, если тебя, конечно, не затруднит, — мягко продолжил он.

Эм... Можно считать, что меня сейчас послали?..

— Нет, ну что-то здесь не сходится, — буравил стену взглядом Кирилл, пока Макс сосредоточенно долбил по клавишам своей зверь-машины. — Не так уж удивительно, что ведьма, находящаяся в конфронтации с Орденом, распознала его представителя у себя в магазине. С учетом ассортимента и истории взаимоотношений. Но с лету на глазок вычленишь инквизитора в потоке кладбищенских посетителей? Да бред, ну! Если бы нас было так просто идентифицировать...

Макс, уже какое-то время тупо пялившийся в экран, заторможенно перебил коллегу:

— Ключевая фраза тут — «находящийся в конфронтации с Орденом», — медленно проговорил он. — Ребята, вы не представляете, какое кубло мы, кажется, вскрыли.

С этими словами он просто развернул ноутбук к нам монитором.

Я не успела даже вчитаться, как Кирилл, явно быстрее меня сориентировавшийся в служебной информации, присвистнул и развернул машину к себе, вцепившись в нее мертвой хваткой. Глаза его горели, зрачки расширились, и взгляд жадно бегал по строкам.

— Когда я готовился к командировке в ваш славный город, — размеренно начал Макс, не дожидаясь, пока его приятель вернется к людям, — я поднимал, среди прочего, криминальные сводки по Крапивину. Ничего из ряда вон выходящего: показатели необъяснимых смертей и преступлений, выбивающихся из рамок обычного, в пределах статистической нормы. А ритуалы не совершаются бесследно и беспричинно. Потрясенных могил мы обнаружили столько, что ваш город должен был бы тонуть в правонарушениях с магическим душком. Причем, судя по этому отчету, — он постучал пальцем по папке, отданной Кириллом, — не один год тонуть. Вскрытые захоронения — разного возраста.

Я навестила уши: ох, как мне не нравилось сказанное Максом! Словами не передать, как не нравилось!

— Итак, куда, по-вашему, девались плоды черномагического труда нашего кладбищенского друга?

— Шли на экспорт, — хрипло озвучил Кирилл. — Умная нечисть в своем логове не гадит. Зато их продукцией, кажется, наделили по всей стране и даже кое-где за рубежом. Неужели мы наткнулись на гнездо черных артефакторов, которых Орден ищет не первый год?!

А у меня все билась в мозгу какая-то мыслишка...

— Макс... Максим... А кладбищенская команда уже все потревоженные могилы описала?

— Да, — нахмурился он, не понимая, к чему я веду. — Опись проводится в первую очередь.

— Угу, — я кивнула, заходясь в бешенстве от своей догадки. — Скажи, а каким годом датирована самая старая из потревоженных могил?

Он пробежал взглядом список:

— Самой старой — семь лет.

Семь лет! Семь!

Теперь уже я выругалась, зло и цветасто помянув собак женского пола и гулящих женщин:

— Семь лет! Это все началось после смерти бабушки!

— Думаешь, ей могли... помочь? — осторожно уточнил Кирилл, подняв голову от ноутбука.

— Ты мою бабушку не знал! — фыркнула я. — Эта старая карга сама кому угодно помогла бы!

И, уже успокаиваясь более-менее, пояснила:

— Нет, баба Тоня померла от естественных причин, это точно. Просто при ней эти упыри сидели тише воды, ниже травы!

— Так-так-так! — Кирилл вскочил и заметался по моей не слишком-то просторной кухне. — Что у нас получается?

Я даже призадумалась: чего же такого я напихала в чай, что его так разбирает?

Ладно, будем считать, что это у него нервное, а я ни при чем.

И вообще, смотреть нужно, что пьешь!

— Этих артефакторов Орден ловит уже два года точно. Раньше тоже искали, но разрозненно. То, как у нас водится, на старину и эхо средневекового прошлого грешили, то на новодел, но штучный. А года два назад случаи объединили в серию и искали уже целенаправленно группу лиц, создающих черномагические артефакты. Интенсивно, плотно и без дураков. Соответственно, последние пару лет местные хэнд-мэйдеры плотно сидели на измене, — тут дознаватель второго ранга остановился и продолжил вещать, уже стоя на месте, с лицом одухотворенным и возвышенным. — Наши отрезали им каналы поставок и методично щемили клиентуру...

— И тут в городе появляюсь я, такой красивый, и чуть ли не первым делом иду на кладбище, — подхватил Макс. — А после этого, в тот же день, встречаюсь с внучкой покойной Хозяйки.

— Весь город был в курсе, кто у бабули наследница, — кивнула я. — И если она что-то знала, что-то такое, из-за чего преступники при ней вели себя тише мышек, то... На месте преступников логично предположить, что она могла и рассказать это «что-то» мне.

— Вот именно! — ликуя, согласился Кирилл.

— И это объясняет, почему меня не попытались ликвидировать, пока я дожидался тебя в одиночестве на крыльце. В идеале им нужно было два трупа, твой и мой, чтобы выиграть время и чтобы ты не успела поделиться информацией с Орденем.

— Это же объясняет, почему покушение провалилось, — поддакнул Кирилл. — Времени на подготовку у них не было, действовали они спонтанно, возможно, само покушение вообще было инициативой исполнителя, у которого сдали нервы...

— Так, хватит всяких «если» и «возможно»! — решительно положил ладони на стол Макс. — Я сейчас связываюсь с отцом Власием и делюсь с ним нашей находкой — Стеценко надо искать по всем каналам, сами мы его не поймем, если уж он два года готовился к бегам. Моя машина пока стоит на приколе: раз следили, значит, скорее всего, на кладбище на нее повесили что-то следящее. Пусть стоит и ждет специалистов.

Я даже слегка обиделась: у него, между прочим, специалист по поиску любой черномагической дряни под боком есть! Но промолчала — моя девочка соскучилась по мамочке, наконец-то мамочка ее выгуляет!

А Соколов тем временем продолжал командовать парадом:

— Кирилл, на кладбище пока оставляй «строителей», а всех оперативников вплотную перекидывай на отработку связей Стеценко — когда ребята из контроля за незаконным оборотом артефактов приедут, у нас должны быть на руках все расклады. Особое внимание удели покойной аптекарше: неспроста же она у него в доме валялась? Ну а мы...

— А мы, — вклинилась я в поток приказаний, — поедем и расспросим мою маман, не поведала ли ей бабуля чего такого, о чем умолчала мне!

Приблудный инквизитор ускакал по своим делам, а прижившийся инквизитор плотно забурился в ноутбук и на Ксюшу не смотрел, не любил и завтраком не кормил.

— Макс! А что ты делаешь?

— Отчет для начальства готовлю. И тебе советую заняться тем же самым.

— У меня нет начальства!

— Угу-угу, — согласился Максим, не отрываясь от отчета. — Ты это матушке своей скажи.

И скажу! И что он думает? Бе-бе-бе!

— Ма-акс!

— М?

— Макс, как ты думаешь, это Стеценко девушек резал? Осуществлял, так сказать, предпродажную зарядку артефакта.

— Я никак не думаю, рано выводы делать. Но как подозреваемый он ничем не хуже других. По крайней мере, ножевой удар в сердце ему удастся хорошо.

— Ма-а-акс!

— Ксю, я правда занят.

— Ма-а-акс!

— Господи боже мой, горе ты мое. Что?

— Я есть хочу!

— Ксюша!

— Что — Ксюша?! Уже спросить нельзя: на тебя пиццу заказывать или нет?! Разорался тут! Хам!

Макс подышал. Прямо на самом деле: перестал печатать, расслабил руки, закрыл глаза и прямо так — вдох-выдох. Секунд пять вдохов и выдохов.

— Да, Ксюш, заказывай, — это прозвучало уже спокойно и вежливо. И очень обидно!

— И если что-то еще надумаешь — на свое усмотрение.

— Хорошо! — я грустно побрела из кухни.

Совсем грустно.

Просто очень грустно: плечи опустила, и голову опустила, и нос опустила, и хвост метафорически, но безрадостно, волочился по полу за спиной.

На пороге оглянулась — печально и с робкой надеждой.

Инквизитор строчил по клавишам, сурово нахмурившись куда-то в монитор.

Ну вот для кого я тут театр драмы на дому развожу?

Мурлыкая себе под нос о том, что я «всесторонне одаренная, до конца не оцененная» (прим. «Я люблю себя», Лолита), я устроилась на диване и зарылась в приложение ближайшей пиццерии.

Через каких-то жалких пять минут пришлось констатировать: я живу в ужасной дыре! У нас нет доставки пиццы до одиннадцати утра. И суши до одиннадцати нет. И... и ничего нет!

Провинция-с.

Нет, я всегда это знала, но вот в такой момент подтверждение получить особенно обидно.

Я, конечно, не переломлюсь разбить два яйца на сковороду.

Но как же так-то?! Завтрак — это инквизиторская обязанность!

Вот что за человек, а? Хочешь сам голодным сидеть — сиди, а ведьму накормить будь добр!

Фу, гад какой. Видеть его не хочу!

Где-то на этом месте я вспомнила, что еще чутка — и, вполне возможно, и не увижу, и гнев как-то сам собой сменился милостью.

У меня там овсянка лежала, и меда есть немного майского, свежей выкачки. Сейчас я все это быстро... А чтобы инквизитор не заподозрил, что это я ради него так расстаралась, добавлю блинчики-полуфабрикаты из морозилки.

Отличный план.

Очень коварный.

Самое коварное в этом плане то, что до инквизиторского вселения я вполне обходилась по утрам йогуртом.

Про Шипурину я вспомнила после завтрака, когда, блюдя договоренность с Орденом, вымелась с кухни, чтобы Макс мог отчитаться начальству без моего сверхценного присутствия.

— Посмотрела я на твою Тёмину, — мрачно объявила в трубку доктор Лидия Марковна. — Поздравляю, ты была права, онкология.

— Чего? — растерялась я.

То есть... ну... я как бы понимала: то, что я вижу как «кляксу» и «тень», — всего лишь существующее в моем восприятии отображение заболевания, но...

Но если бы я услышала слово «онкология» раньше, мне бы и в голову не пришло с ним бодаться.

Проклятийница против смертельных болезней не поможет. Не вывезет.

— Не твое дело — «чего», — отрезала Шипурина. — Я и так на врачебную этику плюю уже тем, что с тобой на эту тему разговариваю. А тебе еще и диагноз подавай?

Я открыла рот. Закрыла.

С одной стороны — а чего это она мне хамит?!

С другой стороны — а что, простите, даст мне этот диагноз?

А с третьей стороны... с третьей стороны — ну и дура эта ваша Лидочка, если приняла мое изумление за уточнение.

Фыркнула я на нее исключительно для проформы:

— Ты, этичная моя, не забывай, кто оплачивает банкет! К черту диагноз, давай прогноз.

С той стороны связи завозились, зашуршали — кажется, фольгой. Кажется, что-то прожевали.

Как пить дать, шоколадку жрет, гадина стройная!

— Там пока самое-самое начало, так что помочь ей можно, — разродилась наконец ответом собеседница, и я облегченно выдохнула.

— Но это дохлый номер, — обломала мои радужные надежды целительница.

— Объяснись, пожалуйста, — процедила я, — а то я не успеваю за причудливым полетом твоей мысли!

— Свердлова, — вздохнула Лидочка и снова зашуршала фольгой, — ты знаешь, что значит слово «наследственность»?

— Знаю. Это то, из-за чего я похожа на свою бабушку!

Шипурина угрозу считала верно и, торопливо проглотив шоколад, продолжила:

— Я твою сотрудницу немного расспросила...

Понятно, вывернула бедную Леночку наизнанку.

— Так вот, у Тёминой наследственность по обеим родительским линиям паршивая. Паршивей, чем у тебя!

«С-с-стерва! — восхитилась я. — Ну, я тебе это, змея, припомню!»

— К чему я это веду: с такой предрасположенностью, как у твоей Елены, себя беречь надо. А у нее... Ты про мужика ее знаешь? — деловито уточнила она.

— Знаю.

— Так вот, залатать-то я ее залатаю: раз — мы договорились, и два — там действительно самое начало и, тьфу-тьфу-тьфу, хорошие перспективы. Но у нее все так тонко, что с такой нервотрепкой рано или поздно в новом месте расползется.

И она, явно нехотя, добавила:

— Причем я ставлю скорее на «рано», чем на «поздно».

Мы помолчали. Я обдумывала невеселые перспективы: с Ленкой надо будет поговорить, как-то ей

объяснить!

...выслушать, куда она меня пошлет.

О чем думала Шипурина — неизвестно.

— Ах да, оплата, как это я чуть не забыла! — восторгалась вдруг она.

Хотя известно — о деньгах!

— Маман вышла замуж со страшным скандалом и под гнетом сурового семейного неодобрения, — трепалась я, пока моя ярко-синяя девочка упрямо ползла по трассе, забитой прочими желающими в субботу выбраться из города. — Бабушке с прабабушкой ее выбор не нравился: нищий лейтенант-подводник их кровиночке, ягодке, надежде и опоре, умнице-красавице был не пара. Но, будем честны, их бы ни один жених на свете не устроил, потому как ведьмы — что с них взять.

Ряд тронулся, и я вдавила педаль, понукая машинку двигаться вперед, но счастье было недолгим, и метров через пятьсот мы снова встали.

На небосклоне царило безумное южное солнце, показывая всем желающим (и нежелающим тоже показывая), что оно и в девять утра может дать жару, а уж к полудню разойдется ого-го как.

В общем, «не открывай окно, не совершай ошибку».

— Не знаю, почему молодые не отселились куда-нибудь в служебное отцовское жилье, но жили они вместе, и жили хреново: бабка с прабабкой чужого мужика, да на своей территории, ели поедом. Не то чтобы постоянно, по паре месяцев тихо было. А потом папа возвращался из плавания...

Макс рассмеялся, а я ухмыльнулась:

— ...и начиналось! В общем, маменька долго это терпеть не стала. Посмотрела-посмотрела да через годик и поднесла двум старым гримзам меня. Тут-то им и пришлось жала прикусить, потому как разве ж можно кровиночке, ягодке, надежде, опоре, умнице и так далее слышать, как ее родного отца поносят?! Она ж расстроится! Да и чужой мужик, притащенный дурой-дочерью в дом чуть ли не с помойки, уже стал как бы и не совсем чужой, а вроде бы немного и свой... В общем, как-то ужились.

Бесконечная пробка на выезде из города наконец-то закончилась, и я утопила педаль газа в пол от души. Моя девочка, радуясь свободной дороге, закусил удила — и законопослушный инквизитор (вот точно зануда-шуруповерт, истинно говорю!) недовольно нахмурился.

— Потом отцу дали квартиру, но к тому времени уже стало понятно, что силой я в прабабушку пошла и мама меня не обучит толком, просто не сможет. Бабушка Тоня стукнула кулаком по столу и запретила меня забирать, мама тоже уперла руки в боки... Клочки по закоулочкам не один месяц летели, отец успел в плаванье сходить и вернуться. Ну а когда вернулся, тут ему и сообщили, что переезда не будет.

— Прекрасное, прекрасное известие! — пробормотал себе под нос Макс, и я рассмеялась.

Не дурак, фишку рубит!

— Когда папа с мамой решили за город перебираться, у меня уже магазин был, но место я для него снимала. Они и решили ту квартиру мне отписать, чтобы я ее продала и купила себе на эти деньги помещение, — я мигнула поворотниками, предупреждая о маневре, и обогнала медлительный «камаз», целеустремленно прущий на элеватор груз зерна. — Вот так я и стала счастливой обладательницей торговой площади в центре города. А ты как в Орден попал?

— Тяжелая наследственность! — с улыбкой отозвался Макс.

— Что, тяжелее, чем у меня? — подначила я, припомнив разговор с Шипуриной.

Когда мы оба отфыркались от смеха, Макс продолжил:

— Мои родители тоже в Ордене. Отца в армии завербовали, а мама — потомственная, из... Ну, не важно.

Я, заинтересованно наострившая было уши, разочарованно сдулась: Орден информацией о своей внутренней кухне делился неохотно, а меня давно интересовал вопрос, откуда среди орденских иерархов берутся дамы, если на должностях, контактирующих с ведьминским племенем, их почти не бывает?

Логично предположить, что у них какая-то иная роль в структуре организации, вот меня и интересовало — какая. Ладно, потом аккуратно выужу!

А потом, сообразив, что он сказал, развеселилась:

— Хо-хо! Так, может, мы давно знакомы? Может, твой прапрапрадедущка жег еще мою прапрапрабабушку!

— Ксюша, не смешно.

— Да ладно, может, моя прапрапрабабушка прокляла на смерть как минимум трех инквизиторов, так что размен не в вашу пользу!

— Ксюша!

— Ой, все! Никаких условий для культивации кровной вражды! Куда мир катится?

— В деревню Белобородку, к Татьяне Витальевне Свердловой, в девичестве Ловец, — проворчал этот праведный зануда.

— Неправда, туда катимся только мы! — парировала я и вывернула на проселок. Справа и слева от дороги замелькали кукурузные поля, размеченные табличками с названием сортов, и мне вдруг нестерпимо захотелось, как в детстве, вломиться в заросли, наломать молодых, сочных еще початков, а потом драпать сквозь частокол жестких, толстых стеблей под свирепые матюки колхозного сторожа, громогласно пугающего залпом соли в зад из ружья, которого у него отродясь не было...

Макс оценил мой алчный взгляд и только головой покачал: Ксюша-Ксюша!

— Я, вообще-то, мечтал стать колдуном, — неожиданно выдал он, и я опешила от такого заявления.

— Вот все детство! — продолжил он. — Я же при родителях крутился, так что лет с семи-восьми про все знал. И вот хотел быть ведьмаком, и то, что с этим надо родиться, мое желание вообще не останавливало, Максимушка уперся и решил: «Вот а я стану». Позор на папины седины, инквизиторский сын!

Я фыркала, как строевая лошадь, Макс смотрел вроде бы в окно, а на самом деле — в свое детство, и тоже улыбался.

— Ну и что из этого вышло? — поторопила я примолкшего Соколова.

— А что, не видно? — широко ухмыльнулся Макс.

— Как расхотелось-то?! — внесла я уточнения в вопрос, пожалев, что за рулем пинать рядом сидящего неудобно.

— Мечты не выдержали столкновения с суровой реальностью, — развел руками «рядом сидящий». — А на самом деле, полез изучать, что ведьмакам можно, а что нельзя, и увлекся. А потом решил, что раз я колдовать не могу, то и другим не позволю. Вот здесь останови!

Я вместе с моей ласточкой чуть в канаву не улетела. Он шутит! Макс! Инквизитор! Шутит на тему своего драгоценного инквизиторского дела! Но совладала с собой и с управлением и плавно притормозила, где велено — у вагончика-бытовки невнятного назначения.

Пара шавок благородной «дворянской» породы с ретивым визгом кинулась отрабатывать свой немудрящий хлеб, мечась вокруг авто и пытаясь насмерть загрызть нас за колеса.

— Хозяева! — зычно окликнул Макс, и на его зов вынырнул мужичок, такой же замызганный и неказистый, как и его собаки.

— Чо нада? — рывкнул он.

— Хозяин, а на продажу кукурузки не найдется?

— А ну, вали отсюда! — гаркнул он, и над полями заметались кудрявые «яти». — Я честный сторож, а не ворье какое! Щас как солью засажу, будете знать!

Я прям расчувствовалась и расплылась в улыбке: воспоминания детства!

Не склонный к ностальгии Макс молча пошуршал зеленой купюрой:

— Мы ж не в поле просимся. Может, у вас конфискат найдется?

— Может, и найдется... — сбавил обороты дядька.

— Ну так позвоните хозяевам, может быть, они возражать не будут...

Разговор занял секунд пять, после чего сторож непринужденно выдернул из рук Макса бумажку и скомандовал:

— Фифа! Открывай багажник!

И скрылся в бытовке, чтобы вновь появиться уже с мешком на плечах.

Я бдительным взглядом проследила, как он загрузил его в мою девочку, решив, что мужику-то я «фифу» прощу, а вот Максусу!..

— Да вы кушайте, кушайте! — ворковала мама, подсовывая к нам поближе то одно, то другое.

Я «кушала, кушала» — чай, родную-то дочь не отравит, умница-Максим к своей порции не прикасался, только благодарил и иезуитски улыбался поверх тарелки:

— Спасибо, Татьяна Витальевна!

Маман отвечала точно такой же улыбкой и с новой силой улеживала Макса хоть попробовать.

Отец ухмылялся, разводя костер, и делал вид, что к нему все это вообще никак не относится: формально наш папа про магию и прочее мракобесие как бы не знает. А реально — он почти два десятилетия в одной квартире с нами всеми оттрубил, а это были те еще «Зачарованные».

Нынче они с папой жили вдвоем в небольшом домике, и местные считали их лентяями, несмотря на идеальное состояние участка. Как же, хозяйства не держат, огород не сажают, все газончики-цветочки какие-то легкомысленные. Вот и для разговора мы устроились в беседке, увитой девичьим виноградом.

— Татьяна Витальевна, вы не припоминаете, ваша мать, Антонина Алексеевна, не упоминала о том, что у нее есть подозрения, насчет того, что кто-то в Крапивине может заниматься черной магией?

Родная моя не особо отреагировала — только бровь вздернула, глянув на инквизитора с интересом.

— Да нет, не припоминаю. А что? — и тут же тонко улыбнулась мне: — Доченька, налей гостю чая! А то, видишь, он от меня ничего не берет.

— Возможно, в последние годы жизни у нее были конфликты с кем-то из окружения? Что-то, чем она с вами могла бы поделиться?

Мама отмахнулась:

— Да с кем у нее только не было конфликтов! Всю жизнь, а не только в последние годы. И если вы думаете, что к старости у мамы характер улучшился...

Мы с ней синхронно усмехнулись.

Макс удерживал нейтральное, вежливое выражение лица — но явно в такие чудеса не верил тоже.

— Вам что-нибудь говорят фамилии Стеценко? Куропятникова? Миргун? Шипурина? В контексте конфликтов с вашей матерью.

— Тетя Алла Куропятникова, — назвала мама имя после короткого раздумья. — Они с мамой друг друга терпеть не могли, тетка Алла дважды на место Хозяйки свой зад примостить пыталась, оба раза мама ее вышибла, а когда мама и сама уже не сидела, ей пристроиться все равно не дала. Только это зависть обычная и амбиции, никакой черной магии.

— Разберемся, — пробормотал Макс. — Под протокол это все повторите?

— Да почему нет? Это все не тайна, — она задумчиво вертела в руках чайную ложечку. — А про черную магию... Знаете, может, мама и была в курсе чего-то — она про многих знала такое, что они скрыть хотели бы. Но поделилась бы она не со мной, а вот с ней, — добрая родительница качнула подбородком в мою сторону.

С гордостью качнула, даже с каким-то любованием, мол — видал, какая у меня девка? Сама родила!

И Макс, дурак, согласно ляпнул:

— Да, мы после первого покушения так и предположили...

Родительскую гордость с маменьки как ветром сдуло!

И пока она разворачивалась ко мне с написанным на лице гневным «Что-о-о?!», я успела подхватиться на ноги и, бросив:

— Ну, пойду папе кастрюлю для кукурузы принесу! — выскочила из беседки, напроочь забыв, что это я, вообще-то, глава ведовского рода, что я сильнее и выше статусом.

Ну, Соколов, хана тебе!

Мама остыла нескоро: кукуруза в закопченной «уличной» кастрюле успела свариться, а это дело не быстрое, и только тогда я рискнула выбраться из-под отцовской защиты и приблизиться к беседке.

Не без душевного трепета: блюдо с горячей кукурузой в руках, которое я сама несла в зону доступа Татьяны свет Витальевны, добавляло пикантности возвращению.

Но маман и правда успела успокоиться и прийти к выводу, что инфантицид следует творить без свидетелей, так что дары полей вкушали в мирной, дружественной обстановке.

Потом Соколов пошел допрашивать отца, параллельно подписавшись на экскурсию по участку, а я приготовилась к разговору.

— Ты на кой черт его сюда притащила? — деловито спросила маменька, щелкая семечки из широкой миски.

Ядра она складывала отдельной горкой, а черную шелуху сыпала в блюдце.

Не, ну я в принципе догадывалась, что она инквизитору будет не рада. Но...

— У меня серьезные намерения.

Мама только бровь приподняла:

— Замуж?

И больше ничем своего отношения не выдала, даже руки, ловко щелкающие семки, не дрогнули.

— Мам, ну какой «замуж», — поморщилась я, признавая неприятную для моего самолюбия истину. — Ему от меня, помимо его обожаемой работы, ничего не нужно, даже секс. Это всегда моя инициатива. Если поднапрячься, можно, конечно, его на себе женить. Но... зачем? Связывать себя браком с человеком, которому уже сейчас от тебя ничего не нужно, это...

Я дернула плечом: ну, прямо скажем, это экстрим и развлечение для ценителей. Не ко мне — я, хоть по мне и не скажешь, глубоко романтична. Любовь, лебединая верность, все дела... Как выразился наставник Макса — традиционалистка.

— Я решила, что ребенка от него хочу, — закруглила я мысль.

— Ему скажешь? — деловито уточнила будущая бабушка.

— Мама! Я хочу от него ребенка, а не огромный геморрой!

Ну прям как первый день на свете живет!

— Ксюш, ты же понимаешь, что это непорядочно?

Вопрос она задала с насмешливой улыбкой, ведьма, и я возмутилась:

— Мам, я что, дала повод заподозрить себя в порядочности?!

Она покачала головой, и что это означало, я так и не поняла: то ли «тридцать лет — ума нет», то ли «большая девочка — своей головой живи».

Смотрины можно признать состоявшимися.

По крайней мере, отговаривать меня она не стала. Вместо этого собрала на ладонь очищенные ядра и поднесла к моему рту:

— Оп! — прозвучала команда, как когда-то в детстве, когда такой жест был верхом щедрости: до

очищенных-то семечек промышленность тогда еще не додумалась.

А когда я, расслабившись и утратив бдительность, жевала неожиданный подарок, вдруг ловко ухватила меня за ухо:

— И если ты, чучундра, еще раз от меня скроешь, что на тебя охоту развели, я тебе, зараза, об задницу весь орешник местный изведу! — ласково обещала она, выкручивая мой орган слуха железными пальцами с никуда не девшейся за годы сноровкой.

Глава 13

Максим

Егор Александрович Свердлов жену держал в кулаке.

Ну как держал — она в кулак заползла, ей там уютно.

Егора же Александровича понимание того, что он сжимает гранату без чеки, явно бодрило и поддерживало в тонусе.

Очень гармоничная пара, неудивительно, что дочь у них получилась такая... Ксюша.

Годы офицеру запаса силы не убавили: тяжелый колун в его руках порхал как бабочка. Я оценил.

А про дела и конфликты покойной тещи он, увы, ничего не знал.

Кирилл позвонил мне за секунду до того, как я сам собирался набрать его номер и поделиться информацией о конфликтах семилетней давности. И сходу огорошил сведениями:

— Макс, мои, по ходу, уцелевшую жертву крапивинского убийцы нашли!

— Екатерина Александровна Оленева? — окликнул я молодую женщину в шортах и футболке. — Вы подавали заявление в полицию в мае этого года по поводу нападения в районе дворца молодежи комбайностроительного завода?

И, показав ей документы, пригласил:

— Пойдемте в машину, поговорим. Не стоять же на солнцепеке.

Ксюша сопровождать меня отказалась, потребовала купить ей мороженое и демонстративно осталась в машине, заявив, что если она будет присутствовать — то ведьма со мной на контакт не пойдет ни за что.

Нынешняя тянула на троечку — редкость для неинициированных. Худощавая, шатенистая, красавицей не назовешь, но интересная. Моего появления не испугалась, но обеспокоилась.

Однако предъявленные мной корочки сделали свое дело: не сумев понять причин своей тревоги, Оленева разумом задавила голос чутья и послушно пошла за мной в машину.

Ксения успела перебраться на заднее сиденье и с лицом сосредоточенным и ответственным лизала пломбир в стаканчике.

— Меня зовут Соколов Максим Владимирович, следственный отдел следственного комитета Российской Федерации в городе Крапивине, — назвал я свою несуществующую должность, позаботившись, чтобы она тут же вылетела у Оленевой из головы. — Расскажите, пожалуйста, про тот случай, после которого вы обратились в полицию.

Катерина нервничала, оглядываясь на Ксению, поминутно одергивала футболку, и сама не понимала, почему присутствие еще одной женщины в машине ее не успокаивает, а тревожит.

— Я возвращалась с работы — я работаю во дворце молодежи, веду секцию по стрельбе из лука. А в тот день у меня было вечернее занятие, вот и вышло, что уже по сумеркам домой шла. Слышу — сзади кто-то идет. Ну, идет и идет, мне-то что, время еще не позднее, мало ли кто идти может, но...

Она замялась, явно не желая что-то говорить, и Ксюша ее подбодрила:

— Беспокойно стало? — она лизнула мороженое и остро взглянула на Катерину. — Как будто затылок свело, да? Или под ложечкой потянуло? Или по спине мурашки прошлись?

— Что... Как... Откуда вы?.. — растерялась Оленева.

— Просто интересно стало, как оно у тебя проявляется, — пожала плечами Ксюша и снова лизнула мороженое.

В этот момент она напоминала маленькую девочку.

Страшную маленькую девочку из фильмов ужасов.

— Спиной, — немного подумав, ответила Екатерина. — Я чувствую это спиной.

Ответила именно Ксении, не мне — на меня, сидящего за рулем на соседнем сиденье, Оленева не смотрела, скрутившись, чтобы видеть Свердлову, оказавшуюся позади нашей свидетельницы.

— Хорошо, — кивнула Ксюша и снова прошла языком по мороженому. Что характерно, ни капли эротизма в этом не было, одно сосредоточенное, концентрированное внимание. — Продолжай.

— Я шла, потому что глупо нервничать: идет человек себе по своим делам, ничего не делает, не вести же себя как истеричка... Но все равно подобралась и отслеживала, шаги слушала. Потом в проход между гаражей вошли, а сзади... Понимаете, шаги исчезли! Мне бы успокоиться, обрадоваться, что тот человек свернул, что пути разошлись, а я перепугалась. Я вообще не думала, сумкой назад отмахнулась — у меня на плече сумка спортивная висела, я ее даже не снимала, всем корпусом и махнула — почувствовала, как по ребрам что-то мазнуло, и ка-ак врубила спринт... А дома увидела, что бок порезан, царапина длинная. Ну я и сообразила, что этот, сзади, на меня с ножом, взяла на работе отгул и пошла заявление писать. Потому что — а ну как он еще на кого нападет? Мне-то повезло, у меня реакция хорошая и бегаю быстро, и то чудо спасло!

— Дар. Вас спас ваш собственный магический дар. Вы, Екатерина Александровна, ведьма.

Мороженое подтаяло, и Ксюша невозмутимо собирала его, не давая капать на обивку сидений. Надо будет втык ей сделать: я все понимаю, у нее ампула стервы, но все же нельзя так с людьми.

Оленева смотрела круглыми глазами на Свердлову. Но видно было, что поверила сразу. Пробормотала растерянно:

— А я думала, бабка на старости лет из ума выжила...

— Может, и выжила, одно другого не исключает, — миролюбиво согласилась добрая девочка Ксюша. — Вы тогда сильно испугались?

— Да нет... — растерялась Катерина. — То есть испугалась, конечно, но ... Не так чтоб сильно. Кошмары не беспокоили, если вы про такое. Заявление написала и то больше, чтобы кто-то другой не влетел. А так — написала и забыла. Я не очень-то и надеялась, что нападавшего найдут.

Устав бороться со стаканчиком, Ксюша засунула его в рот целиком, прожевала, обтерла ладони влажной салфеткой и изрекла:

— Вы на пороге самоинициации, милочка. Похоже, то происшествие задело вас куда сильнее, чем вы думали. По крайней мере, силу вашу здорово встряхнуло. Не замечали в последнее время за собой обострившейся интуиции, странных совпадений, событий, которые вы предугадываете?

Оленева молчала, только хлопала по-совиному круглыми глазами.

Ксю кивнула:

— Но что с этим делать, мы с вами потом разберемся. А пока что покажите-ка нам то место, куда вас ранили.

— Да там и нет ничего, все давно заросло, я же говорила, царапина...

— Если вы стесняетесь, он выйдет, — перебила Свердлова растерянную свидетельницу.

— «Он» не выйдет, он дознаватель инквизиции и должен произвести осмотр. И крайне невежливо говорить о нем в его присутствии в третьем лице, — съязвил я.

— Делать кому-либо замечания в присутствии посторонних — тоже не верх воспитания. Но я же как-то с этим мирюсь, — философски пожала плечами Ксюша.

— Вы что, женаты? — брякнула вдруг Оленева, переводившая взгляд с Ксюши на меня и обратно.

И, когда мы со Свердловой дружно возмутились — «Нет!», понятиво протянула:

— А, любовники! — и вдруг смутилась. — А... инквизиция там, церковь, ведьмы... Не запрещено?

— Мне — нет, — Ксения вздернула нос. — А если ему запрещено, то мне пофиг!

— Мне тоже не запрещено, — со вздохом внес ясность в вопрос я, не совсем понимая, какого черта допрос вильнул в эти дебри. — И Ксения Егоровна это прекрасно знает, но хороший понт — дороже денег.

И пока «Ксения Егоровна» делала ойвсе-лицо, перехватил инициативу в допросе:

— Екатерина Александровна, порез старый, и, чтобы найти какие-то следы, нам потребуется

тактильный контакт с места пореза. Я понимаю, что вам неловко, но это действительно необходимо, и я постараюсь не доставлять вам лишних неудобств...

— Ой, да что там неловкого, — развеселилась вдруг Оленева. — Это вы на спортивных сборах никогда не были! Нате, смотрите.

Она развернулась, подцепила пальцами край майки и оголила левый бок.

Я коснулся сознанием медальона, и нити силы потянулись за пальцами, когда я принялся ощупывать ребра свидетельницы, попутно восстанавливая картину событий:

— Вы сказали, сумка висела у вас на правом плече? Значит, когда вы отмахивались ею от опасности, вы развернулись вправо назад, левый бок внезапно для нападавшего ушел вперед, и удар пришелся вскользь, верно?

— Ну да, все так. Я правша же, так что...

— Что-нибудь необычное в момент удара ощутили?

— Не-а, — бодро отозвалась девушка. — Я и сам удар-то почти не почувствовала, уже потом только вспомнила, что что-то такое было.

Энергетический след был слабым-слабым, размытым — аура молодого и полного сил организма уверенно заращивала разрывы, причиненные артефактным лезвием, но воздействие было то самое, характерное, что я первый раз зафиксировал в крапивинском морге

— Это оно, — озвучила свое заключение Свердлов. — Черный список.

Оленева оглянулась на нее с любопытством, но промолчала, одернув майку.

— Катерина Александровна, вы описать нападавшего сможете?

— Да я его почти и не видела, — виновато развела руками наша единственная свидетельница. — Я ж говорю, мне неловко было: идет мужик по своим делам, а я от него шарахаюсь, как дура.

— Точно-точно, — мрачно поддакнула Ксюша. — А те, кто не шарахались, — умные, но их уже закопали...

— Что?..

— Так, тихо! — перебил я выбалтывающую следственные тайны ведьму. — Вы не первая, на кого этот человек напал, есть жертвы, и нам бы очень помогло описание. Катерина Александровна, может быть, хоть что-то?

— Ну... Он не очень высокий вроде бы, худой... Ну не помню я! — с отчаянием оборвала свои мучительные попытки вспомнить Оленева. — Не рассмотрела.

Все это я и так знал из ее заявления в полицию. Ничего нового.

Ну что ж, по крайней мере, раз «худой» — значит, на Оленеву точно напал не Стеценко.

— Посмотрите на эти снимки.

Стеценко, Миргун, Шипурина, обе Больц...

— Этот — точно нет, — как я и ожидал, фото Стеценко она отложила в сторону. — Эти две — бабы, что я, тетку от мужика не отличу? Походка совсем другая. Эта мелкая совсем, если б я ее сумкой двинула, она бы там и скопытилась, — фотография Дины Больц отправилась в отложенные.

Снимок Дмитрия Миргуна, последний в стопке, она повертела в руках:

— Не знаю. Честное слово. Может, он, может, не он. А может, я мимо него каждый день хожу, — помрачнела Оленева. — И дальше буду ходить, а не узнаю...

Я постучал по рулю и решил.

— Вот что, Катерина Александровна. Как вы смотрите на то, что мы сейчас вас покажем одному человеку... Одному из подозреваемых. Нам нужно просто посмотреть на его реакцию, вам это ничем не грозит. В любом случае вашу безопасность мы гарантируем. Вы согласны?

— Я, вообще-то, за хлебом шла... — растерялась Екатерина.

— Соглашайтесь, — обольстительным тоном влезла Ксюша. — Ну когда вы еще увидите, как

работает настоящая инквизиция?

И, видя, что Оленева колеблется, дождала:

— А пока будем ехать, я вам что-нибудь интересное расскажу!

— А! Ладно! — после недолгого кусания губ махнула рукой на хлеб Оленева. — Согласна!

Торопливо вызвав на адрес Дмитрия Миргуна Кирилла для поддержки, я вырулил со двора, где мы перехватили Оленеву, шедшую по своим делам.

— Ну, что бы ты хотела узнать? — щедро спросила Ксю.

Я ждал, что будущая ведьма в первую очередь захочет узнать, как ей теперь жить, но Оленева спросила другое.

— А вот этот черный список, про который вы говорили, — это что такое?..

Ого! Кажется, здесь постановкой блокирующих печатей на дар не обойдется. Эту придется полноценно учить!

Ксю в зеркале заднего вида сосредоточенно сопела. Собирала то ли мысли, то ли остатки вафельного стаканчика.

— Это деление колдовства на разрешенное и запрещенное, — наконец подала голос Ксю. — Белый список — как кухонный нож. Им тоже можно наделать всякой хрени, но сам по себе он не запрещен. Белый список — это разрешенные ритуалы. Черный список — как каннибализм. Может быть, он никому и не причинит вреда. Может быть, ты даже хочешь с его помощью принести пользу. Но это действие, само по себе осуждаемое нашим обществом. Черный список — это ритуалы, практики и предметы, однозначно запрещенные даже не потому, что в результате их применения может быть нанесен вред, а потому что сам процесс их создания — уже нанесение вреда. В качестве примера можно упомянуть колдовские книги. Это очень мощные магические инструменты с псевдоразумом и подобием воли, с их помощью можно сделать много прекрасных и полезных вещей, на которые магу иначе попросту не хватит сил. Вот только создаются такие гримуары на боли, крови и смерти. Так что даже их хранение и передача по наследству запрещены — не говоря уж про применение или, упаси боже, создание. И если вдруг такую книжицу тебе подарят — то, можешь считать, что вместе с ней тебе подарят и срок. Если, конечно, ты немедленно не сдашь ее Ордену.

Девушка перевела взгляд с Ксю на меня и обратно.

— У меня такое чувство, будто из этого правила есть исключения. И вы о нем оба знаете и сейчас издеваетесь друг над другом.

Я нервно дернул углом рта. Ну, Ксюша же!

— Исключений не бывает, — пояснила она ядовито. — Но есть индульгенции, и это непрекращающаяся боль инквизиции. К примеру, примерно веке в пятнадцатом одна ведьма попила кровушки и у Ордена, и у мирного населения, занимаясь очень нехорошими вещами с целью прирастить личное могущество. Так сказать, деятельная исследовательница со страстью к перемене мест: «наисследует» — и меняет место. И, когда одна из ее наиболее дальновидных сестер по дару, понимая, что дорогая коллега в край потеряла берега, предложила инквизиции сделку — помощь в поимке преступницы в обмен на книгу, — Орден согласился. Но так как ведьма, предложившая помощь, была не только дальновидная, но и наглая, а та, которая практиковала запрещенные ритуалы, действительно всех допекла, то к колдовской книге прилагалась индульгенция, дарующая право на применение и передачу оной по наследству...

Ксюша расправила юбку на коленях и стрельнула в меня взглядом, явно отслеживая реакцию.

— Потом инквизиция, конечно, опомнилась и попыталась все отыграть назад, но законную силу разрешение от этого не утратило. Они — книга и индульгенция — прекрасно дожили в роду той ведьмы до наших времен и по сей день используются владельцами. И мне известно как минимум о четырех таких легальных книгах.

— О семи, — пробормотал я, демонстративно глядя только на дорогу.

— Мне — о четырех, а вот инквизиция, конечно, знает больше, — миролюбиво согласилась Ксюша.

И вернулась к предыдущей теме:

— Ну а серый список — это ритуалы сомнительной этичности.

И покрутила пальцами в воздухе:

— Ну, знаешь... Такие: приносить людей в жертву вроде бы нехорошо, но если эта жертва добровольно идет на смерть ради спасения бОльшего числа людей, а маг готов взять преступление на душу и совесть, осознавая всю полноту последствий, то... Серый список — это ритуалы, практики и предметы, требующие отдельного изучения и разрешения в каждом конкретном случае. Потому что добровольное согласие на жертву тоже может быть получено очень, очень разными путями...

Ксения

В нужном дворе, где нашу славную компанию уже ждал рыжий Кирилл со своими архаровцами, Макс долго и нудно растолковывал всем и каждому, кто где стоит, кто откуда идет, в какой момент свидетельница должна пройти мимо подозреваемого и кто конкретно в этот момент отвечает за ее безопасность головой.

Что будет с этой самой головой в случае чего, все заинтересованные могли додумать сами.

После чего развернулся ко мне:

— Ксюша. Тебе — самая ответственная задача. Ты стоишь в стороне под отводом глаз!

— Ясно, — понятно кивнула я. — Страхую.

— Нет! — отрезал он. — Не лезешь!

И, не давая возмущенной ведьме развернуть дискуссию, придержал меня за плечо, проникновенно глядя в глаза:

— Ксюша, я очень ценю твоё желание помочь и уважаю твой сильный и свободолюбивый характер!

— ...но, задницей чую, сейчас будет «но», — пробормотала я себе под нос, настороженная концентрацией лести, и Макс с трудом сдержал улыбку.

— Но у меня нет свободного человека дополнительно обеспечивать твою безопасность. Выбирай: стоишь в сторонке под отводом глаз или запираешься в машине.

— Иди ты в бездну, Соколов, — скривилась я и выдернула у него локоть, чтобы с максимально независимым видом уковылять на своих каблучищах вглубь двора и демонстративно пристроить свой зад в детские качельки.

Слава богу, влез, а то позорище бы вышло.

Тихо-мирно раскачиваясь, я наблюдала, как, суровый и собранный, Соколов ушел в подъезд — и как он же через некоторое время вылетел оттуда как ошпаренный и тут же как ошпаренные забегали остальные участники процесса.

За углом дома крутила головой Оленева, а рядом с ней изнывал оставшийся вдали от суеты ее охранник.

Все остальные меж тем развивали бурную деятельность: расспрашивали о чем-то народ у подъездов, кому-то звонили и куда-то то и дело исчезали.

Я наблюдала за всем этим немым спектаклем, принципиально не подходя ближе к сцене: вот еще! Ни за что им помогать больше не буду, пока сами не попросят, а может, и тогда не помогу, даже если в ногах валяться будут...

Меж тем душа моя преисполнялась подозрений.

Они оправдались.

Миргун пропал.

Когда это стало понятно окончательно, я уронила лицо в фейспалм: эта песня хороша, начинай сначала!

Макс командовал отрывисто и напряженно: выявить, допросить, обеспечить наблюдение.

Колкость про второго сбежавшего подозреваемого так и напрашивалась, но дать ей волю я не решилась — побоялась, что Соколов вырвет мне язык с корнем. Выражение лица у него было такое, что мог бы.

Мы с Катериной забрались на заднее сиденье машины, притихли, как зайчики, и слушали, как собачатся инквизиторы.

Кириллу не хватало людей, и он с пеной у рта доказывал, что раз преступник за два месяца не вспомнил про майскую жертву, то и дальше не вспомнит.

Максу не хватало совести принять это утверждение на веру и оставить Оленеву без защиты.

Мне не хватало моральной твердости послать их всех лесом.

«Ладно, в конце концов, я помогаю не им, а сестре по дару», — сказала я себе.

Стараясь не думать о том, что ни одну приличную злобную ведьму компромиссы до добра не доводили, я набрала мамин номер.

— Мам, у меня тут открывашка. Возьмешь?

— И зачем бы мне это было нужно? — удивилась она, щелкая ножницами в своем далеком и прекрасном саду.

— Ну-у-у... Затем, что я тебя прошу? — предположила я.

Уверенности в надежности аргументации не было никакой.

Щелкали садовые ножницы, ругались дознаватели инквизиции, молчала мама.

Я с тоской думала о том, что такой прекрасной субботы у меня не было примерно никогда.

— Ладно, — с явной неохотой вздохнула Татьяна Витальевна. — Присылай. Но только курс молодого бойца! И вот еще что...

Макс все больше мрачнел. Догадывался, поди, что, попытайся он взять под защиту вторую ведьму, первая будет слегка недовольна.

Чуть-чуть.

Самую капельку!

— Макс, ну у меня все люди наперечет, ну не разорваться же им! — юлил рыжий.

«Он бы еще рубашку на груди рванул для большей убедительности», — подумала я и решительно встряла:

— Вот что! Вот вам ведьма, вот вам адрес — доставите туда, там ее примут. Туда же доставите продукты — вот список. Вопросы есть? Вопросов нет, все, валите уже, надоели — сил нет!

— То есть меня спрашивать никто не будет? — внезапно подала голос Катерина, и под тремя нашими плотоядными взглядами, которые скрестились на ней, смешалась: — Да согласна я, согласна! Спросить уже нельзя...

— Вам домой заехать нужно? — галантно поинтересовался Кирилл, открывая перед Оленевой дверцу своего автомобиля.

— Да, пожалуй.

— Список не забудьте! — ворчливо напутствовала я их в спину.

Катерина оглянулась, сложив брови сочувственным домиком:

— А там с магазинами сложно, да?

— Да не то чтобы. Просто маме лень идти! — почти честно призналась я.

«Почти» — потому что это была лишь одна из причин. А вторая гласила: «На хаяву и укус сладкий, и хлорка творог» — и я сомневаюсь, что Ордену удастся стрясти с Татьяны свет Витальевны хоть копейку!

Машина гудела мотором, а я беспокоилась на пассажирском сидении и немного грустила, потому что таким злым я своего персонального, личного инквизитора не видела с момента нашего знакомства, несмотря на все прилагаемые мной в этом направлении усилия.

А ведь это всегда обидно, когда какие-то посторонние хамы мало того что лезут на твою полянку, так еще и преуспевают больше, чем ты!

Громкая связь в телефоне Соколова едва не плавилась от сдерживаемого накала эмоций.

Макс, закаменев лицом и вцепившись в руль мертвой хваткой, не прекращал переговоров ни на секунду. Коротко, отрывисто бросал команды, стиснув зубы, выслушивал отчеты.

Алла Куропятникова отбыла из города в неизвестном направлении — удивительное совпадение — сразу на следующий день после визита дознавателя инквизиции на кладбище.

В аптеке, где трудилась ныне покойная Валентина Куропятникова, силами Ордена под прикрытием очередной легенды инициирована проверка и уже выявлен канал, по которому черные артефакты из Крапивина могли быть доставлены в любую точку страны — а если поднапрячься, то и в другие государства по земному шару. Два человека арестованы, один объявлен в розыск.

Перед очередным звонком Макс сделал упражнение «вдох-выдох», успокоился. И ткнул клавишу вызова:

— Отец Власий, я прошу дать в Крапивине оповещение об орудуящем убийце.

Максим! Ну не надо! Ну вот зачем?!

— Орден не видит необходимости в подобных действиях, сын мой, — осторожно подбирая слова, поддержал мое мнение его собеседник. — Это может спровоцировать панику и вызвать нежелательные для нас последствия...

— Отец Власий, у меня, предположительно, в бегах двое подозреваемых, причем один из них психически неуравновешен, а другой совершил как минимум одно убийство. И еще трое пропавших в неясном пока статусе — то ли подозреваемые, то ли свидетели, от которых поспешили избавиться. Мне кажется, самое время пренебречь возможными репутационными потерями и предупредить местное сообщество об опасности! Это как минимум позволит местным прикрыть своих неинициированных и засадить по домам слабых одаренных!

— Максим... — с бесконечным терпением, обозначенным интонациями, заговорил начальник Соколова.

Но все тщетно: мой твердолобый рыцарь был настойчив в стремлении защитить невинные людские жизни, и тревожные вести полетели по ведовским родам, главам семей и одиночкам.

Ну все, маман меня убьет. Ей-то мы выдали урезанный вариант — только про черных артефакторов в Крапивине.

И несмотря на то, что ему удалось провалить свое решение, Макс был мрачен и хмур.

Мне это совсем не нравилось!

Дурацкая у него работа.

Не завидую его будущей жене.

Ладно, чуть-чуть, может, и завидую — но работа у него все равно дурацкая!

В магазине, куда мы зашли потому, что у меня дома не осталось даже корочки хлеба, я еще терпела эту угрюмую физию.

И по дороге из магазина домой терпела.

А дома — все, терпелка кончилась.

И, сваливая горкой на стол пакеты из супермаркета, я объявила:

— Макс, у меня к тебе серьезный разговор. Нам надо, наконец, прояснить ряд принципиальных вопросов.

Соколова разом перекосило так, будто к проблемам на работе у него добавились больные зубы, обе челюсти целиком, но я не собиралась отступать.

В конце концов, это действительно Серьезные Принципиальные Вопросы!

— Первое: почему я ни разу не видела, чтобы ты снимал свои кольца, когда моешь руки? Второе: как вышло, что у тебя на пальцах нет незагоревшей полоски кожи от артефактов? — и, наблюдая, как выражение на лице у дознавателя меняется с сумрачного на недоуменное, а потом и вовсе на обалделое, я с удовольствием (и серьезным видом) добила: — И третье, самое важное: почему твой медальон не ляпает по мне во время секса?!

Вот что в инквизиции выше всяких похвал — так это скорость реакции на провокации.

Сгрузив свою долю покупок и даже выразительно отряхнув руки одну о другую, Макс стал медленно приближаться ко мне. Неумолимо. Я бы даже сказала — неотвратимо!

Я невольно попятилась и вздрогнула, впечатавшись лопатками в стенку. Макс согнал с лица довольную усмешку и, опершись ладонью о стену и нависая надо мной, ядовито-насмешливым тоном поинтересовался:

— Свердлова, а может, тебе вообще все тайны Ордена раскрыть?

Но дурацкий мимолетный испуг как екнул, так и сгинул в недрах ведьминского организма, а язвительные интонации в инквизиторском голосе вызвали во мне совсем не те реакции, которые должны бы.

И, чувствуя, как тает внутри сладкая дрожь, отзываясь на обещание в его голосе, я сладко улыбнулась:

— Ну, раз уж ты сам об этом заговорил... — я поправила ему воротник, и разгладила ткань рубашки на плечах, и эротично шепнула ему на ухо, — Ма-а-акс... Когда инквизиция оплатит мои услуги?

— Что?! — вознегодовал Соколов. — Как Хозяйка города, ты обязана оказывать содействие Ордену!

— Так то Хозяйка! Она должностное лицо! А я-то что, я ведьма рядовая, с меня спрос маленький! Ночь — по двойному тарифу, пожалуйста!

Макс — мальчик умный, Макс на провокацию не повелся и шутить на тему платного секса не стал, а жаль, у меня наготове было мстительное колено и гневная отповедь о ночном визите на кладбище, поэтому я даже слегка расстроилась, когда он на мое заявление лишь головой покачал.

А потом Соколов вдруг обнял мое лицо ладонями и поцеловал — легким, нежным касанием с растаявшим выдохом:

— Спасибо.

Он притянул меня к себе, сжал в объятиях, и моя голова как-то сама собой опустилась на мужское плечо.

Ну вот, взял и догадался. Сейчас опять зароется в свои служебные мысли, а я тут ходи любуйся на его одухотворенную маету...

И вообще, что значит — «спасибо», где мои законные деньги!?

Вместо того чтобы вывалить все это на голову инквизитору, я крепче обняла его в ответ и погладила широкую напряженную спину.

Ладно уж...

Ты это... Не волнуйся, что ли, так, а? Все наладится как-нибудь!

Я повернулась и едва ощутимо коснулась его шеи губами.

Ну что за невозможный человек, а? Ну зачем он на мою голову свалился?

Надо не забыть травки заварить правильные, а то он как свалился — так и отчалит, а мне на память ничего и не останется... И пошептать на его резиновый боезапас, но это когда он из квартиры свалит, а то учует, зараза инквизиторская.

А потом мы целовались. Медленно, тягуче-медово, и даже летний зной, раскаливший город за окном, не мог соперничать с жаром, текущим по жилам. Без постельного продолжения и без взрыва желания.

Я целовала его, потому что нежданная-негаданная моя влюбленность как-то тихой сапой проползла туда, куда ее никто не думал пускать, и, кажется, подумывала прорасти там в любовь

А он... Он, кажется, из благодарности.

Глава 14

— Можно рыбу на ужин потушить, — объявила я, разглядывая пару рыбных стейков, нашедшихся в морозильной камере. — Пятнадцать минут — и готово. Только у нас белого вина нет. Давай сходим?

Макс оглядел набор продуктов, купленный нами час назад с прицелом на ужин с мясом. Закатил глаза, вздохнул:

— Сам схожу. А то каждый твой выход из квартиры для меня целое мероприятие...

Ну, чего, собственно, мне и требовалось.

И, когда дверь щелкнула замками и дробь торопливых шагов стихла в подъезде, я потянулась к книге, чтобы почувствовать, как семейный артефакт, физически находящийся совсем в другом месте, врезается в руки металлическими оковками и оттягивает их незримой, но ощутимой тяжестью.

Ну-с, приступим!

К возвращению инквизитора следы магии были тщательно мною затерты, продукты разложены, а сама я как ни в чем не бывало готовила рис на гарнир.

— Ну и как это понимать?

Вопрос меня расстроил, особенно тем, что прозвучал он над чашкой с чаем, столь любовно заваренным (и заговоренным!) мной, пока Макс ходил за вином и обратно.

Соколов, вот что тебе нужно?!

И ведь последнее время пил спокойно он мою заварку, не проверял, разве что вот перед гостем... Ан нет: сидит, держит чашку в ладонях, изучает содержимое пристальным взглядом.

И что его насторожило? Хороший же любисток, и в глаза бросаться не должен... А какая хорошая побочка! Если сбор составить немного ошибочно, то мужские «живчики» обретают невиданную резвость...

Придурок. Такой план испортил.

«Придурок», подняв кружку с магическим аналогом «Виагры» к самому лицу и покачал жидкость, изучая ее на цвет и запах.

— Вот на хрена? — в его лице мешалось изумление и что-то еще.

Кажется, он просто не мог поверить.

— Твое расследование скоро закончится, ты уедешь, а у меня опять начнется недотрах! — огрызнулась я от досады.

Ненавижу оправдываться! Ненавижу, когда меня берут на горячем!

Макс смотрел на меня молча, не отрывая взгляда. Он, конечно, пытался удержать свой фирменный непроницаемый вид, но сквозь него явственно просвечивало обалдение.

— Ой, можно подумать, ты от этого переломишься! — вспылила я. И рявкнула: — Пей давай! Не капризничай!

Он покачал головой с тихим восхищением:

— Свердлова! Твоя наглость — это что-то запредельное...

Снова покачал головой.

И... ме-е-едленно поднеся чашку к губам, выпил ее глоток за глотком, глядя мне в глаза.

— А вот просто попросить нельзя было, да?

Вопрос я предпочла проигнорировать.

Потому что... чертов Макс, одним своим простым жестом вверг меня в пучину паники. Это... это что такое было?! Поймав ведьму на попытке себя опоить, вместо того чтобы впаять ей штраф и срок — взять и выпить зелье?!

Это... это же... доверие?

Это нечестно. Я так не играю! Это какая-то запредельная уверенность, что я не причиню ему вреда!

Я не согласна! Я не готова такое оправдывать!

Так, спокойно, без истерик. Дышим, подруга, дышим...

Он что, совсем отбитый?

Мамочки, с кем я связалась?..

Макс молча любовался моим ступором и нагло, сволочь, ухмылялся мне в глаза.

Ну и вот как его теперь обманывать без угрызений совести?

Правильный ответ — «никак». Потому что обмануть не удалось.

На это мне тонко намекнул бешеный рык «Свердлова!» из гостинной.

Я сцепила зубы. Ну что за черная полоса, а?! И ведь сама же переборщила: ограничилась бы порчей презервативов — фиг бы он что учуял! Но я захотела подстраховаться для надежности — и насторожила его.

— Свердлова, ты охренела? — влетел в кухню Макс, зажав в кулаке заветные конвертики из фольги и глядя на меня дикими глазами.

— Это что такое? Это что, блин, такое? — орал он, тыча мне под нос уликами.

И тут меня сорвало. Если от низкого рыка Макса вибрировали стены, то от моего голоса задрожали стекла и зазвенела посуда в шкафу:

— Жлоб! Тебе что, жалко? Я ребенка хочу! По-человечески!

— «По-человечески»! — окончательно взбеленился Соколов, потрясая испорченными презервативами. — Это ты называешь «по-человечески»?!

— Да не надо мне от тебя ничего! — драла глотку я, и люстра того и гляди грозила рухнуть нам на головы. — А если ты так боишься, я тебе бумажку с отказом от материальных претензий подпишу!

И, выскочив мимо хватающего ртом воздух инквизитора, от души шарахнула дверь в кухню об косяк.

Козлина! Так трудно было не заметить?!

П — провал.

Горло саднило, адреналин кипел, Ксюша металась в темноте по своей спальне и костерила инквизитора на все лады.

Уже почти час.

По своей спальне — потому что выходить из нее было страшно.

Это он от неожиданности к моей совести взывать пытался. А сейчас, когда понял, что ее не нащупать, — ведь и пришибить может...

Обессиленно сев на кровать, я уронила голову на руки.

Ксюша, ты баран?

Я прислушалась к формулировке и поняла, что она меня не удовлетворяет. Сменила мысленную интонацию с вопросительной на утвердительную: «Ксюша, ты баран».

Прислушалась: да, так ближе к истине.

Сила, блин, есть — ума не надо!

Ну как можно было напоить мужика афродизиаксом — и разругаться с ним?!

Он первый начал!

Угу, он первый начал — а теперь вы оба не кончите.

Я зажимала рот рукой и кусала ладонь, чтобы, не дай бог, не заржать и не погибнуть нелепой смертью от руки озверевшего Соколова.

Ну вот что за абсурд! Как можно было так облажаться?!

Смех душил и рвался на волю из надсаженного горла, и, справившись с ним, я упала навзничь на кровать, раскинув руки.

Ладно. Пойду утешу страдальца. Он же не виноват, в конце концов!

Из нескромных комплектиков самый нескромный он уже видел, так что я выбрала второй по бессовестности и, на всякий случай прикрыв этот срам пеньюаром, осторожно выглянула из комнаты.

Инквизитор лежал на диване, и луна подсвечивала его руку, закинутую за голову.

Крадучись, я приблизилась и замерла, решая, что предпринять дальше.

Макс не спал: при моем появлении он оглянулся, и именно этот момент я выбрала, чтобы красиво скинуть с плеч халатик.

Невесомые атлас и кружево заскользили по коже, эффектно подчеркивая виды...

Соколов смотрел насупленно, исподлобья.

И я не выдержала. Осела на диван и заржала со всхрюкиваниями, с подвываниями, с попытками удержать всхлипы, заранее обреченными на провал.

Макс смотрел сурово. Очень сурово. Сурово-пресурово. Ровно до тех пор, пока уголки губ у него не начали подрагивать от смеха. Через секунду мы катались по постели, обнявшись и изнемогая от хохота.

А еще через несколько — целовались как чокнутые, как умалишенные, как изнуренные путники в пустыне, дорвавшиеся до воды.

В какой-то момент Макс, стиснув мое лицо ладонями, замер, нависая сверху, и, глядя в упор, вдруг спросил:

— Скажи, почему я до сих пор не выбросил тебя в окно?

— Статья сто пятая УК РФ! — охотно предположила я в ответ, выгибаясь под ним и прижимаясь к его напряженному паху промежностью.

— А, точно, — обреченно «вспомнил» Макс и потянулся к тумбочке, пошарил и нащупал бумажник.

Раскрыв его, достал презерватив — который «ходил» с ним в магазин и, соответственно, избежал общения с одной целеустремленной, но неосторожной ведьмой.

Хитрый. Предусмотрительный. Гад!

— Еще раз так сделаешь, — крутнул в пальцах блестящий пакетик Макс и с угрозой в голосе продолжил: — Срок за попытку магически одурить инквизитора — от полутора до пяти!

Пф-ф-ф! Очень-очень страшно! Если бы он сказал «И спим отдельно» — я б еще задумалась.

А так... ну кто ж меня за такую безделицу посадит? Я ж памятник!

— Я просто представляю эту картину: зал суда, заседание, с одной стороны обвинитель, с другой защитник, я на скамье подсудимых, и ты, пылая праведным гневом, вводишь своих коллег в суть дела. «Я спал с ведьмой, а она испортила мои презервативы!», — оплетя Макса руками за шею, фантазировала я на заданную тему.

Тихий стон инквизитора был мне ответом.

И поцелуй, быстрые и голодные, по шее. И руки, жадно стиснувшие грудь.

Нет, его точно стоило подпоить — хотя бы ради этого темного пламени в глазах, с которым он смотрел на меня сейчас. Аморальным и порочным.

И сейчас, когда его рот оставлял на мне отметины засосов, я была счастлива пить с ним из этой чаши. Потому что мне, чтобы оседлать безумие, искусственной дури не нужно — своей полно.

Мы переплелись телами, и мужские руки стиснули мои ребра так, что, кажется, вот-вот возьмут на

излом и, сделай я выдох, — вряд ли сумею совершить вдох, но зачем мне сейчас какой-то воздух?

И тягучие, плавные движения члена во мне лишают разума и воли.

Я теряюсь, забываю, кто я и где. И единственное, чего мне хочется, — чтоб продолжалось, длилось это удовольствие.

— Чертова, — хриплый голос Макса ласкает слух, и влажная спина сгибается дугой, — ведьма, — и позвоночник распрямляется под моими руками, как пружина, скольжение члена внутрь меня выносит мысли прочь, а те, что остаются, сосредоточены вокруг него и секса.

Я тебя хочу.

Я тебя люблю.

Дай мне немедленно еще больше этого упоительного, чистого наслаждения!

И, когда он перекатился на спину, прерывая движения, я была опасно близка к убийству.

Но мужчина, на бедрах которого я теперь сидела, лишь бесстыдно ухмыльнулся и... проявил золотистую бляху орденского медальона.

И я со смешком-всхлипом ткнулась ему в грудь: злопамятный! Вредный!

Идеальный.

Поза «женщина сверху» — это почти танцы. Латинские ритмы, только каждое движение — вокруг удовольствия, своего и чужого. И я изгибаю спину и «танцую» на нем, и в голове восхитительно пусто, а между ног — восхитительно горячо.

А следующее, что я сделала... я и сама не знаю, чего больше было в этом решении, — желания дать ему защиту, детского хвастливого «смотри, как я могу» или же жажды реабилитироваться как ведьме в собственных глазах после дурацкого провала.

Но я наклонилась к Максy и положила обе свои ладони поверх медальона.

Танцующие движения стали поступательными, туда-сюда: ведьме, раскрывающей инквизиторские печати и вливающей в них свою силу, нужна концентрация, ей не до выкрутасов.

Далеко не каждая ведьма способна на подобное.

Особенно в такой ситуации.

С таким... отвлекающим фактором.

И сила полилась — ровный насыщенный поток, — и удерживать одновременно и его, и ритм, было новым, изысканным удовольствием.

И, изнывая от близости кульминации, сжимая все мышцы в тугой комок в жажде приблизить оргазм, я без слов кричала ему: «Смотри же, смотри, как я хороша!»

На этой мысли и застала меня разрядка, ослепительная, как ветвистая белая молния.

Смотри на меня! Только смотри на меня!

— Ты живая? — хрипло уточнил Макс и подгреб меня к себе.

Вопрос был актуальным, но с ответом я пока не определилась: такой магической опустошенности я не испытывала никогда, и поди разбери, что в моем кисельном теле — остаточная дрожь оргазма, а что — слабость из-за отдачи магических сил.

Я шевельнулась и постаралась уложить свою щеку на Максовой груди поудобнее.

— Свердлова, — позвал он.

— М?

— Свердлова, я не спрашиваю, есть ли у тебя совесть... Ты мне просто скажи: ты вообще представляешь, что это такое?

— А как же, — пробормотала я, чувствуя, как проваливаюсь в бездонную дрему. — Приперся тут ко

мне один инквизитор. Всякого хлама бесполезного натащил. И совести тоже — с избытком...

Я зевнула, не разжимая зубов, поцеловала случившийся рядом плоский мужской сосок и наконец-то уснула.

Максово «Предупреждать же надо!» прошло по краю сознания. Впрочем, я бы и в бодрствующем состоянии большего внимания этой реплике не уделила бы.

Максим

Ксю давно спала, свободолюбиво отпихнув меня на край кровати (жарко!), но при этом весьма собственнически ухватив за руку (жара жарой, а инквизиторы должны лежать там, где им ведьмой место определено!). Я же не мог заснуть, хоть и знал — надо. Но тяжесть, навалившаяся на меня вместе с полной завязкой медальона, не давала. Ее нужно было просто переждать. Вот я и ждал.

Орденский медальон — штука самонаполняющаяся. Тянет и тянет себе силу из окружающей среды, создавая запас для носителя.

Объем, который печати способны накопить, от естественной энергоструктуры носителя и зависит (а она, в свою очередь, зависит от целого букета факторов, от врожденной предрасположенности до физической формы).

У меня, к примеру, запас побольше, у того же Кирюхи — поменьше.

Расход резерва надо контролировать — чтобы не остаться в критической ситуации с голым задом и без прикрытия товарищей.

В штатной ситуации естественным считается, когда текущий запас составляет примерно две трети от общего объема накопителя.

У меня в последнее время плескалась примерно треть — тоже приемлемо, но нижняя граница. Но для выездов это нормально: слишком много расходов постоянно.

Максимум, который артефакт способен накопить, даже если не пользоваться его ресурсами вообще, это где-то девять десятых всего объема, плюс-минус. На этом и остановится, колеблясь в незначительных пределах, расходуя небольшой процент накопленного на поддержание печатей, тут же восполняя потраченное и опять расходуя...

А так, чтобы медальон был заполнен под завязку, — это не слишком часто происходит. В основном, в периоды штатного обслуживания у артефакторов Ордена. Ну или, как сейчас, если кто-то отдаст от своей силы...

Ощущение не сказать чтобы приятное.

Впервые в жизни я кончал в тот момент, пока сверху на меня наваливалась гранитная плита.

Впечатления, конечно, незабываемые, но не уверен, что хочу их повторить.

Хотя...

Я взглянул на разметавшуюся по постели Ксю. Сил не было даже на то, чтобы покачать головой.

Все же немного пугает, что такая мощь — в руках у... у Ксюши. Которая по жизни руководствуется принципом: «Сегодня мне в левую пятку стрельнуло так».

Хрен угадаешь, чего ждать — то ли потравит, то ли оторвет от сердца запас силы...

Я осторожно пошевелился, устраиваясь поудобнее. Потолок величественно и неторопливо плыл вокруг своей оси, и, если отбросить тяжесть, навалившуюся на тело, состояние было сходно с легким алкогольным опьянением.

Мысли неугомонно ворочались в голове, разрозненные кусочки пазла упрямо пытались состыковаться. Я неосознанно поглаживал большим пальцем нежную кожу тыльной стороны ведьминской ладони и думал, думал, думал... иногда не о том. То есть не о деле. А, например, о том, что опыт — сын ошибок трудных — подсказывал: когда события принимают настолько стремительный оборот — близится развязка расследования. Город взбудоражен. Преступники — раз подались в бега — паникуют. А паника — плохое подспорье в криминальных делах. Они совершат ошибки. И будут пойманы. Вот только закрытие дела, помимо успешно проделанной работы, будет означать еще кое-что: я уеду из Крапивина. И это внезапно стало каким-то царапающим откровением.

Ведьмы часто растят детей без отцов. И объективных причин тому — полно. Пример многоуважаемого Егора Александровича — это, скорее, исключение из общего правила. И заводят без отцов, бывает, тоже.

Это я знал. Но никогда не предполагал, что меня однажды смогут определить на место такого вот отсутствующего отца.

Избежать «счастливой» участи удалось практически чудом: просто повезло, что я — дознаватель

каждый день, а Ксю — преступница от случая к случаю.

Знал и то, что я действительно ее охраняю, а подходы к квартире — это место, где ее гарантированно можно перехватить и потому требующее внимания. Вряд ли наши с ней интимные отношения — тайна для заинтересованных лиц. А ну как злоумышленник, напавший дважды, предпримет третью попытку — и в этот раз попытается выманить Свердлову, взяв меня в заложники? Ксю, конечно, с равным успехом может и выйти из-под защиты семейного гнезда, чтобы лично накостылять обидчикам, и захлопнуть двери перед их носом, решив, что своя шкура дороже, — но не факт, что злоумышленники ов курсе таких деталей.

Так что каждый раз, покидая это место или возвращаясь сюда, приходится проявлять повышенную осторожность.

Собственно, поэтому я еще от входных дверей, ощутив тщательно скрытое изменение магического поля, насторожился.

Моментально сложилось, отчего при набитом холодильнике ей взбрело в голову готовить именно рыбу.

И естественным образом насторожился: что такое она колдовала, что для этого мало было попросить меня не лезть, а понадобилось выставить из квартиры? Если бы не это, то вряд ли бы я заметил ее дивный «чаек» — после которого и полез уже планомерно проверять свои вещи!

Ксюша-Ксюша...

О чем ты думала?

Но вообще, это очень по-ведьмински: совершить преступление, а когда тебя схватят за руку — обидеться!

Даже всерьез злиться на нее не получалось, а ведь следовало бы. Злость была, но какая-то... фоновая. Она забивалась другим, неожиданным, странным. Тревожным.

А ведь казалось бы, мы просто два взрослых человека, которые решили слегка разукрасить вынужденное совместное проживание.

Только вот она захотела от меня ребенка.

А я?

А я — по крайней мере, по ее соображениям — вернусь в столицу и забуду крапивинскую Хозяйку. Вернуться-то вернусь. А вот забуду ли?

Высшие силы мне свидетели, ведьм на своем веку я повидал немало, но настолько... незабываемой, чтоб ее! Еще нет.

Я только успел приступить к утренней разминке, когда из спальни выползла Ксю в типичной своей утренней ипостаси: лохматая, недовольная, сонная.

Полыхнула в меня обиженным взглядом, правда, до объяснений, что я сделал не так, не снизошла.

Вроде встал тихо, не будил, к зарядке насильственным путем не принуждал...

Свердлова вернулась из туалета, встала рядом со мной и с демонстративно холодным выражением на лице начала свой собственный комплекс.

А, ну все понятно, вариантов изначально не было: сейчас я провинился тем, что не разбудил на зарядку, а в любом другом случае мне вменялось бы в вину обратное.

Тихонько посмеиваясь и заканчивая разогревать мышцы, я обратился к ней:

— Доброе утро, Ксения Егоровна!

Ответное «быр-быр-быр» с равной вероятностью могло быть пожеланием доброго утра, рекомендацией провалиться и заклинанием призыва демона.

— Орден в моем лице принял решение, что ваши услуги обходятся инквизиции слишком дорого, — оповестил я, и «быр-быр-быр» по эмоциональной шкале сползло в район настороженности.

Если я правильно понимал ситуацию, то следующим пунктом в этой шкале у Ксении Егоровны шли

побой.

— Серьезно, Ксюш, оставайся дома. Отдохнешь, можешь под настроение в книгах порыться на тему подходящих под требование ритуалов, — дополнил я, не доводя дело до нанесения телесных повреждений различной степени тяжести. — В конце концов, для тебя сейчас нет работы на выезде, так что эффективней будет разделить. Ну и просто, расслабишься. Воскресенье.

Ксю перестала тянуться к левой ступне, многозначительно отметила:

— Вот именно. Воскресенье.

И наклонилась к правой.

Зад живописно оттопырился, и четвертый размер эффектно выкатился, натянув горловину спортивной майки выразительными окружностями.

В боксерах дернулось: вечерний афродизиак и утренние гормоны дружно одобрили предложенное зрелище.

Я бы тоже одобрил — не изведи кое-то вчера весь мой запас презервативов.

Я принял упор лежа, но успел заметить довольную ведьминскую ухмылку.

Но согласие остаться дома и ни в коем случае не покидать защищенную квартиру она все же выдала.

— Зачем тебе это нужно?

Завтрак был похож на рекламу счастливой жизни: солнечная кухня, красивая женщина и яичница, сияющая желто-белым идеалом.

Ксю не стала прикидываться непонимающей, о чем мой вопрос, пожала плечами, колыхнув богатством под майкой (чертов любисток, когда ж он меня отпустит?):

— Я матерью хочу быть.

— И как давно?

Ворчание было риторическим, но Ксю внезапно отозвалась:

— Да не то чтобы очень уж давно...

Она держалась спокойно: ни тени раскаяния, ни капли угрызений совести. И это впервые не принималось как должное — ведьма! — а бесило.

— А ты не подумала, что у меня тоже может быть мнение на этот счет? Что мне не все равно, где и как живут мои возможные дети?

Когда Свердлова оторвалась от намазывания хлеба маслом и подняла на меня взгляд, ее глаза были абсолютно серьезны.

— Нет. Я думала о том, что выгодно мне.

Злость ворохнулась в душе, но слабая, беззубая, и тут же стихла, задавленная самоконтролем.

Но дверью, выходя из квартиры, я хлопнул все же сильнее, чем следовало бы.

Ксения

Когда за Максимом закрылась дверь, я достала бабкины книги с антресолей и некоторое время действительно ковырялась в обрядах и ритуалах, пытаюсь отсеять те, что точно не укладываются в наши условия, и сузить поле поиска.

Получалось паршиво: тревога, с утра скребшаяся на душе свербежом плохого предчувствия, давила на мозги и не давала сосредоточиться.

Ненавижу свою интуицию, когда она так делает!

Почему нельзя выдавать предупреждения в точных, понятных формулировках?!

Еще и с этим поругалась...

Плюнув на гордость, ближе к обеду я позвонила и устроила ему натуральный допрос на тему безопасности. Дурацкий инквизитор слушал меня вполуха и явно дожидаться не мог, когда же я отцеплюсь, — и закончился этот разговор тем, что я просто наорала на идиота и не отстала до тех пор, пока он не пообещал следить за спиной.

Легче не стало — тревога не унималась.

Зло выдохнув, я снова взяла телефон:

— Алло, Лен? Как у тебя дела?

— Здравствуйте, Ксения Егоровна. Все хорошо, спасибо.

Хорошо-то хорошо, но судя по голосу — ее только что асфальтоукладчик переехал.

— Что вы хотели, Ксения Егоровна?

— Что у тебя с голосом?

— Не ваше дело, Ксения Егоровна. Если у вас все...

— К тебе стажерка вчера приходила?

— Дина? Больц? Да, приходила, я ей все показала, толковая девочка. А что такое?

Ну, нужен же мне был предлог, чтобы позвонить своему продавцу в воскресный день. Не могу же ей прямо сказать «Интуиция беспокоит!» Поэтому:

— Она контакты оставила?

— Да, конечно.

— Продиктуй мне ее номер.

— Алло, Дина.

— Здравствуйте, Ксения Егоровна! А мы вчера с Леной меня переехали!

Голос из трубки фонтанировал радостью. В мой мрачный, серый день столько позитива не помещалось.

— Лена в общежитии договорилась, и мне комнату сдали! За копейки! Ой, Ксения Егоровна, тут так хорошо!

Ага, после двух лет жизни вчетвером в однушке — еще б не хорошо. Боже. Я чувствую себя вампиром, которого насильно тащат на солнце.

— Ты про предупреждение от инквизиции знаешь?

— Да, знаю, мне мама сказала, но вы не волнуйтесь, Ксения Егоровна, я все равно в понедельник на работу выйду!

Вот именно теперь я и начала волноваться.

— Отставить, — мрачно скомандовала я. — Аванс я тебе переведу, и сиди в своем общежитии ровно,

поняла?

— Ну, я подумала...

— Знаю я, что ты подумала, — не удержалась я от сарказма. — И даже знаю — чем именно! Все, сидеть и ждать, пока Орден не даст другую команду, поняла?

— Поняла, Ксень Егорна!

— Ну и слава богу... До свиданья.

— Алло, мам. Ну как вы? — я держала трубку с некоторой осторожностью.

— Ага. Объявилась.

Ядом из ее интонаций можно было выморить небольшое государство вроде Люксембурга или Ватикана. Или на месяц загнать на больничные койки все население какой-нибудь страны покрупнее, вроде Франции.

— Мам, ну не начинай, а? — заканючила я. — Вот только нотаций мне и не хватало, и так на душе кошки скребутся!

Мама уложила в одно длинное предложение меня, мою бабу, недовыданные мне в детстве розги и кошек, скребущихся на моей душе, а также сложные отношения, в которых мы все между собой состояли.

Потом помолчала — и я прямо видела, как она свирепо раздувает ноздри — и буркнула:

— Нормально мы. Катерина твоя осваивается. Выдала ей орденский устав для ведьм — пока зубрит. Потом объясню, как правильно его нарушать, чтоб не попадаться...

— Мам... вы там приглядывайте друг за другом, ладно?

— Кто бы говорил, — фыркнула маман. — Сама-то что?

— Не-не, я тоже берегусь! — заверила я. — Из квартиры — только под охраной Ордена!

Прощались мы долго и неохотно, клятвенно заверяя одна другую в собственной осторожности.

Беспокойство не отступало.

Из опрошенных респондентов наиболее сильное беспокойство вызывала именно Ленка.

Максим — мальчик самостоятельный, опытный, к тому же с заряженным под завязку защитным орденским артефактом. Динка сейчас, на волне благодарности, готова смотреть мне в рот и, раз ей сказано «Сидеть!», будет сидеть до отмены приказа. Катерина и вовсе у мамы, а рядом с мамой — папа. Магия магией, а мужик с топором — это всегда мужик с топором.

А вот Лена... У Лены голос был пожеванный.

Что ж, исполним номер на бис.

— Алло, Лен?

— Здравствуйте, Ксения Егоровна, — с обреченностью раненого животного отозвалась Тёмина.

— Лена, — бодро выкатила я заготовленную причину для звонка, — я Динкин номер случайно потеряла. Дай еще раз?

— Подождите. Сейчас я скину...

И, пока Тёмина ковырялась в настройках попискивающего телефона, озвучила настоящую причину:

— Лена, мне не нравится твой голос. Что случилось?

— Да ничего не случилось! Все в порядке! Просто из клиники позвонили! Онкология у меня! И жить мне негде!

От неожиданности я икнула: Шипурина что, с ума сошла? На кой черт она ей это сказала?! Мы же

договаривались всё решить по-тихому.

— Лена, Лена, стоп, какая клиника, сегодня же воскресенье!

— Ну, вам же это не мешает! — ядовито отозвалась моя сотрудница, и я даже слегка смутилась.

Ну, в самом деле, я же из благих побуждений!

— А как вышло, что результаты так быстро пришли? — осторожно уточнила я.

— Платная медицина демонстрирует чудеса клиентоориентированности, — вздохнула Леночка. — Доктор сказала, результаты пока предварительные, нужно полноценно обследоваться, но не затягивать ни в коем случае. Она, собственно, потому и позвонила: говорит, место есть на ближайшие дни, и... Чтоб не ждать.

— И что ты решила?

— А что я могла решить, — устало отозвалась она. — У меня денег нет, а Коля сказал, что... — голос Ленки пресекся, она несколько раз прерывисто вздохнула, выравнивая его, и продолжила: — сказал, что от меня одни траты, я сижу у него на шее, и вообще, нехрен. Потому что они там все придумали, только бы денег вытрясти, а я, дура, ведусь. Так что, наверное, буду обследоваться в общем порядке, бесплатно.

Разжать зубы. Ксюша, разжать, я сказала!

Вдох носом, выдох через рот, дыхание размеренное, ровное.

Ты никого не собираешься проклинать — ты прекрасно помнишь, кто живет у тебя под боком, и вчера убедилась, какая у него чувствительность. Ты спокойна, ты абсолютно спокойна!

...а что корпус телефона стиснула так, что костяшки побелели, — так это ерунда и пройдет.

Медленно, практически по одному пальцу, расслабив руку, я с подчеркнутым спокойствием выдавала:

— Лен... Лен, давай, твоего Колю аккуратно в подворотне пришибут? У меня есть правильные знакомые, в лучшем виде сделают. Или вот ствол нехороший можно у него найти... Я не шучу, Лен. Вот вообще не шучу!

Ленка молчала. Ей было не до моих кровожадных планов: она стояла на краю пропасти, смотрела вниз и понимала, что на этом обрыве она совершенно одна, без близкого человека.

Молчала и я.

Тем удивительнее было услышать третий голос в нашем диалоге:

— А почему нельзя от него просто уйти?

— Дина? — растерялась я.

И Ленкин изумленный голос смешался с моим:

— Ты что здесь делаешь?!

— Понятия не имею, — бодро отрапортовала Дина Больц. — Это же вы с Ксень Егорной меня в конференцию пригласили! Я решила, что, раз пригласили — наверное, что-то имели в виду, вот и жду молча.

— Это новый телефон, я, наверное, случайно, когда твой номер искала для Ксении Егоровны, никак не разберусь, дурацкие навороты, столько функций...

— Воу! — обрадовалась Динка. — Новый телефон? Крутой?

— Да, — тускло отозвалась Лена. — Очень. Коля подарил...

Динка, осознав, что эта тема так себе, резко вернулась к предыдущей:

— Так почему от него нельзя просто уйти? Но если нельзя — то можно ему домогательства к несовершеннолетним устроить. Несовершеннолетняя есть, домогательство организуем!

Я безмолвно размышляла, как объяснить молодой ведьме в возрасте «Магия рулит!», которая жаждет творить добро во имя Луны, почему нельзя подставлять людей с помощью колдовства направо и налево.

Ситуация осложнялась тем, что я и сама не очень-то хорошо это понимала, так что основным аргументом в моей педагогической беседе, скорее всего, станет: «Потому что Инквизиция!».

— Дурные вы какие-то обе, — отстраненно-обалдело пробормотала Ленка в телефон. — А я и так — ухожу. Потому и жить негде...

Ленкин голос дернулся, скакнул вверх, и в нем отчетливо зазвучали стоящие в горле Тёминой слезы.

А Шипурина, между прочим, сказала — «беречь себя».

— Лена, — вмешалась я, — слушай, а может, ты сегодня у Дины переночуешь? Это же общежитие, мало ли кто там в соседях... А так и тебе есть где переночевать, и мне спокойней будет, что все увидят: девочка живет не сама по себе, и за ней есть кому присмотреть. А в понедельник уже будешь искать жилье. Я знакомых потрясу...

На минуту кольнуло тревогой: может, разумнее было бы позвать Ленку к себе?

Если бы не Макс, я бы, пожалуй что, и позвала — несмотря на всю мою нелюдимость. Но инквизитор на постое на корню рубил этот вариант. Все же будет достаточно сложно обосновать обычному человеку нашу бурную, но плохо объяснимую деятельность.

К тому же за Больц действительно надо присмотреть — хотя бы первое время: как бы не пошла в разнос. Да и Ленку, на самом деле, не стоит сейчас оставлять одну, а с Диной ей будет комфортней, чем со мной...

Но все равно — а не зря ли я свожу этих двоих на одной жилплощади?

Динке, к счастью, мои сомнения были неведомы:

— Точно! Поможешь мне обжиться! — с лету уловила она мою идею. — Я ж подросток, я сама не смогу! А здесь такой срач — просто ужас! Поможешь?

— А что там надо делать? — растерялась Тёмина.

— У-у-у! Вещи разложить, шкаф с кроватью передвинуть — ну как я сама? Обои! Обои надо поклеить!

— А зачем обои?

— Как — зачем?! А как жить-то?! Так что, придешь?

И Ленка засмеялась, негромко, но очень искренне:

— Приду. Спасибо!

— Вот хорошо! — возликовала Дина. — А то мне в магазине вино не продают, говорят, восемнадцати нет!

— Но тебе же действительно нет!

— Ай, Лен! Ну лучше с тобой, под присмотром, чем потом сама за гаражами, верно?

Я осторожно отключила телефон: дальше они и без меня разберутся.

Это что, об этом мне орала интуиция?

Звонок с незнакомого номера раздался почти сразу же.

— Алло? — подобралась я.

В трубке раздалось шипение и треск, а потом сквозь него я сумела разобрать голос Макса:

— Можешь приехать? Тут труп.

И снова шум и заикание, через которые пробивались только отдельные слова и их обрывки — а потом и совсем связь оборвалась.

Я торопливо набрала высветившийся номер — занято. Еще раз — опять занято.

Так... а не может ли выйти так, что мы сейчас усиленно друг другу названиваем?

Усилием воли я прекратила попытки дозвониться и даже убрала от телефона руки — во избежание.

Помогло: входящий звонок с неизвестного раздался почти сразу же. Я торопливо приняла вызов — чтобы сполна насладиться «пш-ш-ш!», невнятным бормотанием и, внезапно, вполне отчетливым Максовым усталым: «Ну твою ж мать!».

— Алло! — радостно завопила я. — Я тебя слышу, говори!

Но поздно — соединение уже прервалось.

Следующий вызов не удалось даже принять — сорвался в момент соединения, а еще один снова принес улов из ошметков слов и бормотания.

Мой звонок прошел лишь единожды и ничего, кроме шипения, не дал.

Потеряв терпение, я рявкнула в трубку:

— Пиши!

И продублировала это послание капслоком в сообщении.

Ответ от Макса пришел через несколько минут, за которые я успела поседеть.

«Миргуна взяли, но я расколотил телефон. Ты нужна, собирайся. Наши тебя заберут через десять минут. Машина красная ауди номер 647».

Я торопливо набрала текст:

«С собой что-то нужно? Что у вас со связью? Я не могу дозвониться!»

Подумала и щедро добавила восклицательных знаков, подчеркивая свое волнение.

«Нет, просто посмотришь, как прошлый раз, — прилетело мне в ответ. — Мы в районе Чертышевки, тут со связью какая-то дыра».

У-у-у! Чертышевка — это многое объясняет. Со связью там действительно... Дыра.

Я снова попыталась дозвониться, но трубка упорно плевалась мешаниной из Максовых слов, и я сдалась.

«Так убивал Миргун?»

Максово «Да. Не могу говорить. На месте увидишь» заставило угрызнуться совестью.

Люди работают, а я...

Тревога скручивала в узел внутренности, интуиция ором орала, что Миргун — не единственная опасность в мире, но категорически отказывалась прояснить, кто под ударом.

Я? Макс? Ленка, которая все-таки решилась уйти от упыря?

Будь у меня хоть малейший талант к предсказаниям — плюнула бы на ограниченность во времени и попыталась бы бросить кости или разложить карты. Да хоть кофе спать!

Но хоть это мне и не дано — кое-что я все же могу.

Тяжелые слова ложились на плечи, стекали на пол. Колдовать было тяжело: давал о себе знать резерв, слитый в медальон Соколова, но я упорно тянула и тянула нить силы, сворачивая ее в защиту от всего, что мне известно, — включая сонный газ.

Это, конечно, не панацея, но, когда от беспокойства ломит зубы и стучит в висках, никакие предосторожности не будут лишними.

Выходила из квартиры и спускалась по лестнице осторожно, внимательно вслушиваясь в окружающее пространство. И потому давнего знакомого учуяла на подходе.

Вот, значит, кто собирался явиться по мою душу.

Хорошо, что я была готова.

И я поспешила выйти на улицу, чтобы не оказаться с ним наедине в ограниченном подъездном пространстве.

— Ты!

А вот Ленкин упырь явно предпочел бы обойтись без свидетелей — и потому не удержал восклицания, когда подъездная дверь толкнула его в грудь.

Я торопливо шагнула вперед и в сторону, поближе к старушкам на лавках, пользуясь тем, что он отшатнулся.

— Слушаю вас, — бросила холодно.

«Как бежала руда-кровь по жилам», — пальцы шевельнулись, помогая силе сложиться в нужный узор.

— Ты, тварь! Это ты моей Ленке голову задурила, — ощерившись, негромко выдал упырь.

Он наступал медленно, надеясь испугать меня.

Но у меня были другие планы.

«Как спешила жива красная по телу»...

— Я тебе, мерзота жирная, ноги выдерну, поняла?

— Уходите! — колдовать и одновременно развернуто дискутировать тяжело, поэтому я придерживаюсь рубленого стиля.

И не добавляю «Пока своими ногами ходишь».

Но, видимо, упырь что-то читает по моим глазам, а может, ему просто необходим страх жертвы для решительных действий, потому что тон он хоть и не сбавил, но переть на меня буром перестал:

— У нас семья, ты поняла? А таким, как ты, завистливым стервам лишь бы все перегадить!

«Как бежала резво по веночкам»...

— Уходите, — холодно отвечаю я, не пытаясь ни оправдываться, ни доказывать, что он не прав.

Если он успеет уйти до того, как я дочитаю заклинание, — значит, повезло.

Если успею я... Инсульт — штука неприятная. И ни один дознаватель не посмеет поставить мне в вину то, что я защищалась.

Я почти надеюсь на то, что он останется, а еще лучше — нападет. Цинично, но это избавило бы меня от кучи хлопот с Тёминой. Но у таких, как этот упырь, чутье звериное.

И он, бросив напоследок:

— Не лезь к моей жене, тварь! — и плюнув мне под ноги, уходит.

И бабки у подъезда провожают его взглядами, а я приваливаюсь к стене.

Некоторое время просто наслаждаюсь жизнью. А потом начинаю по ниточке, по петельке распускать почти готовое проклятие.

Мне оставалась одна строчка, чтобы убить человека.

Человек, конечно, так себе, дно, а не человек, но челюсти мне свело судорогой.

Красную ауди инквизиции с заветным номером я заметила, стоило ей только остановиться на въезде во двор, ибо ждала ее с нетерпением: пусть упырь и ретировался, но у меня в голове все крутились мысли о том, что такие, как он, ненавидят проигрывать и что у бывшего сотрудника органов запросто может иметься оружие...

В машину я села с огромным облегчением: напряжение и тревога выматывали.

— Здравствуйте, Ксения Егоровна! Пристегнитесь, пожалуйста. Ремень заедает, давайте помогу...

Я потянулась к ремню безопасности и уже не успела отреагировать, когда в шею меня вдруг что-то ужалило и все тело скрутило острой, судорожной болью — а потом на сознание навалилась плотная темнота.

Глава 15

Максим

— Ну что, как у вас?..

В прихожей домика, снятого Кирюхой для следственных нужд, было накурено: не то что топор повесить можно — а целый хирд викингов разоружить и все колюще-режущее развесить. Кондиционер откровенно не справлялся.

У Кирюхи глаза покраснели и стали того цвета, когда еще чуть-чуть — и кролики-альбиносы станут принимать за своего. Австралийские кенгуру, впрочем, тоже: такие мешки под глазами не у всякого сумчатого найдутся.

— Работаем, Макс, — он жестко растер лицо ладонями, пытаясь выжать из себя немножко бодрости, и встряхнулся.

На узком диванчике скрючился кто-то из мужиков: судя по неудобной позе и неснятым ботинкам, прикорнул на минуточку — и вырубился, а сердобольные коллеги не будят, пока могут. Даже пледом вон укрыли...

Незнакомая тетка оккупировала единственный стол, разложив на нем карту, истыканную флажками, и сверлила ее свирепым взглядом, что-то бормоча — то ли колдовала, то ли материлась.

— Ночью приехало обещанное подкрепление, перекрыли вокзалы и порт, хотя толку с этого теперь: если Стеценко хотел, то из Крапивина уже выскочил. Докинули им в нагрузку еще ориентировку на Миргуна. Держим засаду в аэропорту в областном центре, там Жека. Аэропорт тут один на сто километров, а Верка клянется, что за этот радиус ни Стеценко, ни Миргун не выбрались. Костя с приданными силами отрабатывает связи беглецов в Крапивине. Спецы потрошат технику Стеценко, ищут финансовый след. Без денег в бега отправляться не с руки, а за семь лет у черного артефактора должна была скопиться весомая заначка. Не наличкой же он их в чемодане вывозит? Найдем счета — и все, считай, отбегался, голубь. За этот хвост мы живо его новую личность вытянем...

Кирилл обвел взглядом стены:

— Что еще? — и сам себе ответил: — Вроде все... Ну, там по мелочи еще, несущественно.

Я понятно кивнул. Можно было бы попросить Ксюшу заварить с собой что-то из ее тонизирующих чаев. У нее зубодробительные смеси получают, отлично бодрят. Но после вчерашней выходки и утренней ссоры это было бы просто глупо.

— Кто работает по жилищу Стеценко?

— Пока никто, Орден вызвал какого-то артефактора из Киева, но пока еще тот доберется... До приезда мастера все опечатано и скрыто. Но мастерская все равно в поисках беглеца ничего не да...

Телефонный звонок заставил его прерваться на полуслове. Кир метнулся к забытому на чайном столике мобильному, чуть не сшиб по пути стул, заставленный стаканами с кофе и из-под кофе, и ухватил аппарат, оборвав бравурный марш входящего вызова.

Прижал трубку к уху — и через несколько секунд по вспыхнувшему в его взгляде азарту стало понятно: есть поклевка!

У Кирюхи натурально трепетали ноздри, как у летящего по следу гончака.

— Взяли! — он подчеркнуто плавно и аккуратно убрал телефон в карман.

Точно такое же ликование, наверное, испытывала Дикая Охота, в очередной раз загнав добычу.

— Стеценко взяли в аэропорту с чужими документами, личиной и под отводом глаз!

Допрос шел уже больше часа. И, признаться, все бы допросы так шли. Стеценко, в наручниках и под магиегасящими печатями доставленный в руки родной инквизиции, в уютный подвальный съемного дома, сдавал себя и ближайшее окружение так, будто от этого зависела его жизнь. Впрочем, она и зависела.

— На кладбище работали впятером, одна из смен разнорабочих полностью в теме была. Если надо было какую-то могилу обработать в конкретную дату — ну там, то луна на ущерб, то козерог раком

— так всей сменой и менялись... Имена нужны?

— Да, конечно.

Владимир Степанович охотно продиктовал список поделщиков, исправно зафиксированный диктофоном. Все четыре имени были нам известны, эти рабочие пропали почти разом. Но искренность Стеценко я оценил.

— Я по административной части был: информацию по захоронениям отслеживал, рабочих нашел. Частный дом, чтобы мастерскую устроить, купил на свое имя. Гараж снял тоже на себя: тетка Алла засветилась когда-то перед Хозяйкой, еле вывернулась, так что ее имя светить было опасно. Ну и прочие организационные моменты, — пел соловьем Владимир Степанович. — Мужики добычей ингредиентов занимались. Не только на кладбище, для артефактов много разного нужно... По ювелирке там или по кости резьба... Это все на нас было. Валентина с тетей Аллой — по части магии. Но в основном Валька. Тетя Алла все больше руководила. В последнее время хреново стало, ваши плотно за нас взялись. Ну а последний год и вовсе... Орденские ищейки обложили. Пришлось здорово ужаться. Спасало только то, что всю продукцию реализовывали далеко от Крапивина — а ваши искали только по сработавшим артефактам, и то только там, где клиенты грязно отработали. В общем, на нас выйти не должны были — у клиентов-то на нас выхода не было. Но на нервах, конечно, все были.

Стеценко попросил воды и, когда ему принесли, пил нервно, частыми глотками.

Люди, плотно набившиеся в прохладный подвал, аккуратно освобожденный от полок и снабженный столом и двумя стульями, для меня и задержанного, ощутимо подобрались.

Предыстория закончилась, показания подошли к конкретным делам.

Владимир Степанович отставил пластиковую бутылку и вытер губы скованными руками.

Продолжил:

— Я, когда на кладбище инквизитора увидел, чуть на месте коньки не отбросил, — Стеценко быстро мазнул меня взглядом, проверяя, зашла ли лесть. — С трудом удержался, чтобы сразу не сдернуть...

— Как вы поняли, что я из Ордена? — перебил я показания.

Стеценко задумался:

— Да хрен его знает. Видно.

— На лбу написано?

— Ну-у-у, не то чтобы «на лбу»... — замаялся он, явно не желая озвучивать неприятные вещи людям, от которых зависело его будущее. — Но если глаз наметан, то что-то в вас во всех общее есть.

— Хорошо. Продолжайте.

— Ну, я как вас увидел — тетке Алле сразу же передал. Думал, она скажет валить из города. Но Куропятникова приказала нацепить маяк на машину и проследить.

— У вас всегда при себе имеются артефактные маячки, защищенные от магического обнаружения? — позволил себе усомниться я.

— Валентина привезла, — неохотно пояснил он. — Привезла, приказала установить на машину и следить.

— Только маячки?

— Нет... Там еще было... кое-что. На всякий случай.

— Кое-что?

— Там еще была парочка колец. Мало ли...

— Что за кольца? — дожимал я изо всех сил увиливающего Стеценко.

— «Белый путь» и «Звезда вечности», — отвел взгляд Владимир Степанович. — Их тетка Алла сама делала, Валентина сказала, что все будет в лучшем виде, с гарантией...

— Дальше, — потребовал я, не заостряя внимания на том, к чему относились гарантии. — Что было потом?

— Вы уехали с кладбища, я предупредил Валентину по телефону и поехал по следу от маяка. Близко не подъезжал, чтобы не засекли. Вы в город вернулись, и стало понятно, что все, кранты. На кладбище орденский, может, еще и по своим каким-то делам приехал, мало ли. Но вот то, что с кладбища инквизитор прямой наводкой в пятую больницу двинул, это все. Амба.

Что? Пятая больница?..

У меня нехорошо екнуло в животе. После кладбища я поехал в морг, к Кириллычу. И за все время следствия никто из сотрудников больницы в материалах не фигурировал.

— С кем именно в больнице вы сотрудничали? — с равнодушным видом уточнил я, давая понять, что нам и так все известно и я всего лишь проверяю его признание на чистосердечность.

Новый список был короче, в нем оказалось только два имени. Но этих имен у нас раньше не было. Ничего, разберемся.

— Что было дальше?

— Я занервничал, — неохотно признался Владимир Степанович. — Стал звонить Куропятниковым, обоим, они требовали, чтобы я прекратил истерику и следил дальше...

Плечи Стеценко повисли, и ему явно не хотелось рассказывать, но понимание, что это все равно придется делать, раз уж начал, не давало ему замолкнуть.

— Валентина сказала, что все под контролем, и я вроде успокоился... К тому же вы в гостиницу поехали, и можно было вернуться к себе и нормально продумать, что делать дальше, но тут вы сдернули к Свердловой, и...

Он сглотнул и старательно не поднимал голову, бегая взглядом по неровностям подвального пола.

— И?

— И я запаниковал...

— То есть вам не приказывали попытаться убить меня и Ксению Свердлову?

— Да... То есть нет! То есть... это же ее бабка в свое время чуть не отправила на казнь тетку Аллу! И могла рассказать внучке, потому что Антонине наследовала она, а не дочь, и раз уж вы поехали к ней — то наверняка и рассказала, и...

— Понятно. Дальше!

— Я вернулся домой...

— Не перескакивайте, пожалуйста, Владимир Степанович, — вежливо попросил я. — Рассказывайте по порядку.

— Я дождался, пока вы оба выйдете на крыльцо, бросил в вас «Звезду вечности», но вы ведь оба не пострадали, так? — зачастил он скороговоркой. — Свердловка даже свору на меня спустила, пришлось применить «Белый путь», и я думал, что теперь-то точно пора рвать когти из города, но тетка Алла орала как сумасшедшая, вопила, что я болван, что я до хрена все усложнил и теперь нужно уничтожить следы и замереть, как мышь под веником. И что все под контролем, ваши пока не знают кто и где, и бежать сейчас — это только выдать себя...

— Я им поверил, — ссутулился Стеценко. — Дурак.

Он замолчал, и я не торопил его в этот раз.

Когда кладбищенский администратор заговорил, слова явно давались ему с трудом:

— Я подтер все хвосты. Мастерская у меня в подвале, мастерская в гараже, второй гараж, который склад... Тетка Алла сказала не суетиться, ей не звонить, жить обычной жизнью. Если пора будет сваливать — она сама выйдет на связь.

Он снова помолчал, потом вздохнул и продолжил:

— Некоторое время все тихо было, и я уже начал надеяться, что и правда обойдется. А потом мне позвонили подрядчики, выигравшие тендер на реставрацию кладбища, которой еще в начале года и в помине не было в городском бюджете. И я решил, что все, хватит, нервы не казенные, здоровье дороже. Назначил «подрядчикам» встречу как можно позже, а сам... Все ж понимали, что с нашей жизнью в любой момент придется... У меня все было подготовлено давно, спланировано заранее: что и как делать, куда бежать. Уничтожить следы в офисе, в доме... Документы я себе подготовил

такие, что не отличишь от настоящих, — за те-то деньги, что я за них отдал, они даже лучше настоящих. Виза, билет на самолет. В Тае Орден не любят, оттуда бы меня инквизиции не выдали. Только из нашей дыры прямые рейсы в Тайланд редко бывают, а делать пересадку в Европе я не рискнул. Наши-то подделки и в Европе, говорят, наследили... На подставное имя снял квартиру в области, чтобы пересидеть до нужного рейса... Оставалось только дожидаться ночи, чтобы уехать из Крапивина — а тут Валентина. Она в последний момент меня застала. Сразу все поняла. И я тоже понял, зачем она пришла и почему они требовали, чтобы я на месте сидел. Мужикам Валентина старалась на глаза не попадаться, работала через меня, а про тетку Аллу они и вовсе не знали. Думали, что работают только с одним мастером. Все подозрительное имущество оформлено на меня. Везде мое имя. А с них, выходит, и взятки гладки. Валька скажет, что знать не знала, чем я занимаюсь, только исполняла иногда мои заказы по мелочи, ну а старшая Куропятникова при таких раскладах, получается, и вовсе не при делах. Главное, чтобы я показания давать не начал.

Он потер руками лицо и проговорил себе в руки:

— Ведь, вышло, с самого начала они меня как козла отпущения держали. С самого начала! — и затих в этом положении.

— Как вы убили Валентину Куропятникову? — подтолкнул я его, выждав некоторое время.

— Я, когда понял все, меня такая ярость взяла! Я вообще не думал. На столе нож лежал: я бутерброды в дорогу делал. Нож сам, считай, в руку скакнул! Ну я ее и... У нее на пальце колечко было, мы такие не раз делали. Активируется усилием воли, а потом достаточно человеку к груди прикоснуться, и все, уже через пару часов любое вскрытие, любая экспертиза подтвердит смерть от инфаркта без малейших следов постороннего вмешательства. Я кольцо снял. Потом почти сутки рука болела и пальцы судорогой сводило: Валька успела его активировать...

— Куда вы дели кольцо? — среди вещей, изъятых у Стеценко при задержании, ничего похожего не было.

Как, кстати, и орудия убийства.

— Выбросил. Вместе с ножом и выбросил, пока на вокзал добирался. Оно одноразовое, второй раз не применить. Да и не хватало еще таскать с собой черный артефакт и орудие убийства, в то время когда меня и так каждая собака ищет... Место показать?

— Обязательно.

Мы замолчали.

О чем думал Стеценко, не знаю, а я — о том, что он старательно выводит это убийство на самозащиту либо совершенное в состоянии аффекта. Но, несмотря на то что ему это вполне может удасться, действие это не имеет смысла.

Потому что...

Оставалось последнее.

— Кто и для каких целей убивал в городе неинцинированных ведьм?

Стеценко поднял голову. В его взгляде читалось искреннее изумление:

— Каких ведьм? Кто убивал?..

И допрос зашел на новый виток. Стеценко, только что охотно сдававший пароли-явки-адреса, встал намертво, как только речь зашла об убийствах, и это с равной вероятностью могло отражать реальное положение дел, а могло быть простым желанием отвести от себя «расстрельную» статью.

Хотя недоверие, мелькнувшее во взгляде Владимира Степановича, и паника, охватившая потом, выглядели на редкость убедительно. Если это игра — то она достойна «Оскара».

От знакомства с Дмитрием Миргуном он тоже открестился, как и от второго покушения, в подъезде дома Свердловой.

Я все больше склонялся к версии, что Стеценко не врет и черные артефакторы действительно не связаны с нашей серией.

Надо, кстати, Ксюше позвонить. Ссора ссорой, а договоренности надо исполнять.

Я поднес телефон к уху и несколько мгновений слушал тишину, прежде чем сообразил.

ТЬфу, черт. Совсем заработался.

Здесь же подвал!

Вот только когда я, объявив о перерыве, выбрался под всевидящее око сотовых вышек, лучше не стало: приятный женский голос проинформировал меня, что Ксения Егоровна как абонент недоступна.

И это мне вообще никак не нравилось.

Вариантов развития событий я видел два: поехать и лично убедиться, что с этой... с этой прекрасной женщиной все в порядке и она просто утопила свой телефон в унитазе. Возможно, даже намеренно, представляя в процессе меня на его месте. Или отправить к ней кого-то из парней с той же целью.

Второй вариант особо не рассматривал — просто объявил о перерыве на обед, забрал ключи и документы и запрыгнул в машину.

И дело даже не в беспокойстве, которое грызло под левой лопаткой.

Ну разве мог бы я отказаться от возможности лишний раз упрекнуть Ксению Егоровну в безалаберности, несерьезности и общем ведьминском разгильдяйстве?

Знакомый двор, знакомый подъезд. Со всеми этими покушениями у меня уже условный рефлекс выработался — поднимать щиты еще на подступах к дому, в котором живет крапивинская Хозяйка. И так же автоматически запускаются сканирующие чары. Все в порядке, вокруг нет одаренных, и нигде поблизости не притаился враг. Окружающие настроены сплошь нейтрально — те, кто вообще как-то среагировал на мой приезд.

Лестничные ступеньки мелькали под ногами по три-четыре за раз. Сейчас отчитаю ее по первое число, как девочку. Как можно быть такой безответственной?!

Нужная дверь. Ключ, мягко провернувшийся в замке. И тишина, от которой еще с порога стало ослепительно ясно, что в квартире пусто.

Стремительно и бессмысленно, не зная, на что надеюсь, я пролетел по комнатам.

Бесполезно.

Никого.

Ксю пропала.

— Парни опрашивают соседей, уже установили, что Свердлова вышла из дома сама и около подъезда у нее случилась ссора с молодым человеком, которого никто из местных не опознал. Причиной конфликта стала жена неизвестного, которую Свердлова якобы настраивала против мужа, — частил Кирюха. — Получили описание, составляем фоторобот. После мужик ушел, а Свердлова села в красную иномарку и уехала. Жека и Костян шерстят окрестности на предмет камер видеонаблюдения, номера машины скоро будут. Через Орден отправили запрос сотовому оператору, ждем — как только получим локализацию и детализацию звонков, начнем работать. Макс, у нас отставание не больше часа — все будет путем.

Штаб расследования сместился в квартиру Ксюши, и теперь здесь царил тот же бедлам, что и в съемном доме в тихом переулке Крапивина.

Кухонный стол вытащили в гостиную, и инквизиторская ведьма, разложив на нем колдовские причиндалы поверх карты, вела магический поиск.

На всю квартиру разило паленым Ксюшиным волосом.

— Вера, что у тебя? — обратился к ней Кирилл, не дожидаясь моей реакции.

— Да полная хрень у меня! — рывкнула Вера в полной ярости. — Хозяйка волоса жива — это все, что могу пока сказать точно. Но она укрыта от поиска хитровывернутой защитой, я в ней вязну. Падла какая-то затейливая ее ставила, руки бы ему за это оторвать!

— Работай!

— Делаю, что могу! — огрызнулась на Кира приданная ведьма.

Я не участвовал в их препирательствах. Мысли неслись со скоростью экспресса. Под ложечкой сосало, и руки холодели от паршивого чувства, что время уходит, сыпется сквозь пальцы, утекает безвозвратно...

— Отставить! — резко скомандовал я.

Оба умолкли, с опаской переглянувшись, но приказ был дан, в первую очередь, самому себе.

Отставить сопли, соберись!

— Кирилл, запроси данные на Асадского Николая Семеновича. Его жена работает на Свердлову, и, скорее всего, речь шла о ней. Предъяви фотографию свидетелям, если опознают — отправляй к нему людей.

Скорее всего, конечно, это пустышка. Асадскому нет нужды ее похищать, он бы ограничился убийством, а инквизиторская ведьма уверенно сказала, что Ксю жива. Но проверить все равно надо.

Позвоночник немел, под ложечкой тянуло. Песчинки времени, остающегося в запасе, утекали быстрым ручейком.

— Вера, что тебе нужно, чтобы увеличить вероятность успешного поиска?

Когда я ее найду и верну в безопасность, я не знаю, что с ней сделаю.

Говорили мне отцы-наставники: не устраивай личную жизнь на работе, эмоциональная вовлеченность до добра не доводит! Слишком уж страдают от этого хладнокровие и непредвзятость.

— Да не знаю я! Это какой-то выверт мозга, с какой стороны не подойду! Ну если бы мы хоть знакомы были! Максим, может, попробовать ее кровь в квартире поискать, а?

Пожалуй, у меня есть идея получше. Я достал телефон:

— Алло?

— Добрый день, Сергей.

Один из двух Ксюшиных рыцарей, знакомых мне по кладбищу, в ответ на новости полыхнул беспокойством и агрессией, но сказал, что они с Ильей уже едут.

— Это подручные Свердловой, они как раз с детства с ней знакомы и неоднократно вместе колдовали, — пояснил я ведьме. — Задействуешь их в поиске.

— Отлично, попробуем круг! — обрадовалась она.

А я оборвал Кирилла, который, судя по лицу, уже был готов высказаться на тему привлечения посторонних к расследованию:

— Нам все равно понадобится бы кто-то, хорошо знающий местность.

— Как знаешь, — смешался Кир и отвел глаза.

Ксюша, твою мать. Ну как, как тебя угораздило, а?

Мы же договорились, что ты будешь сидеть дома. Ты, мать твою, ведьму, четко, внятно это пообещала.

Для человека, который орал на меня по телефону, чтобы я задумался о своей безопасности серьезней, поступок удивительно бездумный.

Дура!

Все указания были розданы, маховик поисков запущен, люди работали.

Мне оставалось только ждать.

Пока пробьют Ксюшин телефон — а вдруг, о чудо! — что-то найдут.

Пока добудут номера машины, в которую она села — добровольно, сознательно села!

Пока приедут «двое из ларца».

Самая тяжелая часть расследования.

Нервное напряжение выгнало меня из квартиры на лестничную клетку, и теперь я сосредоточенно курил, пялясь во двор сквозь мутное стекло.

Затяжки. Дым, растекающийся по легким.

Странно, что руки не дрожали, — потому что внутри меня изрядно потряхивало.

— Так, свалили все отсюда.

Именно так встретила ведьма Вера приезд «двоих из ларца».

Те двадцать минут, которые понадобились им, чтобы добраться, она употребила с пользой, и карта теперь лежала не на столе, а на полу, в центре меловой трехлучевой звезды, заключенной в круг.

Мы с коллегами оперативно вымелись из комнаты, успев краем уха зацепить диалог:

— Похититель использует какую-то вывернутую защиту, найдем тварь — я ему лично ноги выдерну, поэтому предлагаю такую стратегию поиска...

— Так, а дай-ка на узор взглянуть... Да не, это не похититель, это Ксюня так колдует. Точно тебе говорю, она эту дурилку лет десять уже таскает! Смотри, тут можно попробовать так...

Дверь закрылась и обрезала остаток разговора.

Мне снова оставалось только ждать и стоять под дверью, прижавшись лопатками к стене.

У всех остальных хотя бы было дело. А у меня — только это ожидание и сосущая пустота внутри.

И долетевшее изнутри «Есть!», ликующее и злое, стало для меня манной небесной.

— Это Хабаловка! — трое взрослых людей стояли на коленях над картой. — Сто процентов вам говорю, это в Хабаловке!

— Локализовали! — пылая победным взглядом, подняла ко мне голову ведьма. — Отсюда удалось задать только направление и расстояние, точнее, увы, не вышло: защита у коллеги все же мерзкая, даже дружественными усилиями до конца не расковыряли, но чары на стрелку встали, и чем ближе к цели — тем точнее будет целеуказание.

Она поднялась с пола и бережно вложила мне в ладони нечто, похожее на компас, — но вместо классической двусторонней сине-красной стрелки внутри корпуса свободно вращалась вокруг своей оси миниатюрная серебристая стрела.

Вернее, раньше вращалась — а теперь напряженно подрагивала, указывая путь к цели. К Свердловой Ксении Егоровне.

Мужики топтались рядом, тревожно заглядывая мне через плечо на заветную стрелку.

Как и я, они прекрасно знали: пока указатель дрожит — сердце цели бьется.

— Это северо-западное направление, — поспешил объяснить свое восклицание Илья. — Там есть заброшенная деревушка, Хабаловка. На картах ее нет, а по факту — есть. И расстояние подходит.

Братья по Ордено буднично и деловито заканчивали подготовку к оперативному выходу: проверяли снаряжение, переводили в активный режим артефакты. Наравивали защиту.

— Необходимо установить местоположение Миргуна, — старательно глядя мимо нас, нейтрально объявила Вера.

Я кивнул:

— Хорошо, один из подручных Свердловой останется и поможет, — кивнул я.

— Да какого черта! — взвился Илья. — Мы сюда не ваши следственные дыры затыкать приехали, наше дело — только Ксюха!

Набывчившийся Сергей молчал, но смотрел недобро: он был согласен со своим приятелем.

— На данный момент Миргун — основной подозреваемый в маньяки, — успокаивающе обратился я к этим двоим. — И основной кандидат в похитители Ксении. Его необходимо найти как можно скорее, в первую очередь — для ее безопасности.

И они вроде бы запереглядывались, совещаясь, но теперь возмутилась ведьма:

— Так не пойдет, Максим, вдвоем Круг не построишь! Нужны как минимум трое!

— А мне нужен навигатор, знакомый местностью, — спокойствие вдруг поднялось со дна души, и

она замерла в нем, как мамонт, вросший в глыбу льда...

Все эти споры, ссоры, препирательства стали вдруг мелкими и бессмысленными.

Сейчас я закончу экипировку и выйду из этой квартиры. И со мной будет навигатор.

— Сам тогда ищи своего Миргуна! Я его двое суток не могу...

Вера осеклась, глядя на меня испуганно.

— Спокойно! — вмешался Илья. — Я поеду с группой, а третьей в Круг моя Танюха станет.

— Ты уверен, что твоя жена согласится? — спросил я на остатках вежливости, придавленной спокойствием.

Щиты поднимались один за одним, вставляли слоями.

— Да сто процентов!

— Как быстро она сможет приехать?

Илья помрачнел:

— Ну, думаю, минут через пять будет...

— Что? — изумление пробилось даже сквозь мою броню спокойствия.

— Чует...

Серега хмыкнул:

— Ведьма-провидица в семье — это не только поддержка в нужный момент, но и верный муж и вежливые соседи!

— Ты остаешься, я за Ксюхой! — распределил роли Илья, проигнорировав подколку приятеля.

— Да сейчас, с чего бы. Нет уж, ты оставайся и ищи...

Дальнейшую их дележку подвига я едва слушал, отстраненно наблюдая, как постепенно заводится, скатываясь в агрессию, Илья: наклоняет лобастую голову, напрягает плечи, сжимает в кулаки руки...

Так, стоп. Только берсерка мне в спасательной операции и не хватало.

— Со мной едет Сергей. Илья, встретишь жену, объяснишь ей, что к чему. Парни, выезжаем.

— Хабаловка, по сути, даже не деревня, а так, выселки, хутор в пяток домов, — рассказывал Серый, цепко держась взглядом за дрожащую стрелку компаса у себя в руке.

От этого занятия Ксюшин друг детства отвлекался редко, только чтобы взглянуть на дорогу, убедиться, что мы едем правильно.

Стрелка дрожала. Дрожала и указывала немного в сторону от нашего маршрута: скоро нашему кортежу из трех машин предстоял съезд на проселок.

Трасса бодро ложилась под колеса: защита Ордена, рассчитанная как раз на такие экстренные случаи, позволяла не оглядываться на ограничения скорости и служителей жезла. Бог весть, что они видели — но разве что честь нам вслед не отдавали.

Дрожащая стрелка означала только одно: Цель жива. Но не гарантировала, что это надолго.

Серый это прекрасно понимал и оттого забивал свое напряжение потоком слов:

— Там раньше сектанты жили. Самовольная застройка. Потом их разогнали, деревня оказалась заброшенной, ну и вот...

Входящий вызов оборвал его на полуслове, и я ткнул пальцем в гарнитуру:

— Да!

— Максим, мы нашли Миргуна. Его местонахождение совпадает со Свердловой, — торопливо

бросила в трубку Вера. — И будьте осторожны, он инициируется в любой момент!

— Принято.

Понятно теперь, почему его не удавалось найти магическим поиском. Перед самоинициацией сила скачет, и аура колдуна «мерцает», меняется, становясь похожей то на обычную человеческую, то на ауру полноценного мага.

...значит, все-таки Миргун.

Жаль. Он мне нравился.

Глава 16

Ксения

Темнота перекатывалась волнами. Сознание болталось в ней мутное, желейное. Деревянное. Тело тоже одеревенело — не подчинялось мне больше.

Дурно.

Мужской голос отрывисто произнес:

— Ну где ты?

И снова темнота.

Второй раз из темноты выплывать было легче: кажется, я успела запомнить путь.

Тело не слушалось. Телу было больно, но как-то странно.

Во рту пересохло. Я попыталась открыть его, облизнуться — и не смогла.

Не смогла даже глаза открыть.

Что за?..

Мне больно!

Мне это не нравится!

Мысли плавали. Плавились. Оплывали.

Темнота... Нет! Нет, туда — нет.

Держаться.

Голоса. Они гудели то отдаляясь, то приближаясь, и ухватить о чем они говорят, не получалось: голоса рассыпались на звуки и музыкальные фразы, и звучали вдруг то блеянием козла, то чириканьем птички. Ужасно мешали.

Птичку жалко...

И так пить хочется.

И больно.

Собрала мысли кое-как в кучу.

В сознание вернуться мне помогли, как ни странно, эти раздражающие голоса.

Зацепившись за них, я смогла кое-как слепить себя воедино.

Потянулась к силе — и ощутила лишь жалкий пересохший ручеек. Припала к нему, впитывая эти капли, как воду.

Воды бы...

Но стало легче. В голове звенело и шумело, и сама она трещала болью, но я, по крайней мере, сумела понять, что я лежу на боку, руки и ноги у меня связаны и рот не открыть, потому что он залеплен, вроде бы скотчем. И что глаза не открыть: завязаны.

И эта странная боль мне знакома, потому что мне доводилось отсидеть ногу. Только теперь она всюду — как будто я умудрилась отсидеть всю Ксюшу.

И удалось, наконец, понять, о чем толкуют голоса.

— Это она во всем виновата. Сделай это — и тебе станет легче.

— Она?..

Они были знакомы, голоса. Я их раньше слышала. Только в голове прояснилось недостаточно, чтобы

ухватить — где.

— Она, она. Не сомневайся. Просто сделай это.

— Это?..

— Убей. Ударь ножом в сердце.

Меня пнули по ребрам, переворачивая с бока на спину, и я оглохла от потока боли в затекшем теле, и руки, связанные за спиной, оказались под ней и выгнули мне позвоночник, открывая ножу маньяка незащищенные живот и грудь.

Зато от боли в голове прояснилось, и я опознала голоса.

Над мной стояли и обсуждали меру моей вины Дмитрий Миргун и...

Кирилл Андреевич Левашов.

Голова, наконец, заработала как надо, прогоняя мысли со скоростью стрижей.

Я видела его за рулем в приехавшей от Макса машине. Я не насторожилась.

А интуиция и так с утра вопила Иерихонской трубой, и ее сигналов я не распознала.

Он ткнул меня шокером, а потом вколол мне что-то, от чего во рту сухость и тошнота волнами.

Защита, поставленная от сонного газа, справилась с препаратом, впрыснутым в кровь, — поэтому я очнулась.

Мой гостеприимный коллега явно этого не ожидал, продолжая обрабатывать сумасшедшего Диму.

Осторожно, стараясь не насторожить похитителя до времени, я потянулась к силе.

— Ну же, — увещевал судмедэксперт Миргуна. — Ты же хочешь освободиться? Верно? Хочешь?

Что он ему наврал? Наверняка часть его вранья была правдой.

Извращенной и правильным образом поданной.

— Нет-нет-нет, — испуганной птицей бормотал Дима. — Нет!

— Не бойся, — мягко и вкрадчиво стелился голос Левашова. — Она ведь даже не человек. Морок. Галлюцинация. Твои страхи. Тебе нужно просто победить свои страхи...

А я... Сила моя, сила, полноводное озеро — ни берега, ни дна — не отзывалась. Я тщетно пыталась наскрести хоть на слабенький, но удар. Я была пуста.

И вот тут мне стало страшно.

Потому что это был мой единственный, последний шанс — вырубить их обоих и дожидаться подмоги.

Которая придет не скоро.

Потому что никто не знает, где я.

Потому что мама, способная учуять беду с родной кровью, не успеет на помощь.

Потому что Макс, который мог бы успеть, считает, что я сижу в своей квартире под надежной защитой, в полной безопасности.

А прямо надо мной человек, которому я симпатизировала, уговаривал несчастного безумного парня ударить меня ножом в сердце. Вряд ли это способно избавить Дмитрия от его повышенной чувствительности, но проблему, так или иначе, это решит. Не думаю, что Левашов позволит ему выжить после моей смерти. Зачем ему такой свидетель?

Отличный план, Кирилл Андреевич. Повесить на парня свои грехи и уйти в тень.

Надеюсь, у тебя не получится.

Надеюсь, мое убийство тебе придется совершить самостоятельно.

Потому что есть вещи, которые не требуют силы, — им достаточно желания и чуть-чуть умения.

Например, посмертное проклятие.

Я сосредоточилась на своей последней воле, вкладывая всю себя, отчаянно боясь не успеть...

— Ах ты ж! — выдохнул Левашов с изумлением и испугом и рывкнул: — Решайся! Она сейчас придет в себя, и тогда... Отдай нож!

— Нет, нет, нет, я не буду, не стану!

Не будет никакого «тогда», но Кирилл Андреич этого не знал и, судя по звукам и возне, попытался вырвать оружие, и Дима вскрикнул... Вырвал?

Я собралась, сосредоточилась на своей мести, готовясь отдать ей последние силы.

Все.

Теперь — все.

Я готова.

...но не к тому, что по помещению прокатится волна холодной ослепительной силы, прошьет меня насквозь и парализует.

Меня повело, в ушах зазвенело, и многострадальное сознание собралось было снова покинуть столь негостеприимное место, но окончательно уплыть не успело. А потом меня подхватили с пола, щелкнул выкидным лезвием нож, и с бормотанием «Ксюня-Ксюня...» Серый разрезал и содрал скотч.

Левашов, предусмотрительная сволочь, не просто залепил мне им рот, а обмотал вокруг головы — так просто не сорвешь.

Глаза, слава богу, были завязаны просто повязкой — иначе заимела бы я сейчас эпиляцию в районе бровей и ресниц. А так ничего, обошлось.

— Пить, — прохрипела я, моргая слезящимися глазами.

— Сейчас-сейчас, потерпи, — уговаривал меня Сергей.

Он чиркнул по кабельной стяжке на ногах, потянулся к рукам.

— Сейчас я тебя выведу отсюда, и все будет, подожди немного...

Рядом Кирюха с незнакомым мужиком деловито и с немалой сноровкой паковали Левашова: блокатор магии, обыск, наручники...

Та-а-ак... Приятно, конечно, что меня спасли. Но почему это сделал не Макс?!

И ответом на мои крамольные мысли прозвучало короткое и жесткое:

— Брось нож.

Страшно стало даже мне, что уж говорить о несчастном парне?

— Нет-нет-нет! Я не буду! Я не стану!

Я оглянулась на голоса и успела увидеть, как Макс плавно, словно крадучись, надвигается на Миргуна, а тот пятится, зажав в кулаке самый обычный кухонный нож.

Левашов валялся скованный параличом до сих пор, наручниками и блокаторами его пеленали обездвиженного.

Мне помог прийти в себя друг Серега — саму бы меня штурмовое орденское заклинание так быстро не отпустило.

И только разогнанный инициацией Миргун не просто сохранил подвижность, но и встретил бравую инквизицию с оружием в руках.

Максу было от чего проникнуться неприязнью и недобрыми намерениями.

— Брось нож.

Макс качнулся вперед, а Дмитрий отшатнулся, упираясь лопатками в стену, отвернулся, зажмурился и заскулил тоненько, как собака, пряча нож между собой и стеной...

И я не выдержала. Угрозы, повисшей в воздухе, и Максовой страшной напряженной фигуры....

— Соколов, гад! — гаркнула я и дернулась, пытаюсь сесть.

Затекшее тело не оценило порыва, ответив волной колючей боли, но понятливый Серега подхватил меня подмышки и опер о стену.

— Не тронь ребенк-кхе-кхе-кхе! И воды дайте, садисты...

В губы ткнулось горлышко бутылки, я сделала глоток, прокашлялась, слизывая с губ соленые слезы (и когда только успели потечь?), и попросила замершего от ужаса парня:

— Дима, брось ножик. Я прошу, пожалуйста. Да, — подтвердила я, видя, как настороженно, недоверчиво опускается зажатая спиной и стеной дома рука. — Пра-а-авильно, вот так...

Пальцы на рукояти разжимались с трудом, по одному. То ли спазм, то ли страх...

— Правильно, — вздохнула я с облегчением, когда злосчастный предмет спора стукнул о пол и был тут же подхвачен Максом.

— Иди сюда. Ну же, иди ко мне, не бойся. Да, вот так... Не бойся, Дим. Все хорошо. Все уже хорошо.

И он подошел. И сполз по обшарпанной стене с обвалившейся штукатуркой. Сел и, подтянув к себе колени, уткнувшись в ладони лицом, заплакал.

— Ко мне Кирилл Андреевич сам пришел, сказал, что знает, что со мной, что может помочь это все прекратить... И что врачи ничего не понимают и не помогут, а Кирилл Андреевич — да, потому что он такой же, как я, и только он сможет мне помочь. Сказал, что в мире есть ведьмы и что они иногда такое делают с людьми, чтобы тянуть из них силы. Сказал, что мне опасно дома сидеть, и привез меня сюда, сказал сидеть и ждать. Я сидел и ждал. А потом Кирилл Андреевич приехал с вами. И сказал, что... Я не хотел! Не хотел! А он сказал, что вы ведьма, что это вы так сделали, что я... А нож я потом подобрал, когда Андрей Кириллович упал! Чтобы... ну... а вдруг бы он очнулся? Я не хоте-е-ел!

Как-то само собой вышло, что он уткнулся сперва мне в плечо, а потом сполз головой на мои ноги, свернулся калачиком и теперь дрожал крупной дрожью.

— Тихо-тихо-тихо... Тихо, ну чего ты, — уговаривала я взрослого парня, как ребенка. — Ты молодец, ты все сделал правильно. Если бы ты не потянул время — он бы нас обоих убил.

— Я знаю, что я псих и иногда... иногда... — он шмыгнул носом и договорить не смог. — Но я не убийца! И я не хочу! А он... А он...

Угу. «А он».

Миргуна трясло уже не от нервов: сила клубилась вокруг него грозovým облаком, медленно, тяжело осознаваемая.

— Ты не убийца, Дим.

Руки вроде бы отошли, и я осторожно погладила его по голове.

— И не псих. Тебе просто вовремя не помогли. Кое в чем Кирилл Андреевич тебе сие соврал: в мире действительно есть люди с колдовским даром. И ты один из них.

— Я не хочу! Не хочу, не хочу, не буду!

— Тише, тише, Дима, не спеши, — успокаивала я парня и его силу, норовящую свернуться в смерчевую воронку. Было очевидно, что в таком состоянии парня оставлять нельзя. Но и трогать не стоит. — Подожди, Дим. Ты же не знаешь, от чего отказываешься. Ты не пробовал еще. Подожди...

— Нет! Нет, я не хочу! Я Аню чуть не убил! И маму ее!

Маму ее я сама чуть не убила, так что это не считается.

— Дима. Подожди. Ты был не в себе. Ты не знал. Теперь все будет иначе, ты сможешь быть нормальным магом.

— Я не хочу быть нормальным магом! Я хочу быть нормальным! — от болезненного вскрика с

потолка над нами посыпался хлам.

Твою бабушку!

А вот этого не надо!

— Хорошо. Будь по-твоему. Но тебе придется подождать: запечатыванием дара занимаются вот эти парни из инквизиции, а они пока что заняты.

— Хорошо, — кивнул Димка.

Колотящая его дрожь не унималась, и мне это все меньше нравилось.

— Я подожду здесь, ладно? Я не хочу к людям. Я боюсь.

Да твою ж дивизию, Дима! Штопаный ты ежик! Баран упертый!

Какое дивное в своей прекрасности предложение: оставить нестабильного колдуна вдали от присмотра!

А потом на этом месте мы обнаружим небольшой котлован, да?

Я плюнула на попытки сохранить этому нервному дурню силу и сдалась:

— Хорошо. Если я заберу себе твою силу — поедешь в город?

— А... а так можно? — увидела я полные надежды глаза.

ТЬфу ты!

Слабое ожидание, что нормальная человеческая жаба возобладает над страхами, не оправдалось.

— Можно, — покривилась я. — Обычно колдуны и ведьмы на такое добровольно не идут. Но ты у нас уникум. Дима, это практически ошейник и поводок. Подумай еще. Поверь, быть магом не так страшно, как ты сейчас думаешь, и...

— Нет. Я не хочу. Мне это все жизнь сломало. Вы не бойтесь, я не передумаю.

Дурак.

Хотя в чем-то ты, безусловно, прав.

Моя бабушка вон так же считала...

Вздохнув, я попросила:

— Выйдите все вон. И дайте уже нормально попить!

Максим

Мое спокойствие рассыпалось вдребезги, стоило только увидеть Ксю.

Эмоциональная вовлеченность — зло, и Миргун, которого я чуть не размазал по стене, тому свидетель.

Ксюша выпотрошила его быстро и непринужденно.

Провалившееся окно позволило наблюдать, как она это делала: энергетический поводок, по которому, как по каналу, потекла нестабильная сила — и напряженность магического поля почти моментально снизилась, больше не угрожая устроить тут для всех нас братскую могилу.

А потом она вышла из заброшки, и мне поплохело повторно. Кажется, Дмитрий Миргун на волне стрессовой инициации скакнул чуть ли не вровень с самой Ксюшей.

И легкость, с которой крапивинская Хозяйка переняла себе такой объем энергии, была кажущейся.

Я шагнул вперед, готовясь поддержать, подхватить, если она упадет.

— Медальоны, — хрипло скомандовала Ксюша, придерживаясь за меня. — Все.

— Под завязку не заполняй, — предупредил я, торопливо выпутывая орденский знак из-под защитных чар. — Обороноспособность обвалишь.

А уже через час мы тем же самым кортежем из трех машин ехали обратно в город — но теперь уже без помпы и с соблюдением ПДД.

Миргун, которого морозило несмотря на жару, спал на заднем сиденье, закутанный в плед, за ним присматривал добросердечный Серега.

А Ксюша на соседнем сиденье сосредоточено хмурила брови:

— Макс, а ты не знаешь, где мой мобильный?

— Полагаю, Левашов его выбросил.

— Ужас. Надеюсь, его никто не подберет. А то несчастный бедолага может нечаянно стать свидетелем чуда: как контакт «Мама» дозванивается на выключенный телефон!

— Бросьте, я не сумасшедший и не одержим манией, я в здравом уме и осознаю тяжесть содеянного.

Подвал съемного дома в частном секторе Крапивина гостеприимно принял нового постояльца. Сложностей в допросе, в принципе, не ожидалось: крапивинского маньяка взяли с поличным.

И их не было: Левашов добровольно сотрудничал со следствием.

— Я все расскажу. У меня только одна просьба.

— Вы хотите смягчить меру приговора?

— Ну да, — Кирилл Андреевич улыбнулся, но вышло криво, — со смертного приговора до смертного приговора... Нет. Не говорите Наде. Она сейчас в санатории, пусть ей скажут, когда вернется, что со мной... Несчастный случай. Или инфаркт — что уж, случается в наши годы...

Он помолчал и начал исповедь:

— Наденьке поставили диагноз шесть лет назад. Сразу сказали: опухоль неоперабельна, дали прогноз — не больше года.

Левашов сидел, устало опустив плечи, и говорил спокойно, с каким-то даже облегчением.

— Мы тогда долго по врачам ходили — надеялись, что хоть кто-то даст шанс. Но нет... Надя тогда как-то сразу приняла все это. Мол, сколько отмерено — столько и отмерено... Это я не мог ее отпустить. Я через инквизицию вышел на целительницу в столице — здесь-то, в Крапивине, я никого из таких не знаю. Она нас приняла, посмотрела и сказала мне, что вылечить Надюшу не сможет. Но в качестве поддерживающей терапии предложила энергетическую подпитку через артефакт. Подказала, к кому обратиться. Хороший мастер попался, объяснил, что и как делать... Между делом упомянул, что, когда маг-зарядник отдает целиком весь резерв, это имеет интересный

эффект. Это как бы аккумулирует заряд. Увеличивает коэффициент сохранения энергии в накопители. В качестве накопителя выбрал нож. С украшениями не очень удобно: некоторые Надя надевает от случая к случаю — а для подпитки нужен регулярный контакт. А те, которые носит каждый день, — не зарядишь так, чтобы она не заметила.

Андреич вздохнул, попробовал сесть удобнее на жестком стуле. Звякнули наручники. Судмедэксперт усмехнулся:

— А готовит-то Наденька каждый день. Зачаровал два одинаковых ножа, чтобы незаметно менять разряженный на полный. Примерно год протянули на подпитках. Болезнь прогрессировала, и Наде становилось хуже. Сначала хватало моей силы. Потом перестало хватать даже платных услуг.

Он откинулся на спинку стула, запрокинул голову и сидел так, с закрытыми глазами.

Братья по Ордену, присутствующие при допросе, молча стояли вдоль стен.

Ксюша сидела в углу в компании доктора и молча сверкала глазами. По дороге домой из Хабаловки она-таки хлопнулась в обморок и на допрос пробивалась со скандалом: орденская целительница, наивная душа, пыталась оградить Ксю от потрясений. Теперь вот сидела рядом, держала руку на пульсе в прямом смысле слова — на этом условии она согласилась допустить Свердлову в подвал.

— Зарядница из столицы, когда я стал приезжать раз в неделю, отказалась с нами работать, сказала, что не успевает восстанавливаться, дала контакты нескольких коллег поближе к Крапивину. Двое из троих, узнав обстоятельства, отказались. Одна сперва согласилась. Заруба Ольга Владимировна, город Коростылев. Договорились, что она будет работать только с нами, отдавая весь резерв — ради того самого коэффициента усвоения. Но это тяжело, выматывает психологически и физически. Через некоторое время Заруба тоже отказалась. «Помогать нужно живым».

Я едва не вздрогнул, услышав эти слова, сказанные не так давно Лидией Шипуриной. Хорошо, что Левашов так и не открыл глаза.

— Тогда я убил первый раз. Подальше от Крапивина — в Коростылеве. Надю заранее отправил из Крапивина подальше, в профильную клинику, на экспериментальное лечение. Артефакты перезачаровал сам, семейная направленность помогла. Это не так сложно оказалось...

«Не так сложно».

Измененные Левашовым ножи впитывали не больше десяти процентов высвобожденной силы.

Десять процентов.

Остальное уходило в никуда и бессмысленно развеивалось в магическом фоне.

Парни стояли молча: они прекрасно знали, что здесь и сейчас лучше не влезать со своим оценочным суждением относительно действий задержанного. А то замкнется в себе — и выводы его снова на откровенность...

Ксюше молчание явно давалось с трудом — судя по пылающим глазам. Удерживало ее рот закрытым, скорее всего, только мое клятвенное обещание выставить из допросной, если будет мешать.

— Я надеялся, что запасенной энергии хватит на то, чтобы Надя преодолела энергетический порог и справилась с болезнью, но не повезло: силы не хватило... Хотя некоторое время все шло хорошо, ей явно стало лучше, и лечащий врач заговорил об устойчивой ремиссии, она уже стала надеяться, что выздоравливает, но...

Молчание, и усталое:

— В первый раз она продержалась без дополнительной подпитки почти год. Потом убивать понадобилось чаще. Жертв старался находить вне Крапивина. Отвозил Надю в санатории, оставлял отдыхать. Ей говорил, что возвращаюсь домой, на работу, а сам... искал. Так... безопасней. Да и объяснять улучшения в самочувствии проще: я приезжал проводить, незаметно менял ножи, а Наденька считала, что это санаторное лечение подействовало...

— Почему именно неиницированные ведьмы? — задал я новый вопрос.

— Их видно, — Левашов потер запястья, как будто мерз.

Может, и вправду мерз — в подвале было нежарко.

— Я не умею определять колдунов или ведьм, которые уже прошли инициацию. А

неиницированные светятся, как звездочки в темноте. Со временем научился чувствовать их издалека — стоило только сосредоточиться...

Диктофоны на столе между нами беспристрастно фиксировали ход допроса. Основной, мой, — и второй, принадлежащий Кирюхе, на всякий случай.

Жека со скоростью профессионального секретаря заносил признания Левашова в протокол.

— Можно мне воды?

— Да, конечно, Кирилл Андреевич. Костя, — обернулся я к Кирюхиному подчиненному.

Тот кивнул и буквально через минуту вернулся с пол-литровой пластиковой бутылочкой.

Когда Левашов утолил жажду и вернул оперативнику пустую бутылку, я задал следующий вопрос:

— Сколько всего было жертв?

— Восемнадцать, — отозвался он, глядя в сторону. — В первый год понадобилась одна. На второй уже две, потом три... В прошлом году — пять. В этом понадобилось уже семь...

Восемнадцать. Человек.

Молодых, полных сил девушек.

— Нам нужны будут имена, описания, даты... Другие подробности.

— Я не знаю имен, — тускло отозвался Левашов. — На внешности тоже старался не заикливаться... Даты помню неточно, плюс-минус. Места разве что могу точно назвать...

— Покушение на Катерину Оленеву в мае этого года — ваша работа?

— Барышня из дворца спорта молодежи?

— Да.

— Да... Моя.

Когда он закончил диктовать скорбный список, по которому нам еще предстояла уйма работы, я перешел к следующему вопросу:

— Зачем вы вызвали инквизицию? — в отличие от Кирилла Андреича, я не мог позволить себе роскоши не смотреть на человека, сидящего напротив.

Левашов неловко пожал плечами:

— Пару лет назад я понял, что долго так не смогу. Миновать энергетический порог не получалось, жертв требовалось все больше, а я... Как бы там ни было, удовольствия я от убийств не получал. Но наблюдения показывали, что моя теория верна и вылечить Надю все-таки можно, но... — он устало вздохнул и негромко подытожил: — Нужна была по-настоящему сильная жертва.

По-настоящему сильная жертва явно имела что сказать по этому поводу. Как ее, бедную, до сих пор от сдерживаемых чувств не разорвало?

А Левашов неохотно продолжал:

— Про Хозяек я слышал от бабки, ведьмы. Но кто является в Крапивине Хозяйкой сейчас, я не знал, а попытки осторожно выяснить ни к чему не привели: все только пожимали плечами. Да у меня действительно практически нет связей с магическим сообществом города: бабка-покойница к магии относилась негативно, в ведьмовском мире отношений ни с кем не поддерживала... У меня дар не настолько сильный, дети, все трое, неодаренные — как-то искать выходы и налаживать связи всю жизнь незачем было. Выяснять через Орден было бы подозрительно, а больше я и способов никаких не знаю.

— Наде становилось хуже, у меня уже почти начали сдавать нервы, и я решил пойти ва-банк, — продолжал недобровольную свою исповедь Кирилл Андреевич. — Я много лет был осведомителем при инквизиции. И потому так вышло, что про Орден я знал больше, чем собственно про магов. Ну и знал, что, работая в чужом городе, вы по регламенту должны ставить в известность Хозяйку этого места...

Он нервно дернул щекой:

— Готовился больше года. Собирал информацию, искал необходимые инструменты: сим-карты,

сонный газ... Когда работаешь в бюро судебно-медицинской экспертизы около четверти века, волей-неволей обрастаешь самыми причудливыми знакомствами... Вышел на Дмитрия Миргуна...

И после невеселой усмешки, адресованной самому себе, продолжил:

— Старался действовать аккуратно, не вызывая подозрений. Учел все, что смог. Постарался предусмотреть максимум вариантов развития событий. И... написал своему куратору в Ордене о подозрительных убийствах, похожих на магическую серию. Я надеялся, что, используя Дмитрия Миргуна как громоотвод, сумею выйти сухим из воды, а если нет — ну что ж. Значит, нет. Главное — помочь Наде, а в остальном я был готов ответить по закону.

Тяжелое молчание, закрытые глаза крапивинского судмедэксперта.

Он говорил глухо, монотонно, так, словно все эмоции в нем давно отгорели, оставив одну большую усталость:

— С Ксенией Егоровной с самого начала все пошло не так.

Тут я на мгновение испытал к нему даже что-то вроде сочувствия: с Ксенией Егоровной так оно и бывает.

— Мало того что она оказалась в квартире почему-то не одна, так еще и в подъезде вы разделились, и, когда на Ксению Егоровну подействовал газ, — вы, Максим Владимирович, успели насторожиться.

Я оценил деликатность Левашова: прекрасно понимая, что мое к нему отношение претерпело существенные изменения, он больше не считал себя вправе пользоваться моим разрешением обращаться на «ты».

— Пришлось уходить, пока вы возвращали бессознательную Хозяйку в квартиру. Потом, позже, я узнал о другом покушении — тоже неудачном, — из-за которого Ордену пришлось взять госпожу Свердлову под защиту, но это уже ничего не меняло: у меня не было возможности застать ее одну, а связываться с дознавателем Ордена... Я не слишком хорошо представляю магические возможности вашей Организации, Максим Владимирович. Ранее мне все больше доводилось иметь дело с ее бюрократической стороной. Я постарался расположить Ксению Егоровну к себе, даже пригласил вас к нам с Надей... Мне нужно было, чтобы Ксения Егоровна меня не опасалась. Я вполне отдавал себе отчет, что с ведьмой такой силы у меня будет только одна попытка.

Ксюша-Ксюша... «Ведьма такой силы»... Эх ты, балда крапивинская! А если бы мы опоздали с помощью?

Я оглянулся на нее. Представил, что мог бы не успеть.

В душе шевельнулось нехорошее понимание, что тогда Левашов мог бы до допроса и не дожить.

Слишком ярко помнился тот гнев, который затопил меня, когда я увидел Дмитрия Миргуна, стоящего над Свердловой с ножом в руке.

Нет, эмоциональная вовлеченность — все-таки зло.

Я постарался очистить голову от лишнего, сосредоточиться мыслями на работе.

Благо Левашов уже перешел к финальной части рассказа:

— После отъезда Нади счет пошел на дни. Нож пришлось у нее забрать: мне нужны были оба, я планировал один подбросить Миргуну как главное доказательство, что убийца — именно он. Без подпитки... Без подпитки она может умереть в любой момент. Времени оставалось критически мало, поэтому сегодня, когда вы, Максим Владимирович, уехали один, я решил действовать. Миргуна я убедил бежать и спрятаться на высылках заранее, запись наших с вами телефонных переговоров вел с самого начала — просто настроил телефон автоматически записывать все звонки с вашего номера. Просто на всякий случай. О том, что у вас с Ксенией Егоровной... близкие отношения, догадался еще на трупе в доме Стеценко. В общем, нарезал из записей наших разговоров более-менее убедительный монолог — сейчас это любой школьник может — пустил имитацию помех... Риск, конечно. Но у меня и выбора уже не было. Для Нади все может закончиться в любой момент.

Он вздохнул, запрокинув голову и впериw взгляд в потолок в подвала: он хорошо понимал, что для Надежды Левашовой все действительно закончено.

Сглотнул, прогоняя комок по горлу.

— Кость, принеси еще воды, будь добр.

Молчание в ожидании, пока Костя выполнит просьбу, затем — глотки в тишине подвала.

— Спасибо, — поблагодарил Кирилл Андреевич Костю, когда тот забрал у него очередную пустую пластиковую бутылочку. И продолжил: — Чтобы запутать следствие и выиграть время, написал анонимное сообщение мужу Елены Тёминой.

— Откуда вы знали, что у Тёминой проблемы с мужем? — не утерпела Ксю.

Я оглянулся к ней и лицом изобразил: «Ксения Егоровна, удалю из допросной!», но скорее для порядка.

Ну и правда, сколько можно молчать — и так с начала допроса терпела! А тут ее личную Ленку затронули. Ясное дело, не вынесла душа Хозяйки...

Левашов только плечами пожал:

— Случайно выяснил, Ксения Егоровна. Когда о вас сведения собирал, наблюдал за вашим магазином, ну и... стал свидетелем семейного скандала.

Он брезгливо скривился на слове «семейный»: видимо, как и Ксюша, Кирилл Андреевич полагал, что как семьянин Асадский не заслуживал доброго слова, а одного только хорошего проклятия.

Я вздохнул и перешел к следующему вопросу:

— Как вы собирались повесить убийства на Миргуна?

— Я надеялся, что удастся обставить все для следствия так, будто бы Ксения Егоровна и этот молодой человек боролись и госпожа Свердлова нанесла ему смертельное ранение, но Дмитрий успел дважды ударить ее ножом в сердце. Один из ножей, тот, что нанес смертельный удар, я бы потом забрал. Второй оставил бы следствию. Если бы мне все удалось, то вскрытия пришлось бы делать, скорее всего, мне, и я бы постарался аккуратно сделать нужное заключение. А на случай если нанести достоверные ранения Миргуну не удастся... — Левашов помялся, — в лесополосе неподалеку от Хабаловки я приготовил яму с известью. В этом случае следствию пришлось бы довольствоваться ножом с его отпечатками...

— Зачем заставляли Миргуна убить Свердлову, если все равно могли сделать это самостоятельно?

— Я ведь уже сказал, что неясно представляю магические возможности вашего Ордена... — он невесело усмехнулся. — Видите ли, Максим Владимирович, мне очень не хотелось на плаху...

Ксюша встала и прошла к выходу из подвала, сопровождаемая целительницей.

Я бы с удовольствием поступил точно так же.

Но моя работа еще не закончилась.

— Следующий вопрос...

Ксения

Я стояла на балконе, ела стремный июльский арбуз, наблюдала в приоткрытую балконную дверь, как Макс собирает чемодан, и чувствовала себя так, словно все это происходит не со мной.

Было бы мне пять лет — я бы еще и косточками с балкона плевала.

Арбуз притащил Макс. Просто увидел и купил, не зная, что в наших краях арбузы можно без опаски есть только к августу — насчет чего я немедленно его и просветила, запретив брать это в рот. А теперь сама же и нарушала запрет. Потому что категорически не знала, чем себя занять, пока он, Макс, пакует вещи.

С момента приснопамятного допроса прошла неделя, и за это время я успела найти родственников Стоглазой Натали и сообщить им об участии, постигшей Наташку: номерная табличка на месте ее упокоения в ряду таких же безымянных могил не давала мне покоя.

Соколов тоже без дела не сидел, и они с его орденской шатией-братией вычислили и задержали сообщников черных артефакторов в больнице, благоустроили-таки (к моему огромному удивлению) Красницкое кладбище, запечатали-таки Миргуна, который, несмотря на все мои увещевания, все же настоял на проведении ритуала, и, главное, повязали-таки Куропятникову тетку Аллу.

Макс говорил, что на допросах она изворачивалась не то что как уж на сковородке, а как целая гюрза, виртуозно сваливая вину сперва на Стеценко, а потом на покойную племянницу. Она сделала в отношении Валентины то же самое, что они вдвоем провернули со Стеценко: повесила на нее все сомнительные контакты и связи, а сама осталась максимально в стороне, осуществляя лишь общее руководство. Подвел ее финансовый след.

По словам Стеценко, все денежные потоки от черных артефактов они делили на троих.

По словам Макса, Владимир Степанович глубоко заблуждался: ушлые дамочки и в этом беззастенчиво накололи подельника. И собственные деньги старая паучиха из рук не выпустила и никому другому не доверила — вот на этом и погорела.

Теперь Максу предстояло транспортировать в столицу аж двух преступников.

Намедни, правда, в Крапивин наконец-то прибыли инквизиторы, которые два года работали по делу и «любезно» предложили забрать Куропятникову себе...

Я топала ногами и визжала, как авиационная сирена, пока Макс не заверил меня, что не отдаст никому свою добычу и что изначально цели такой не имел.

Тогда меня отпустило, и я успокоилась, убедившись, что этим хитровывернутым умникам не удастся въехать на его шее в рай на халяву.

А теперь вдруг на полном скаку врзалась в осознание простого факта: все.

Преступники пойманы.

Расследование Макса закончено.

Ему пора уезжать.

И он собирает вещи.

Арбуз, мало того что чреватый последствиями, вдруг оказался еще и совершенно безвкусным. Как вата.

Жаль все же, что мне не пять лет.

Скрипнула легонько балконная дверь, и рядом со мной на перила облокотился инквизитор. Покосился на арбузные корочки, но промолчал.

— Мне после этого дела отпуск должны дать.

— М, — изобразила я глубокое внимание.

— Давай поедem вместе куда-нибудь отдохнуть?

Сердце пропустило удар. Ему, дурацкому сердцу, стало больно-больно.

Я тебе, товарищ инквизитор, не кошка, чтобы резать мне хвост по частям.

— Нет уж, Соколов. Ребенка ты мне все равно не дашь, собака жадная. Так что вали отсюда, не трави душу! — отдернула я метафорический хвост из-под топора.

— Ксю...

— Не надо, Макс, а? Просто — не надо. Я большая девочка. Езжай. Платочком вслед махать не обещаю, но и не плюну с наговором, можешь быть спокоен.

Он хотел все же что-то сказать. Я прямо почувствовала и напряглась всем телом. Но передумал. Промолчал. Только ладонь вдруг невесомо легла на макушку и скользнула вниз вдоль позвоночника. Погладил. Что ту кошку...

...Я пронаблюдала, как его машина, мигнув на прощанье огнями, выехала со двора, выпрямилась и ушла в дом.

Было и прошло.

Пройдет.

...надо было все же плюнуть ему вслед. Хотя бы — арбузной косточкой.

Эпилог

Мой магазин нынче меня встретил неприветливо. Задом он меня, прямо скажем, встретил. Спортивным и подтянутым, конечно, но увы — не тем, который хотелось бы тут увидеть: Катя Оленева, перегнувшись через стойку, что-то втолковывала Динке, подменяющей взявшую несколько часов отгула Лену.

— Нельзя, ты понимаешь! И дело даже не в том, что тебе за это инквизиция голову отрубят.

— Так и отрубят? — вытаращила глаза Динка. — Ксения Егоровна, а по нынешним временам что за проклятие на угасание дают?

— Умышленное? — осведомилась я.

— Ну... — Динка помялась, но, сверкнув глазами, подтвердила: — Еще какое!

— А вот и нет, — учить эту молодежь да учить! — умышленность доказать сложно, так что, если что, тверди: «Не виноватая я, оно само»! — И увела разговор в сторону от наказаний и инквизиции: — Кого проклинаем?

— Та кого... — печально вздохнули обе-две. — Все того же!

А Дина добавила:

— Лена сегодня с этим своим... разговаривать пошла. Решать окончательные вопросы... и нет вот до сих пор. Кать, а что, если?.. Ты же не видела, какими он тут цветами и подарками ее заваливал, какие речи слал: люблю — не могу, вернись, я все прощу! Тьфу!

Девушка виновато затерла тонкую струйку дыма, поднявшуюся с пола. И потом жалобно-жалобно высказала свой самый страшный страх:

— А вдруг она к нему вернется?

Катя покачала головой. Ученицей она оказалась на диво способной и даже за несколько недель у моей драгоценной маман успела нахвататься такого, что родительница только ручки потирала: ай, брудьянт на инквизиторские головы!

— Да пойми ты, Дина, ее это битва, а не твоя. Ей надо самой через это все перешагнуть понимаешь? А то привязка так и останется, и никто ее не разорвет, потому что есть вещи, магии неподвластные.

Динка сникла. Катя вздохнула. Моя мрачная физиономия вписывалась в интерьер как никогда гармонично. Настроения не было даже на то, чтобы рывкнуть на всех, построить и разогнать заниматься делами.

— Кого хороним? — возникшая на пороге магазина Ленка хоть и не была ведьмой, но разлитый в воздухе траур уловила безошибочно. — Простите, Ксения Егоровна, я немного задержалась, но... эй, вы чего? Да не вернулась я к нему, не вернулась!

И поверх макушки повисшей у нее на шее с радостным визгом Динки пробормотала:

— Совсем за дуру меня держите, я, может, только жить наконец начинаю...

Шипурина, с которой я на днях созванивалась, подтверждала: начинает.

— Я вещи оставшиеся забрала, те, что не испортил. И на развод подала. Детей-имущества нет — обещали, что через месяц буду свободной женщиной. Вот.

Глаза у Ленки сияли чистым, неразбавленным восторгом, опьянением от собственной смелости и предвкушением свободы.

Ту тварь, которая ей эту свободу будет продолжать поганить, мне хотелось без всяких проклятий попростому придушить. А потому...

— Это надо отметить! — провозгласила я на правах хозяйки. Магазина.

Возражающих не нашлось.

На дверь было вывешено многозначительное «Закрыто в связи с магнитными бурями», торговый зал резко переоборудовался в бар, а начальники-подчиненные и случайные залетные ведьмы — в одну довольно пьяненькую компанию.

Мы устроились на полу и дружно ржали над собственными шутками.

— Господи, как хорошо! — блаженно простонала Ленка и взъерошила волосы. — Он мне сказал, что я ему больше не нужна, представляете? Я счастлива! Я так боюсь, что он передумает и опять примется душу мне вынимать! Я молиться готова, лишь бы он не передумал!

Черная змея коварства ворохнулась в животе. Да-да, прямо среди вина.

— Ну, молиться я не умею! — деловито забулькала я вином, разливая его по бокалам. — Зато умею колдовать!

Дина и Катя сделали дружно Очень Страшные Глаза, а я широким жестом обвела окружающее нас оккультное бохатство.

— Ксения Егоровна, — поморщилась Лена, отпивая. — Ну что вы как маленькая?

— Ой, Тёмина! Не будь занудой! Тебе что, жалко?! Забыла, как с подружками в сочельник на суженого гадала?

— Ага, гадала, что хорошего вышло-то? — бубнили в Ленке остатки разума, но выпитое вино им не помогало, а я продолжала командовать:

— Так, девы! Несите свечи! Да с витрины берите, что вы мнетесь?! Ленка, бери мел, рисуй круг! Давай-давай, круг ты должна нарисовать сама!

Только сегодня и только сейчас — мастер-класс «Охмури доверчивого человека и вовлеки в ритуал обманом, коварством и немножко дурью». Стажеры внимали с азартным любопытством и разве что не аплодировали.

Ленка, с бокалом вина в одной руке и «магической» свечкой в другой, послушно повторяла несложные действия и старательно бормотала про замыкающиеся пути и заплетающиеся дороги. Моя сила текла в созданные ей каналы и наполняла их.

И меловые линии сплетались в магический узор, наглядно показывая, чем иногда может обернуться невинная шутка.

— И будет защита моя крепка! — торжественно повторила за мной Тёмина.

И я отпустила нити.

Круг замкнулся. Все, это, конечно, совершенно и ни разу не проклятие, но страдать от этого недоумка Лена больше не будет. Правда, мы, бабы, создания предприимчивые: мы-то — и не найдем, от кого пострадать?..

Мрачную мысль прервал «гром» аплодисментов: эти две дурочки с переулочка таки не удержались.

Доигрывая роль до конца, я раскланялась, отсалютовала бокалом...

Слабенькие женские овации стремительно завяли, когда от двери прозвучали размеренные, неторопливые хлопки, от которых у присутствующих все волосы на теле встали дыбом.

— Не виноватая я, — брякнула Динка и зажала себе рот руками.

— А нас уже такси ждет... — самая сообразительная, Катя подхватила двух других под локоточки, запихнула в туфли и поволокла на выход.

— Мы разве вызывали? — Лена ничего не поняла, но и не сильно возражала, оглушенная алкоголем и ритуалом.

— Так оно ждет, когда уже вызовем! — нашлась Катерина. — Всего вам добренького, Максим Владимирович! Рада видеть вас — жуть как, но так спешим, так спешим!..

Макс молчал, провожая всю суету каменной физиономией, только в глубине глаз да в уголках губ подрагивало что-то похожее на усмешку.

А я стояла посреди разоренного Шабаша и отстраненно думала, что зря я все же его на лишай с почесухой не прокляла, но ведь это сделать никогда не поздно!

— Только попробуй, — почти ласково произнес инквизитор и шагнул в мою сторону. — Посажу на пятнадцать суток и буду... пытаться.

Хриплый голос, расширенные зрачки. Медленное, гипнотическое приближение. А у меня — дрожь по позвоночнику и мокрые труссы.

Сволочь ты, Соколов. Садист и последняя сволочь.

Я отвернулась и прошествовала в свой кабинет.

— Откуда начнете инвентаризацию, Максим Владимирович, со склада или с торгового зала?

Сюр повторения. Дежавю. Не знаю, что в очередной раз случилось в Крапивине, но почему — именно его? За что — именно его? А он? Что, не мог отказаться?

Я перегнулась через стол, чтобы достать и швырнуть ему в рожу ведомость, и в следующее мгновение на мои бедра легли тяжелые ладони, вжимая мою задницу в...

Да ты совсем охренел, Соколов!

Резко обернувшись, я оказалась нос к носу с родной инквизицией, зажата между ней и столешницей.

— Я не по этой части, Ксения Егоровна...

Макс боднул меня в лоб, мимолетно потершись о нос кончиком носа. И меня буквально затрясло от желания вцепиться в него всеми конечностями — и больше не отпускать. Никогда. И пусть как хочет объясняет начальству паразита в виде ведьмы на своей спине. Но...

Но я стиснула зубы и сделала каменное лицо. Правда, не отстранилась и не вырвалась. Потому что, если он будет меня удерживать, я не выдержу, а если не будет — то точно сидеть мне в застенках, ибо есть предел ведьминскому самоконтролю! «Не виноватая я, граждане инквизиторы, он сам пришел...»

Макс тихонько вздохнул, сунул руку во внутренний карман пиджака и выудил оттуда конверт.

— Только не говори, что ты мне еще пачку трупов притащил! — расфырчалась я, взламывая печать.

Одинокий лист плотной бумаги, золоченые буквы.

Приказ. Решением Ордена... назначается... Хозяйкой города Крапивина... вступление в силу с момента подписания...

Это была последняя капля. Злость вскипела во мне вместе с силой, черная, темная, непроглядная. Она развернулась крыльями, пологом, ночным безлунным небом, хлынула вовне, ударяясь об инквизиторские щиты, но не отхлынула, как должна была бы, а облепила густой чернотой...

«Ну что, хозяйка, жрем, или пусть еще поживет?»

Долгий взгляд. Глаза в глаза.

И я нехотя шевельнула мизинцем. Ай, силы на него тратить еще.

И тьма послушно растаяла, затаившись в тенях.

— Ты охренел, Соколов, — сообщила я и с наслаждением разорвала плотный лист приказа.

— Это не я, это решение свыше.

— А я не про это.

У меня почему-то не получалось даже беситься. Вывалить на него всю непередаваемую остроту ведьминского темперамента. Только глаза почему-то щипало.

— Ты мог бы отказаться.

Макс качнул головой.

— Я сам вызвался. Хотел предложить тебе способ всего этого избежать. Ксю... поехали со мной в отпуск? Во Владивосток.

— Ах ты шантажист проклятый! — взвилась я. — Я тебя в отпуске развлекай, а ты меня от обязанностей отмажешь?! А не пошел бы ты... в... в... во Владивосток!!

Я тяжело дышала, грудь вздымалась.

— А что не так-то? — удивился Макс. Он почему-то улыбался. — Хороший город. У меня там родители живут.

В голове что-то сдвинулось. Щелк — и вдруг ракурс резко сменился и картинка стала выглядеть как-то совсем иначе. Настолько иначе, что поверить в это было сложно.

— А потом? — осторожно уточнила я.

— А потом — в столице уже есть Хозяйка.

Он наклонился, поднял с пола небрежно брошенный туда надорванный конверт, в котором было письмо, перевернул его и потряс.

На раскрытую ладонь упало, сверкнув драгоценными звездочками, кольцо.

— Ненавижу инквизицию, — с глубоким чувством произнесла я.

Макс улыбнулся и снова подошел. Легко преодолел границы приличного, вторгаясь в личное, замер, приблизившись вплотную, взял мою руку, погладил безымянный палец.

— Я соскучился, Ксю. Поедешь со мной?

— Не хочу я в столицу, — пробормотала я. — Там эти... как их... вредные такие, отвратительные... а! Ведьмы!

— Ничто так не бодрит, как дележ территории, — хмыкнул Соколов и снова легонько потерся носом о мой нос — непривычная, необычная нежность.

— Ага! — возмутилась я. — Ты будешь по своим командировкам мотаться, господин дознаватель, а я там сиди и... дели!

— Можешь мотаться вместе со мной, инквизиция это быстро оформит. Нам вечно ведьм для штатной работы не хватает.

— Я?! Работать на инквизицию?!!

— Согласна? — Макс откровенно ухмылялся, а нагретый теплом его ладони металлический ободок теперь едва ощутимо касался пальца.

— Да ни в жизнь!

— Уверена? — кольцо поползло до первой костяшки. — У нас премии хорошие, и отпуск увеличенный, и перспективы какие...

— Соколов, серьезно, что твое начальство сделало тебе такого плохого?..

Вторая костяшка, и где-то внутри знакомо и сладко сжимается от ощущения этого скольжения, напоминающего кое-что, от жаркой близости, от смеха и тепла в глазах напротив. Оттого, что он приехал. Оттого, что я — нужна. И оттого, что это — взаимно.

Кольцо добралось до основания пальца и замерло на нем как влитое.

— Я люблю тебя, Ксю. Ты выйдешь за меня замуж?

— И я тебя люблю, Макс, — легко призналась я, закидывая руки ему на плечи, и сощурилась: — Но где тебя месяц носило — мы еще разьясим!!!

P.S. Крапивин снова остался без Хозяйки. До тех пор, пока Катенька Оленева не вошла в полную силу и не сказала задумчиво: «А чего это оно тут такое бесхозяйственное лежит». И на это моя дорогая бабка даже не нашла что возразить.

P.P.S. А ребенка я у скупердя отжала. Двух.